

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯЗЫКАМ АФРИКИ
*ВЫПУСК 3***

Москва – 2009

Редколлегия:

В. А. Виноградов (отв. ред.), А. И. Коваль, А. Б. Шлуинский

Сборник статей по материалам Лингвистической секции

ХІ КОНФЕРЕНЦИИ АФРИКАНИСТОВ

РАЗВИТИЕ АФРИКИ:

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

(Москва, 22-24 мая 2008 г.)

Исследования по языкам Африки. Выпуск 3. Сборник статей по материалам лингвистической секции ХІ конференции африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия» / Отв. ред. В. А. Виноградов – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – 304 с.

В статьях сборника рассматриваются различные вопросы фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики языков Восточной и Западной Африки в типологическом и историческом аспектах.

Издание рассчитано на специалистов в области африканистики, типологического и общего языкознания.

© Коллектив авторов

© Институт языкознания РАН

светлой памяти

Ирины Степановны Аксёновой

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
И. С. Аксенова. Факторы, влияющие на выбор субъектного показателя глагола в языках банту	11
К. В. Бабаев. Типология субъектного маркирования в бенуэ-конголезских языках	36
S. Baldi. Les emprunts arabes en fulfulde, hausa et kanuri: un héritage commun	51
В. А. Виноградов. Лингвистические замечания к некоторым пословицам кеньянг	82
В. Ф. Выдрин. Как обратиться к марабуту? Гонорифическая лексика в языках манден	87
А. В. Выдрина. К вопросу о реализации лексического тонального контура в языке какабе	102
Н. В. Громова. Парадигматические отклонения в системе именного согласования в языке суахили	115
А. В. Давыдов. Стопа в языке каранджан	123
G. Karchits, V. Porkhomovsky. Somali kinship terms	140
А. И. Коваль. «Синезис» в дискурсе и грамматике диалекта фульфульде-джамааре	150
M. Konoshenko. Tonal Systems of nouns in Guinean and Liberian Kpelle	169
М. А. Косогорова. Анализ именных согласовательных моделей в авторском литературном тексте на фульфульде	177
А. Д. Луцков, М. Р. Урб. Личные имена в зулу и в других языках нгуни	192
Н. В. Макеева. Модификации в языке кла-дан	196
Н. С. Найденова. Термины родства во французском языке стран Тропической Африки	211
Е. В. Перехвальская. Ориентация и локализация в языке муан	218
В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. Стратегии организации нарратива в языках банту. II. Фокусные и нефокусные формы	231
И. С. Рябова. Выражение атрибутивных значений в языке дабида	252
Ю. Г. Суетина. Глагольная форма sâ в языке хауса: реальность или возможность?	266

И. Н. Топорова. Роль ареальных факторов в развитии и взаимодействии близкородственных языков банту («внутренний» фактор)	277
А. Б. Шлуинский. «Плавающие кванторы» в языке эве	283
А. В. Яковлев. Звуковой строй центральнокойсанского языка нама-дамара (койкойговаб) в свете щербовской фонологической теории	294

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной (третий) выпуск «Исследований по языкам Африки», издающихся отделом африканских языков Института языкознания РАН, представляет собой сборник статей по итогам лингвистической секции XI конференции африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия», которая прошла в Москве 22-24 мая 2009 года.

«Весенние» московские конференции африканистов проводятся Институтом Африки РАН каждые три года. Заседания лингвистической секции этой конференции традиционно имеют относительно автономный статус и проходят в Институте языкознания РАН, а организацию работы этой секции берут на себя сотрудники отдела африканских языков. В этот раз мы решили, что чисто языковедческая проблематика, обсуждавшаяся на конференции, столь обширна, что целесообразно подготовить к изданию отдельный от общеафриканистического издания сборник статей, в котором приняли бы участие участники лингвистической секции.

Лингвистическая секция «весенних» африканистических конференций традиционно мыслится нами как место для встреч российских исследователей языков Африки, работающих в Москве (в Институте языкознания РАН, в Институте востоковедения РАН, в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова и в других организациях) и в Санкт-Петербурге (в первую очередь в Музее антропологии и этнографии РАН и на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета), за счет чего обстановка заседаний всегда оказывается несколько неформальной. Это, однако, несколько не снижает самого высокого научного уровня докладов и обсуждений, а иногда и повышает его. Сказанное также, разумеется, не противоречит тому, что мы всегда открыты к привлечению к работе коллег из любых научных центров мира, и остается только сожалеть, что в этот раз по разным причинам не смогли присутствовать на конференции все заявленные в программе зарубежные докладчики.

К публикации статей в настоящем издании были приглашены все участники лингвистической секции конференции, хотя некоторые и были вынуждены отказаться от этого предложения по причине занятости. Заметим, что в некоторых случаях тематика статей в большей или меньшей степени отличается от исходной тематики докладов, хотя в других случаях содержание докладов воспроизводится весьма точно. Мы никак не ограничивали авторов в том, какая будет в результате тематика и содержание статьи, представленной в сборнике. Помимо работ участников конференции, мы публикуем также статью К. В. Бабаева, весьма удачно, на наш взгляд, встраивающуюся в тематику издания.

В силу того, что сборник содержит 22 статьи, которые покрывают самый широкий круг тем, мы не группировали статьи соответственно из тематике в разделы, а расположили их, исходя из алфавитного порядка фамилий авторов. Тем не менее, можно дать общую краткую характеристику содержания предлагаемой публикации. Что касается к генетической принадлежности рассматриваемых языков, наиболее широко представлены в сборнике языки банту и родственные им. Группа банту в целом рассматривается в статьях И. С. Аксеновой, И. Н. Топоровой и В. А. Плунгяна – А. Ю. Урманчиевой, а отдельные языки этой группы – суахили, зулу и дабида – в статьях Н. В. Громовой, А. Д. Луцкова – М. Р. Урб и И. С. Рябовой соответственно. Рядом с языками банту следует упомянуть о других языках бенуэ-конголезской семьи, к которой относится эта группа; семья бенуэ-конго в целом является предметом рассмотрения в статье К. В. Бабаева, а язык кеньянг этой семьи – в статье В. А. Виноградова. Столь же широко, как и языки банту, в сборнике представлены языки семьи манде, активно изучаемые сейчас исследователями из Санкт-Петербурга. Группа манден обсуждается в статье В. Ф. Выдриной, а различные языки, принадлежащие к южной ветви этой семьи – какабе, каранджан, кпелле, кла-дан и муан – в статьях А. В. Выдриной, А. В. Давыдова, М. Б. Коношенко, Н. В. Макеевой и Е. В. Перехвальской соответственно. Далее следует отметить принадлежащий к атлантической семье язык пулар-фульфульде, материал которого обсуждается в работах А. И. Коваль,

М. А. Косогоровой и частично С. Балди. Материал языка хауса, принадлежащего к чадской ветви афразийской семьи обсуждается в статье Ю. Г. Суетиной и частично в статье С. Балди, а материал языка сомали, относящегося к кушитской ветви – в статье Г. Л. Капчица – В. Я. Порхомовского. Язык эве семьи ква рассматривается в статье А. Б. Шлуинского. Нило-сахарскому языку канури частично посвящена статья С. Балди. Язык нама-дамара, принадлежащий к койсанской семье, исследуется в статье А. В. Яковлева. Наконец, в статье Н. С. Найденовой рассматривается французский язык в той его разновидности, которая используется в странах Западной Африки.

Разброс лингвистической тематики, к которой обращаются авторы предлагаемых в сборнике статей, также очень велик. Четыре статьи посвящены фонетической проблематике: к сегментной фонетике обращается А. В. Яковлев, к проблеме фонетической структуры стопы – А. В. Давыдов, к тоновым системам – А. В. Выдрина и М. Б. Коношенко. Проблематика формальной морфологии обсуждается в работе Н. В. Макеевой. Целый ряд исследований посвящен проблемам лексики: в статьях Г. Л. Капчица – В. Я. Порхомовского и Н. С. Найденовой обсуждается проблематика терминов родства, в статье В. Ф. Выдрина – гонорифическая лексика, в статье А. Д. Луцкова – М. Р. Урб – имена собственные, в статье С. Балди – заимствования. Другая обширная группа работ посвящена грамматике: в статьях И. С. Аксеновой и К. В. Бабаева рассматривается субъектное маркирование глагола, в статьях Н. В. Громовой, А. И. Коваль и М. А. Косогоровой – именная классификация и именное согласование, в статьях В. А. Плунгяна – А. Ю. Урманчиевой и Ю. Г. Суетиной – семантика глагольных форм, в статье Е. В. Перехвальской – именная локативная семантика; в статье И. Н. Топоровой различные грамматические явления рассматриваются в контексте ареальной проблематики. В двух статьях обсуждаются вопросы именного синтаксиса: атрибутивные отношения в статье И. С. Рябовой и «плавающие кванторы» в статье А. Б. Шлуинского. Наконец, В. А. Виноградов дает самые разносторонние лингвистические комментарии к пословицам малоизученного языка.

Остается выразить надежду как на то, что на последующих лингвистических секциях «весенних» африканистических конференций мы увидим еще более интересные и разносторонние результаты, так и на то, что издание нашей периодической серии, в рамках которой публикуется этот сборник, будет продолжено с задуманной нами регулярностью.

* * *

Мы посвящаем этот сборник светлой памяти Ирины Степановны Аксеновой, безвременно покинувшей нас в январе 2009 года. Публикуемая здесь ее статья – последняя работа Ирины Степановны, отредактированная при непосредственном участии автора совсем незадолго до ее кончины. Коллектив отдела африканских языков постоянно ощущает невосполнимую утрату выдающегося исследователя, чей вклад в лингвистическую африканистику еще не вполне осознан. Тем более значимо для нас, что Ирина Степановна была постоянным примером непревзойденной скромности ученого. Память о ней навсегда останется с нами, как и ее блестящие работы.

Редколлегия

И. С. Аксенова

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР СУБЪЕКТНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКАХ БАНТУ¹

В языках банту средством морфологического маркирования в глаголе местоименного субъекта и глагольного согласования с субстантивным подлежащим являются субъектные показатели – глагольные аффиксы, занимающие в финитной глагольной словоформе позицию префикса (SM). В ряде языков банту все SM или определенные грамматические разряды SM представлены сериями префиксов. Префиксы каждой из таких серий характеризуются тождественными лично-классно-числовыми значениями и находятся в отношении дополнительного распределения. Авторы грамматических описаний ряда языков банту отмечали наличие связи между фонемной структурой субъектных показателей глагола, реализующихся в нескольких структурных моделях (сериях), и грамматическими формами глагола (аспектуальными, темпоральными, модальными и/или формами негативной/позитивной полярности), в которых употребляются отдельные структурные типы SM. Так, в языке дабида [Е. 74а] все субъектные показатели, выражающие различные значения лица, числа и согласующиеся с существительными всех именных классов, реализуются в трех структурных моделях (сериях), и каждая из серий соотносится с определенными наборами аспектно-темпоральных форм глагола [Рябова 2000]. В некоторых языках банту сериями префиксов представлены только отдельные типы SM, имеющие определенные лично-классно-числовые значения.

В соответствии с результатами исследований, проведенных в [Урманчиева 2003] на материале ряда африканских языков (банту и не-банту), глагольные формы, в которых употребляются различные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №0504-04149а.

структурные типы субъектных показателей с тождественными лично-классно-числовыми значениями, образуют оппозиции по определенным грамматическим признакам. Основным признаком, лежащим в основе таких оппозиций, является информация, характеризующая описываемую ситуацию как реальную или нереальную, как реализованную или нереализованную. Одни типы SM употребляются с афfirmативными формами индикатива, выражающими информацию о существовании ситуации в МР или в описываемый момент, информацию о существовании ситуации в относительно близкий к МР период и/или о сохранении последствий предшествующей ситуации в МР¹. Употребление других типов SM ограничено грамматическими контекстами, отрицающими существование ситуации в настоящем, прошлом или будущем или указывающими на гипотетический характер, на слабую вероятность возникновения ситуации, т.е. контекстами, в которых глагол выступает в негативной форме или в одной из форм косвенной модальности.

1. Положение о том, что в основе оппозиций глагольных форм, маркированных употреблением различных типов (серий) субъектных показателей, лежит признак реальности/нереальности (или признак существования / несуществования, реализованности / нереализованности) ситуации, применимо, хотя и в различной степени, к материалу языков, которые рассматриваются в данном сообщении, а именно, к материалу бантуских языков гусии (Е.42), камба (Е. 55), сев. сото (S. 32), лаади (Н. 16f), видунда (G. 38) и др. В этих языках серией различных структурных типов (двумя или тремя типами) представлен только SM 3SG, имеющий референцию к лицу и, как правило, соотношенный с субстантивным подлежащим “человеческого” класса 1. В гусии SM, имеющий референцию к лицу (3-му), реализуется в двух дополнительно распределенных типах префиксов (**а-** и **о-**)², в

¹ В некоторых случаях формы, в которых употребляются префиксы этого ряда, указывают на реализованность действия в прошлом безотносительно к сохранению/несохранению актуальности действия для настоящего.

² В определенных грамматико-фонетических контекстах в гусии префикс **о-** заменяется вариантом **bw-**. Это явление имеет место в тех случаях, когда SM **о-**

камба имеются два типа SM 3SG (**а-** и **и-**), в сев. сото – две модели (**а-** и **о-**). В лаади SM 3SG представлен тремя типами префиксов: **ка-**, **и-** и нулевым вариантом (**Ø-**). В видунда имеется серия из трех типов SM 3SG: **ка-**, **и-**, **Ø-**.

1.1. В гусии SM **о-** употребляется в глагольных формах индикатива и аффирмативной полярности. Наиболее характерными грамматическими контекстами для SM **о-** являются аспектно-темпоральные формы перфекта и результата, характеризующие ситуацию как реальную и существующую в описываемый момент или как существовавшую в предшествующий период времени, но сохраняющую связь с настоящим моментом:

- (1) **О-áa-tɛɛb-íré** (ótɛɛbíré) n'á-gɛnd-é ánkio
3SG-PRF-сказать-PRF FOC-3SG-пойти-FUT завтра
'Он сказал (только что), что пойдет завтра'.
- (2) Omwána **о-áa-chi-íré** (óchííré) echííro
ребенок 3SG-PRF-уйти-PRF рынок
'Ребенок ушел на рынок' (и в МР последствия действия ребенка (его отсутствие) воспринимаются как актуальные).
- (3) **О-áá-ik-á** (óiká) bóógi?
3SG-HPST-прийти-HPST действительно
'Он действительно приходил?' (сегодня).

SM **а-** в гусии употребляется в формах негативной полярности, отрицающих существование или наступление ситуации, в формах конъюнктива, опатива, императива (юссива) с адресатом 3-го лица, указывающих на гипотетичность и слабую вероятность осуществления ситуации. SM **а-** употребляется также в аффирмативных формах далекого прошлого или предпрошлого, предполагающих отсутствие связи между описываемой ситуацией и настоящим:

находится в препозиции к глагольному корню, имеющему начальную гласную (при нулевом предкорневом аффиксе АТМ), в некоторых формах с предкорневым аффиксом АТМ **-а-** и с корневой гласной с низким тоном, а также в глагольных словоформах с рефлексивным аффиксом **-е-**.

- (4) Omoriisia á-tém-ε chíǝmbe
 пастух 3SG-бить-IMP коровы
 ‘Пусть пастух бьет коров!’ (или ‘Пастух должен бить коров’).
- (5) Tí-a-ráa-or-a (táráaora)
 NEG-3SG-TRD-молотить-NTR
 ‘Она еще не молотила’.
- (6) Okoba Kenyinsi konyǝǝra
 так.как Кеньинси уже
 a-áa-rér-er-w-íré (ááréreírwé) ǝina
 3SG-PRF:PST(PPRF)-плакать-ADR-PASS-PRF:PST мать
 a-ka-igw-a ...
 3SG-CNS-понять-NTR
 ‘Так как Кеньинси уже была оплакана (раньше), мать поняла ..’.

1.2. В **камба** префикс **u-** встречается в аффирмативных формах индикатива, выражающих различные временные значения:

- (7) Ūmau n’ũ-na:-temang-iw-e na a-neek-ĩw-a
 твой.дед FOC-3SG-резать-PASS-PST и 3SG-положить-PASS-NTR
 mũĩĩ ũsu
 лекарство это
 ‘Твоего дедушку разрезали и положили (в рану) это лекарство’.

Префикс **a-** преимущественно употребляется в формах отрицания и косвенной модальности:

- (8) N’ũ-na:-tav-iw-e ni umau a:-thi
 FOC-3SG-PST-сказать-PASS-PST PRAEP твой-дед 3SG-пойти.CONJ
 kwa Masila a-ka-manth-e ndawa
 LOC Масила 3SG-NARR-просить-CONJ лекарство
 ‘Ему было сказано твоим дедушкой, чтобы он пошел к Масиле и попросил бы лекарство’.
- (9) A-nee-thi-ie Masila vo
 3SG-NEG-найти-PRFV Масила там
 ‘Он не нашел Масилу там’.

1.3. В **сев. сото о-** встречается в аффирмативных формах настоящего (прогрессива или дуратива), пердуратива, соотнесенного с настоящим, т.е. в формах, представляющих ситуацию как существующую в настоящий момент, а также в формах определенного будущего:

- (10) Ngwana **о-а-lla**
 ребенок **3SG-PRES:DUR**-плакать
 ‘Ребенок плачет’.
- (11) Mmê **о-sa-lwal-a**
 мать **3SG-PRDR**-болеть-NTR
 ‘Мать все еще болеет’.
- (12) Morutiši **о-tlo-bal-a** boritu
 учитель **3SG-FUT**-писать-NTR письмо
 ‘Учитель напишет письмо’.

SM **а-** употребляется в негативных формах, соотнесенных с настоящим, будущим или прошедшим, а также в формах ирреальной модальности (эпистемической возможности, конъюнктива или юссива), одни из которых характеризуют ситуацию как несуществующую, а другие как гипотетическую:

- (13) Mošemane yô ga **а-tseb-e** Sesotho
 мальчик этот NEG **3SG-знать-PRES** язык-сесото
 ‘Этот мальчик не знает язык сесото’.
- (14) Morutiši ga **а-у-е** sekôlong lehômô
 учитель NEG **3SG-пойти-FUT** школа сегодня
 ‘Учитель не пойдет в школу сегодня’.

- (15) Ngwana **a-ka-gobal-a**
 ребенок **3SG-POSS-пораниться-NTR**
 ‘Ребенок может пораниться’.
- (16) M-botš-e (mmotše) gore **a-tl-e**
 3SG:O-сказать-IMP чтобы **3SG-прийти-CONJ**
 ‘Скажи ему, чтобы он пришел’.

1.4. В языке **лаади** оппозиции, образуемые глагольными формами, в которых употребляются различные типы показателя 3SG и в основе которых лежит указание на реальный или нереальный характер ситуации, на существование или несуществование ситуации, имеют трехчленный характер. При определенных условиях в афfirmативных формах индикатива могут употребляться все три типа SM. Так, в контексте простых независимых предикаций с нейтральной коммуникативной структурой афfirmативные формы индикатива, соотносящие ситуацию с НВ, ПВ и/или БВ (и в том числе формы, обозначающие конкретно-фактические или узуальные ситуации), могут употребляться с префиксами 3SG, имеющими форму **ka-**, **u-/w-** или **Ø-**. Этот тип контекстов в лаади может рассматриваться как немаркированный член оппозиции:

- (17) Malonga **w-edi** na mwana
 Малонга **3SG-быть с сын**
 ‘Малонга имел сына’ (букв. ‘... был с сыном’).
- (18) Mwana Malonga **ka-edi** (kedi) zengi
 сын Малонга **3SG-быть дурак**
 ‘Сын Малонги был дурак’.
- (19) Dokotolo **Ø-ta-buk-a** babelo
 врач **3SG-PRGR-лечить-NTR** больные
 ‘Врач лечит больных’ (вообще, всегда или в данный момент).
- (20) Bu **ka-kot-ele** mu ndzo mwana buku **ka-ta-tang-a**
 когда **3SG-войти-PST LOC** дом ребенок книга **3SG-PRGR-читать-NTR**
 ‘Когда он вошел в дом, ребенок читал книгу’ (букв. ‘... ребенок книгу читает’).

Ограничения на употребление одного из типов SM существуют в грамматических контекстах, представляющих ситуацию как нереальную или отрицающих существование ситуации. Однако при этом для разных типов SM 3SG свойственно сочетание с глагольными формами, с разных позиций характеризующих ситуацию как нереализованную. Формы косвенной модальности и будущего времени, отображающие гипотетическое действие, требуют употребления **ka-** и несовместимы с SM **u-** или **Ø-**. Негативные формы, отрицающие существование ситуации и образующие третий член оппозиции, совместимы с нулевой формой или с префиксом **u-**:

- (21) **Ka-á-ding-à**(kádingà)!
 3SG-IMP-искать-IMP
 ‘Пусть он ищет!’
- (22) Ka Ø-edi a wa (kedia wa) misamu myo ko
 NEG 3SG-PST NEG слышать слова те NEG
 ‘Он не слышал тех слов’.
- (23) Mukento ka u-sal-idi a (ka usidia) ɔo ko
 жена NEG 3SG-остаться-PRFV NEG там NEG
 ‘Жена не осталась там’.

1.5. В языке **видунда** грамматический фактор играет несколько меньшую роль в выборе контекстов, ограничивающих употребление одного из SM (**ka-** или **ya-**), по сравнению с рассмотренными выше языками. При этом, однако, для SM **ka-** в большей мере свойственны значения индикатива, а для **ya-** – значения косвенной модальности. Так, SM **ya-** употребляется в глагольных формах, выражающих значение императива 3SG или конъюнктива:

- (24) U-m-hilich-il-e mulamugo ugali **ya**-ka-ly-e
 2SG-3SG:О-нести-IMP собственник.твой угали 3SG-MOV:CNS-есть-IMP
 ‘Отнеси твоему собственнику угали, пусть он поест’.
- (25) **Ka**-a-lut-a kuchumba **ya**-ka-lol-e
 3SG-PST-пойти-NTR LOC-комната 3SG-MOV:CNS-смотреть-CONJ

mwanage

ребенок.ee

‘Она пошла в комнату, чтобы посмотреть на своего ребенка’
(букв. ‘...чтобы она-посмотрела бы на своего ребенка’).

В негативных конструкциях не употребляется ни один из указанных SM: при наличии негативного показателя (префикса или пре-префикса) SM 3SG выпадает (или представлен нулевой формой, как в лаади):

(26) Si-mu-was-ile wala ha-Ø-tamik-ile (hatamiche)

NEG:1SG-3SG:O-спать-PRF ни NEG-3SG-болеть-RES

‘Я его не заспала (не задавила во сне) и он не болен’.

2. В языках банту, материал которых рассматривается здесь, влияние грамматического контекста на выбор той или иной модели SM 3SG в полной мере реализуется в предикациях, имеющих нейтральный, немаркированный характер на синтаксическом и коммуникативном уровнях. При изменении синтаксической или коммуникативной структуры предложения роль грамматического фактора снижается или даже нейтрализуется. Влияние синтаксико-коммуникативного фактора на выбор SM 3SG проявляется в том, что для одних структурных типов SM характерно употребление в независимых предикациях или в главных и подчиненных предложениях, имеющих пропозициональное значение ремы, в то время как для других типов SM в большей степени характерны подчиненные конструкции атрибутивного, фонового характера, имеющие пониженную коммуникативную значимость¹.

¹ Менее маркированными в отношении ограничений на выбор одного из двух префиксов, имеющихся в языке, являются подчиненные конструкции с коммуникативным статусом пропозициональной темы. Так, например, в гусии и лаади в придаточных времени, имеющих коммуникативный статус темы, употребляется SM, для которого в большей степени характерны контексты, имеющие статус ремы, в виду доступа к употреблению в конструкциях с таким синтакти-

Примеры, демонстрирующие воздействие синтактико-коммуникативного фактора на выбор префикса, обнаружены в языках гусии, лаади, камба, видунда, а также в языках погоро (G. 51) и кихунган (Н. 42).

2.1. Наиболее характерным синтаксическим и коммуникативным контекстом, требующим употребления SM **o-** в **гусии**, являются подчиненные конструкции атрибутивного комментирующего типа, имеющие пониженную коммуникативную значимость.

SM **o-** употребляется в глаголе относительной конструкции при релятивизации подлежащего, а также в клефт-конструкциях с выделением подлежащего. В относительной конструкции с релятивизацией подлежащего глагол с SM **o-** может выступать в любой аспектно-темпоральной форме, выражающей отнесенность к настоящему, прошедшему или будущему, в том числе в формах косвенных наклонений и в негативной форме. Употребление **a-** в таких типах конструкций не зафиксировано:

- (27) а. Omonto **o-ráá-kɔŋ-ɛ** émeremo n'ómotámbe
 человек 3SG-FUT-делать работа COP-высокий
 'Человек, который будет работать, высокий'.
 б. Omonto **o-taa-kɔŋ-ɛ** émeremo n'ómotámbe
 человек 3SG-NEG-делать-FUT работа COP-высокий
 'Человек, который не будет работать, высокий'.
 (28) Ba-ga-ik-a bá-rɔŋ-é iŋo **ó-ráa-cha-é** (óráaché)
 3PL-CNS-прийти-NTR 3PL-видеть-CONJ кто 3SG-FUT-прийти-FUT
 á-Ø-bu-e ókominyoka
 3SG-CONJ-выиграть-CONJ бег
 'Они пришли посмотреть, кто (это, который) придет, чтобы выиграть состязание в беге'.

Префикс **o-** встречается в частных вопросах с узким фокусом, которые в гусии имеют синтаксическую структуру, сходную со

ко-коммуникативным значением имеет SM, обычно употребляющийся в конструкциях с пониженной коммуникативной значимостью.

структурой предложения с относительной группой, которая принадлежит к типу конструкций фонового, комментирующего характера:

- (29) Ning'o **o**-áa-si-a (ósia) óbosie obo?
 FOC-кто 3SG-PST-молоть-PST мука эта
 'Это кто смолот эту муку?' (букв. 'Это-кто который-смолот эту муку?')

Префикс **o**- употребляется в глаголе подчиненной части "деепричастных" конструкций зависимого таксиса с симультанно-характеризующим значением и в зависимых предикатах, описывающих хронологически неупорядочные, темпорально нелокализованные действия и имеющих фоновое, комментирующее значение:

- (30) Omokúngú oyo a-ga-chaak-a go-kur-a
 старуха эта 3SG-CNS-начать-NTR INF-кричать-NTR
ó-gó-tɛɛb-**a** ɲa ...
 3SG-SIM-говорить-SIM что ...
 'Та старуха стала кричать говоря, что ...'.
 (31) ɛkɛɔ gi'énchagwa ómoíséke oyio a-aa-sɔɔk-á korwa
 время GEN-сорняки девушка та 3SG-PST-выходить-NTR из
 ékerandi ime **o**-Ø-ag-á (bwagá) **o**-Ø-inok-á
 тыква внутри 3SG-HAB-полоть-HAB 3SG-HAB-вставить-HAB
o-Ø-írán-á ékerandi ime
 3SG-HAB-вернуться-HAB тыква внутри
 'Во время прополки сорняков та девушка выходила из тыквы - тут обычно она полола, вставляла и возвращалась в тыкву' (букв. '... выходила ... она-выпалывающая, она-поднимаясь и она-возвращаясь ...').

Показатель **o**- употребляется в протазисе конструкций реального (гипотетического) условия, хотя грамматический контекст, указывающий на гипотетический характер ситуации, требует употребления SM **a**-, т.е. в данном случае синтактико-прагматический фактор превалирует над грамматическим:

- (32) Onye ómoiséke **o-gó-ancheran-a** (ogwancherana) nígo
 если девушка **3SG-HAB-соглашаться-NTR** FOC
a-gó-chik-a ábaiséke bande
3SG-HAB-приглашать-NTR девушки другие
 ‘Если девушка согласна, она приглашает обычно других девушек’ (или ‘Будучи согласна, девушка приглашает ...’).¹

К синтаксическим и дискурсивным контекстам, типичным для префикса **a-** в гусии, относятся независимые предикации или части сложных предложений, имеющие статус пропозициональной ремы. К таким конструкциям относятся: аподозис условного предложения (см. выше (32)), главная предикация в сложно-подчиненных предложениях с временным придаточным (33), главная конструкция предложения с относительным придаточным (34), фактивный или нефактивный сентенциальный актанта (предикат которого в последнем случае выражен глаголом в форме косвенного наклонения – конъюнктива) (35):

- (33) Botámbe ekeró **a-kó-gend-a** ko-igw-a ámaṇana
 всегда когда **3SG-HAB-идти-NTR** INF-слушать-NTR слова
 y’ómogambi **á-Ø-ír-án-a** ényimbo yaye aróró
 GEN-вождь **3SG-HAB-нести-COM-NTR** палка его там
 ‘Всегда, когда он ходит послушать вождя, он берет с собой свою палку туда’.
- (34) Omonto ó-á-cha-ete (óchete) r̥eéró n’Náiróbí
 человек **3SG-RSM-PST-прийти-PST** сегодня FOC-Найроби
a-á-rwa-ete (árwete)
3SG-PST-выйти-PST
 ‘Человек, который пришел сегодня, это из Найроби он вышел’.
- (35) Omonto óyo n’á-Ø-gáni-eté (nágánetié) **á-nyóór-ε**
 человек этот FOC-3SG-STAT-надеяться-STAT **3SG-получить-CONJ**

¹ В условном предложении протазис, находящийся в препозиции к аподозису, на коммуникативном уровне имеет значение пропозициональной темы. Возможно, в (32) зависимая конструкция может прочитываться и как имеющая фоновое значение: ‘Если девушка согласна, ...’ или ‘Девушка будучи согласна, ...’.

ényangi
 велосипед
 ‘Этот человек надеется, что он получит велосипед’.

Префикс **a-** употребляется в консективных (нарративных) конструкциях с глаголом в форме **ka-a**, возможно, в силу того, что в гусии все предикаты таких конструкций, рассматриваются как имеющие статус ремы, как сообщающие новую информацию и не находящиеся в отношении подчинения к опорному предикату, задающему временные координаты ситуации:

- (36) **A**-ga-chia go-it-a ríso **a**-ka-nyóór-a rínani
 3SG-CNS-PRFV INF-бить-NTR глаз 3SG-CNS-видеть-CNS дух.леса
 ‘Он посмотрел, он увидел лесного духа’ (букв. ‘Он-затем-бросил глаз, он-затем-увидел...’).

SM **a-** употребляется в относительной конструкции с релятивизацией дополнения, относящейся к атрибутивным конструкциям с пониженной коммуникативной значимостью, что в принципе противоречит условиям употребления данного элемента. Причиной такого видимого нарушения условий употребления элемента **a-** может являться то обстоятельство, что относительная конструкция определяет дополнение и составляет часть ремы, которую образует ИГ дополнения:

- (37) N’a-áa-n-óroki-á (n’áańórokiá) ómogondo
 FOC-3SG-PST-1SG:O-показать-PST 3-поле
a-áa:ka-rem-ire (áákare mire)
 3SG-PST:DUR-пахать-PST
 ‘Он показал мне поле, которое он вспахивал’ (букв. ‘Он показал мне поле он вспахивал’).

Наличие в предложении эксплицитно выраженного коммуникативного выделения, является наиболее важным фактором, определяющим выбор структурного типа SM в гусии. В конструкциях с вы-

раженным фокусом ассерции или с контрастивным фокусом роль грамматического фактора полностью нейтрализуется. Наиболее характерным дискурсивным контекстом для SM **a-** в гусии являются конструкции (независимые предикации или части сложных конструкций с подчинением) с эксплицитно выраженным рематическим или контрастивным фокусом на предикате или на другом синтаксическом компоненте. Средством выражения фокуса является клитика-препрефикс **n'** (**ni**), находящийся в препозиции к глаголу или к другому компоненту синтаксической конструкции, или несвязанная клитика **níǵo/íǵo**. При наличии фокальной клитики в предложении, SM 3SG реализуется только в структурном типе **a-**. При этом планы содержания глагольных словоформ в конструкциях с **ni** охватывают широкий диапазон аспектуальных, темпоральных и модальных значений, включающих отнесенность к близкому прошедшему, далекому прошедшему, настоящему или будущему, аспектуальные значения субъектного или объектного результата, соотнесенного с настоящим или прошлым, прогрессива, дуратива, хабитуалиса, прошедшего и др. Употребление префикса **o-** или **a-** в глаголах, имеющих тождественную аспектуально-темпоральную форму, зависит от отсутствия/наличия эксплицитно выраженного фокуса контраста. Так, в (38 а, б) выбор определенного структурного типа SM обусловлен отсутствием (в (а)) и наличием (в (б)) фокусной клитики **n'**:

- (38) а. **O-áá-ik-á** (óíká)? – **O-áá-ik-á** (óíká) botúko
 3SG-PST-прийти-NTR – **3SG-PST-прийти-NTR** ночь
 ‘Он приходил? – Он приходил ночью’.
- б. **N'a-áá-ik-á** (n'áíká)? – **N'a-áá-ik-á** botúko
 FOC-3SG-PST-прийти-NTR – **FOC-3SG-PST-прийти-NTR** ночь
 ‘(Значит) он приходил-таки? – Приходил-таки ночью’ (Фокус контраста падает на предикат).
- (39) Ochoki níǵo **á-áá-rem-er-eté** (ááremereté) énibo yaɣe nse
 Очки FOC **3SG-PST-закопать-LOC-PST** богатство его земля
 ‘Очки закопал свое богатство в земле’.

- (40) Omokúngú n'échiíro á-góó-cha
 женщина FOC-рынок 3SG-PRGR-идти
 'Женщина, на рынок она идет' (именно на рынок, а не куда-либо еще).
- (41) Ti-o-sɔ-a (tɔsɔa) nyomba ómwána n'-aa-Ø-ráár-ire (naarááire)
 NEG-2SG-входить-IMP дом ребенок FOC-3SG-SRES-заснуть-SRES
 'Не входи в дом, ребенок уснул (наконец)!' (и в MP спит).

Префикс **a-** употребляется в уступительных конструкциях в тех случаях, когда глагол выступает в комбинации с клитикой **n(a)**, контрастивная функция которой в таком контексте совмещается с функцией concessивного союза. При замене **na'** союзной частицей **ponya**, не содержащей контрастивного значения, употребляется SM **o-**:

- (42) N'a-Ø-rúg-a bóóno ómɔgeni o-aa-chá-ire (óchíre)
 CNC-3SG-PRGR-готовить-NTR сейчас гость 3SG-PRF-прийти-PRF
 'Хотя она и готовит сейчас, гость пришел (т.е. сейчас не время готовить)'.
- (43) Nonyu o-áa-ba-été (óbété) ritinge Nyageemi nígo a-áa-rengé
 хотя 3SG-PST-быть-PST вдова Нягеми всё же 3SG-PST-быть
 n'ómogooko kɔ-menya-a sobo
 с.радость INF-жить LOC-свой
 'Хотя она была в положении вдовы, Нягеми была все же рада жить в родной деревне'.

Контрастивное выделение одного из синтаксических компонентов может осуществляться также без участия фокальных клитик, только при помощи синтаксической инверсии:

- (44) A-ka-nyóór-a isiko a-a-ráár-ire (arááire)
 3SG-CNS-обнаружить-NTR снаружи 3SG-RES-заснуть-RES
 'Он увидел, что спит под открытым небом' (именно там).

2.2. В **лаади** синтаксическая и коммуникативная структуры предложения (последняя в особенности) также оказывают решающее

влияние на выбор того или иного варианта субъектного показателя 3SG.

Первый (опорный) глагол нарративной конструкции, указывающий на начало нового этапа в ходе событий, всегда употребляется с SM **ka-**, в то время как остальные глаголы употребляются с SM **u-**. В связи с тем, что первый и все последующие глаголы выступают в тождественной форме **Ø-idi**, вторичной функцией SM **ka-** в таком контексте является указание на начало новой временной фазы. Все последующие предикаты в нарративном дискурсе лаади рассматриваются, вероятно, как своего рода подчиненные конструкции:

- (45) Ntieshi **ka-wa-idi** (kawidi) bo **u-end-ele** (wendele) kwe ya
 Заяц 3SG-услышать-PST так 3SG-пойти-PST к брату
 Kinkokoto **u-mu-tel-ele**
 Личинке.Древооточца 3SG-3SG:О-сказать-PST
 ‘Заяц услышал это, пошел к братцу Личинке Древооточца и сказал ему’.

SM **ka-** употребляется в главной и подчиненной предикациях предложения с придаточным времени:

- (46) Bu **ka-bong-ele** mwana mbwa ni fya
 когда 3SG-взять-PRF ребенок собака FOC 19-она
ka-tsok-ele mu ndonga
 3SG-класть-PRF LOC миска
 ‘Когда он взял щенка, он положил его в миску’.

При наличии рематического или контрастивного фокуса в предложении обязательным является употребление SM 3SG **ka-**. Наиболее распространенным способом выражения коммуникативного фокуса в лаади является синтаксическая инверсия, которая часто сопровождается употреблением фокусной клитики **ni**. Префикс **ka-** употребляется в предложениях с инверсным порядком слов типа VS или (S)OV и с фокусной клитикой **ni**, а также в конструкциях с уд-

воением предиката и вынесением нефинитной части глагола в начало предложения:

- (47) Nzungu bo yo-ya-idi (yiyidi) Ntieshi ni masangu
 9-кастрюля когда 9-быть.готовым-PST Заяц FOC кукуруза
ka-tombol-ele Ngo
 3SG-положить-PST Лев
 ‘Когда содержимое кастрюли было готово, Заяц кукурузу (именно ее) положил Льву’.
- (48) Bel-a **ka-ta-bel-a**
 болеть-NTR 3SG-PRGR-болеть-NTR
 ‘Болеет он (вот что с ним происходит)’.

При замене порядка слов с синтаксической инверсией на нейтральный PC SM **ka-** заменяется на **u-**, ср. (49а, б):

- (49) а. Malonga kwe **ka-end-ele** (kele)? – **U-end-ele** (wele) ku Mavula
 Малонга куда 3SG-пойти-PRF – 3SG-пойти-PRF LOC Мавула
 ‘Малонга куда пошел? – Он пошел в Мавула’.
- б. Malonga kwe **ka-end-ele** (kele)? – Ku Mavula **ka-end-ele** (kele)
 Малонга куда 3SG-пойти-PRF – LOC Мавула 3SG-пойти-PRF
 ‘Малонга куда пошел? – В Мавула он пошел’.

Для **u-** характерны два основных типа синтактико-коммуникативного контекста: 1) конструкции, характеризующиеся отсутствием фокуса контраста на предикате или на одном из аргументов предиката, и 2) конструкции фонового комментирующего типа с пониженной коммуникативной значимостью. К первому типу относятся предикаты, следующие за главным, опорным глаголом в нарративном контексте (см. выше (45)), а также независимые предикации (или главная часть сложно-подчиненного предложения) с нейтральным порядком слов (см. выше (49а)). Второй тип контекстов представлен относительными конструкциями с релятивизацией подлежащего или дополнения:

- (50) U-sal-idi (usidi) bo ni yandi
 3SG-делать-PST так COP он
 ‘Тот, кто сделал это, именно он’.
- (51) Musaka wu u-lwat-idi (wulweti) Ta Nesitor
 пиджак тот 3SG-надеть-PST господин Нестор
 ‘Пиджак, который надел г-н Нестор’.

2.3. Синтаксический и коммуникативный факторы играют определенную роль при выборе одного из двух структурных типов префикса 3SG (**a-** и **ka-**) в языке **кихунган**: вариант **ka-** употребляется в независимых предикациях, имеющих коммуникативный статус пропозициональной ремы¹:

- (52) Kipes ka-swiim-in kit
 Кипес 3SG-купить-PST стул
 ‘Кипес купил стул’.

Для варианта **a-** характерны предложения с пониженной коммуникативной значимостью, в частности, подчиненная часть относительных конструкций с релятивизацией дополнения или подлежащего, а также расщепленные конструкции, одной из составляющих которых является относительная конструкция:

- (53) Kit ki a-swiim-in Kipes
 7-стул этот 3SG-купить-PST Кипес
 ‘Стул этот, который купил Кипес’.
- (54) Kit ki a-khoon-in ku-suum Kipes
 7-стул тот 3SG-NEG-PST INF-купить Кипес
 ‘Стул этот, который не купил Кипес’.
- (55) Kwe Kides wu a-swiim-in kit
 это Кипес тот.который 3SG-купить-PST стул
 ‘Это именно Кипес, который купил стул’.

¹ Недостаток материала не позволил нам рассмотреть роль грамматического фактора в языке кихунган.

2.4. В языке **погоро**, в котором SM 3SG реализуется в моделях **ka-/ga-** и **u-**, грамматический фактор, по-видимому, не оказывает существенного влияния на выбор одного из префиксов. Префикс **ka-/ga-** употребляется в аффирмативных и негативных глагольных формах индикатива и косвенной модальности, выражающих отнесенность к НВ, БВ или ПВ (*ga-fira* ‘он любит’; *ga-fira ndiri* ‘он не любит’, *ga-fir-e* ‘он может полюбить’, *ga-ya-fira* ‘если бы он любил’, *ga-ya-fira ndiri* ‘если бы он не любил’, *ga-fira-kaala* ‘он любил (давно)’ и т.д.).

Синтактико-коммуникативный контекст играет определенную роль при выборе одной из двух моделей SM 3SG, существующих в погоро: **ka-/ga-** употребляется в предикациях, имеющих коммуникативный статус пропозициональной ремы или темы: в независимых предикациях, в главных и подчиненных конструкциях различной синтаксической семантики:

- (56) *Kaala ka-tu-lewer-a, winno ga-mir-a*
раньше 3SG-1PL:O-запрещать-NTR теперь 3SG-разрешать-NTR
‘Раньше он нам запрещал, теперь он разрешает’.
- (57) *Pa-ka-gend-a mundu ulia, wa-uy-a wandu wosere*
TEMP-3SG-уйти-NTR человек тот 3PL-вернуться-NTR люди все
‘Когда ушел тот человек, все люди вернулись’.
- (58) *Na-ya-m-lip-a ndiri chuma chakwe, mere*
2SG-COND-3SG:O-платить-NTR денегиго COND
ga-tumball-e
3SG-сердиться-COND
‘Если бы я ему не вернул его деньги, он бы рассердился’.

Сфера употребления **u-** ограничена подчиненной конструкцией зависимого таксиса с симультанно-характеризующим значением фонового атрибутивного характера:

- (59) *Ka-gend-a u-lir-a*
3SG-идти-NARR 3SG-плакать-SIM
‘Он пошел, плача’.

- (60) **Ka**-uy-a u-nemerer-a
 3SG-вернуться-NARR 3SG-радоваться-SIM
 ‘Он вернулся, радуясь’.
- (61) Chamirondo **ka**-gend-a u-tend-a vironda vyakue
 покрытый.язвами 3SG-идти-NARR 3SG-шуршать-SIM раны его
 ‘Покрытый язвами пошел, шурша своими язвами’.

2.5. В языке **видунда** SM 3SG **ka**- встречается в большинстве независимых предикаций и в главной части сложноподчиненного предложения, имеющей коммуникативный статус пропозициональной ремы. Для SM **ya**- наиболее характерными контекстами являются конструкции с пониженной коммуникативной значимостью – относительные конструкции с релятивизацией подлежащего или дополнения и конструкции зависимого таксиса с симультанно-характеризующим значением:

- (62) Mwana **ya**-was-ile kimoto
 ребенок 3SG-спать-RES впереди
 ‘Ребенок, который спал с внешней стороны (кровати)’.
- (63) Yula mwana yo-**ya**-ta-ile (yoyatele) ku-m-som-a
 тот ребенок ROM:3SG-3SG-сказать-PST INF-3SG:O-сжечь-NTR
 ya-wa-ele (yawele) mukomu
 3SG-быть-PST невредимый
 ‘Тот ребенок, о котором она сказала, что она его сожжет, он-был невредим’.
- (64) **Ka**-luk-a kw-imb-a kuno **ya**-o-lil-a
 3SG-начать-NARR INF-петь-NTR тут 3SG-SIM-плакать-NTR
 ‘Она начала петь, плача при этом’.
- (65) Ji-m-lek-a kuno **ya**-o-dakamil-a (yodakamila)
 4CL-3SG:O-оставить-NARR там 3SG-SIM-дрожать-NTR
 na homa
 от лихорадка
 ‘Они оставили ее там, она дрожала от лихорадки’ (букв. ‘... она будучи дрожащая ...’).

SM **ya-** встречается также в темпоральных придаточных, имеющих значение пропозициональной темы¹ (66) и в подчиненных конструкциях цели, имеющих коммуникативное значение пропозициональной ремы (67)²:

- (66) Lo **ya**-on-ile (yonile) **ka**-fa **ka**-m-vul-a
 когда 3SG-видеть-PRFV 3SG-умереть 3SG-3SG:O-вынуть-NARR
 ‘Когда она увидела, что он умер, она его вынула’ (или ‘Увидев/видя, что он умер, ...’).
- (67) Mdala mdodo vyo **ya**-inuk-ile (yenuche) **ya**-hol-e
 жена маленькая когда 3SG-проснуться-PRF 3SG-взять-CONJ
 mwanage **ya**-mo-nyhedz-e
 ребенок-ее 3SG-3SG:O-кормить-CONJ
 ‘Младшая жена, когда проснулась, хотела взять ребенка ее, чтобы его покормить’ (или ‘Жена младшая, проснувшись, хотела взять ребенка ее, чтобы она его покормила бы’).

2.6. В **камба** синтактико-коммуникативный фактор играет не менее важную роль при выборе одного из типов префиксов, чем фактор грамматический. Однако, в отличие от рассмотренных выше языков, в основе противопоставлений между конструкциями, в которых употребляются глагольные словоформы с различными структурными типами SM, лежит не оппозиция «наличие/отсутствие рематического фокуса или фокуса контраста» (или «сильная/пониженная коммуникативная значимость пропозиции»), а оппозиция «фокус на предикате или всей группе предиката ~ фокус на одном из второстепенных актантов предиката (не подлежащем)». Префикс **u-** употреб-

¹ В примерах (66) и (67), возможно, подчиненная конструкция с темпоральным значением может интерпретироваться как конструкция зависимого таксиса с антериорно- или симультанно-характеризующим значением (см. вариант перевода в скобках).

² Употребление SM **ya-** в подчиненной предикации, имеющей значение цели и коммуникативный статус ремы, возможно, свидетельствует о том, что в данном конкретном случае грамматический фактор (грамматическое значение гипотетичности) превалирует над синтактико-коммуникативным фактором.

(68) a. Mũ^undũ n^**-u**-nâ:-vand-ie mũũnda wá:kê
 человек FOC-3SG-PRFV-разводить-PRFV сад его
 'Человек развел свой сад' (сделал именно это).
 б. Mũ^undũ **a**-nâ:-vand-ie mũũnda wá:kê
 человек 3SG-PRFV-разводить-PRFV сад его
 'Человек развел свой сад' (именно сад, а не что-либо иное).

На грамматическом уровне для одного структурного типа SM 3SG в языках гусии, камба и сев. сото в большей степени характерны

31

контексты, в которых эксплицитно выражено указание на несуществование или на гипотетичность (слабую вероятность) наступления ситуации, в то время как контекстам, в которых употребляется другой вариант SM, в большей степени присущ признак “реальности” или, по крайней мере, отсутствие эксплицитно выраженного признака нереальности ситуации. В языках лаади и видунда данному типу противопоставления соответствует трехчастная оппозиция, один из членов которой представлен нулевой формой SM 3SG.

Синтаксические и, в особенности, коммуникативные контексты играют более существенную роль, чем грамматические при выборе одного из вариантных префиксов в языках гусии, камба, лаади, кихунган, погоро и видунда. При этом могут быть выделены два типа оппозиций на коммуникативном уровне. Наиболее значимым признаком, требующим выбора одного из структурных типов префиксов, в некоторых из рассмотренных языков является наличие сильного коммуникативного выделения – рематического или контрастивного фокуса на одном из полюсов оппозиции. Конструкциям с сильным коммуникативным выделением предиката или предикатной группы или же одного из аргументов предиката в пяти языках противопоставлены конструкции с отсутствием коммуникативного выделения и/или с пониженной коммуникативной значимостью высказывания. В камба оппозиции на коммуникативном уровне между конструкциями, в которых употребляются глагольные словоформы с разными типами префиксов, основаны на признаке “фокус на предикате (на группе предиката) ~ фокус на одном из второстепенных актантов предиката (не подлежащем) или на сирконстанте”.

Рассмотренный материал показывает также, что в некоторых языках банту SM, употребляющиеся в определенных типах грамматических контекстов, имеют тождественную или сходную фонемную структуру и, следовательно, восходят к общим протобантуским источникам. Так, в гусии, камба и сев. сото, относящихся к каноническому, архаическому бантускому типу, один из дополнительно распределенных типов префиксов представлен центральной гласной **a**, а другой – задней гласной **u/o**. При этом тождеству префиксов на фонемном уровне в этих языках соответствует тождество (или сходные

черты) грамматических контекстов, в которых употребляется данный тип SM. Во всех трех языках SM **o-/u-** употребляется в глагольных формах индикатива (презенса, близкого прошедшего или перфекта), а **a-** употребляется в глагольных формах косвенной модальности и негативной полярности. Несколько более размытая картина имеет место в языках лаади и видунда. В лаади и видунда признак слабой вероятности существования ситуации связан с употреблением SM **ka-**, а прямое отрицание существования ситуации связано с употреблением SM **u-** или **Ø-**, и наряду с этим все три типа SM встречаются в коммуникативно-нейтральных контекстах, утверждающих существование ситуации. В видунда в глагольных формах индикатива употребляется SM **ka-**, в формах косвенной модальности – SM **-ya**, в формах отрицания – нулевой аффикс.

Список сокращений

БВ – будущее время
 БП – близкое прошедшее
 ДП – далекое прошедшее
 ИГ – именная группа
 МР – момент речи
 НВ – настоящее время
 СП – сегодняшнее прошедшее
 ADR – адресат
 ATM – показатель вида и/или времени
 CNC – уступительное значение
 CNS – консекутив
 COM – комитатив
 COND – кондиционалис
 CONJ - конъюнктив
 COP – предикативная связка
 DUR – дуратив
 FOC – фокальная клитика
 FUT – будущее время
 GEN – генитивная конструкция
 HAB – хабишуалис
 HPST – сегодняшнее прошедшее

IMP – императив
 INF – префикс инфинитива
 LOC – локатив
 MOV – движение
 NARR – нарратив
 NEG – показатель отрицания
 NTR – нейтральное значение
 O – объектный показатель
 ORES – объектный результатив
 PASS – пассив
 POSS – значение эпистемической возможности
 PL – множественное число
 PPRF – плюсквамперфект, значение предпрошлого
 PRAEP – предлог
 PRDR – пердуратив
 PRES – настоящее время
 PRF – перфект
 PRFV – перфектив
 PRGR – прогрессив
 PST – прошедшее время
 RES – результатив
 RSM – релятивный субъектный показатель
 SG – единственное число
 SIM – указание на синхронность главного и второстепенного действий
 SM – субъектный показатель
 SRES – субъектный результатив
 STAT – стательное значение
 TEMP – значение темпоральной подчиненной конструкции
 TRD – тардатив

Литература

- Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2005. Грамматика языка лаади. М.
 Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2008. Грамматика языка гусии. М.
 Рябова И. С. 2000. Язык дабида. М.
 Урманчиева А. Ю. 2003. Отрицательные формы глагола в языках Африки: морфология и семантика // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.

- Givón T. 1984; 1990. *Syntax: A Functional-Typologic Introduction*. Vol. 1-2. Amsterdam, Philadelphia.
- Hendle P. J. 1907. *Die Sprache der Wapogoro* // *Archiv für das Studium deutscher Kolonialsprachen*, Berlin.
- Ndumbu J. M. G., Whiteley W. H. 1962. Some problems of stability and emphasis in Kamba one-word tenses // *Journal in Africal Languages*, vol. 1, part 2.
- Poulos G., Louwrens L. J. 1994. *A Linguistic Analysis of Northern Sotho*. Pretoria.
- Sapir J. D. 1965. *A Grammar of Diola-Fogny*. Cambridge.
- Takizala A. 1972. Focus and relativization in Kihungan // *Studies in African Languages*, vol. 3, № 2.

К. В. Бабаев

ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТНОГО МАРКИРОВАНИЯ В БЕНУЭ-КОНГОЛЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья исследует основные типы маркирования категории субъекта глагола в различных языках бенуэ-конголезской (БК) семьи, крупнейшего генетического объединения в составе нигеро-конголезской макросемьи языков африканского континента. Данное исследование является продолжением работ автора [Babaev 2008; в печати] в области сравнительно-исторического изучения систем личных показателей в языках бенуэ-конго.

Бенуэ-конголезская семья насчитывает более 950 языков [Lewis 2009] и охватывает обширный ареал Западной, Центральной и Южной Африки. Около 80% этого ареала, однако, занимают более пяти сотен языков семьи банту, входящих в состав бенуэ-конго, в то время как языки всех остальных ветвей сконцентрированы в компактном районе южной части Западной Африки, в основном на территории Нигерии, а также частично Того, Бенина, Камеруна. Подобная плотность языков, учитывая их довольно отдалённую степень родства друг с другом, позволила исследователям [Williamson 1989: 272] предположить, что прародина народов БК семьи находилась в районе слияния рек Нигер и Бенуэ, на территории современной Нигерии. Отсюда в доисторическое время – возможно, около 6 тыс. лет назад [Williamson 1988: 104] начались миграции бантуязычных народов на восток, а впоследствии и на юг континента, в то время как другие народы семьи оставались преимущественно в рамках первоначального языкового ареала. Таким образом, сегодняшний ареал распространения БК языков можно условно разделить на две зоны по историческому принципу: центральное ядро включает в себя Нигерию и большую часть Камеруна, а также района Бенина и Того, в то время как периферией можно назвать страны Восточной и субэкваториальной Африки, где распространены языки банту.

Состав БК семьи, хотя и остаётся предметом дискуссии среди африканистов, был уточнён в работе К.Уильямсон и Р.Бленча [Williamson & Blench 2000], и на сегодняшний день она выглядит следующим образом (Схема 1).

Схема 1. Генетическая классификация языков бенуэ-конго.

Системы маркирования глагольного субъекта в языках БК семьи до последнего времени никогда не изучались в комплексе. Отдельные работы были посвящены лишь сравнительному либо сопоставительному анализу систем языков отдельных семей (напр. [Shimizu 1971-1980] о джукуноидных языках), большинство же работ содержит лишь синхронное описание систем личных показателей конкретных языков. В этой связи, представляется необходимым провести целостный анализ типологии субъектного маркирования на уровне всей языковой семьи, составить предварительную классификацию типов морфологических конструкций, что, безусловно, будет полезным в дальнейшем и для типологического, и для сравнительно-исторического исследования языков Африки.

Прежде всего необходимо отметить, что маркирование субъекта глагола является обязательным во всех языках БК семьи. На уровне внешнего сравнения справедливо признать, что среди нигеро-конголезских языков встречаются и типы структуры, где субъект маркируется лишь в ограниченном количестве случаев (напр. во

многих языках догон). Однако в БК языках таких примеров не зафиксировано. Система личных показателей в целом играет очень важную роль в морфологии: помимо субъекта, в абсолютном большинстве БК языков маркируется также прямой объект, а во многих случаях и косвенный.

Фундаментальное синтаксическое различие между языками БК состоит в наличии связанного или независимого субъектного маркера в предложении. Как и в других языках мира, субъект глагола может быть выражен независимым личным местоимением или связанным показателем в рамках глагольной словоформы. Этим показателем может быть почти исключительно префикс, т.е. субъект всегда маркируется в левой части словоформы, перед глагольным корнем. Случаи постглагольного оформления субъектного маркера чрезвычайно редки и упомянуты ниже.

Префиксальное субъектное маркирование характерно для языков, которым свойственен в целом синтетический строй морфологии. Наиболее характерен этот тип для языков банту, входящих, согласно ареальной классификации М.Гасри [Guthrie 1967-71], в состав зон D-T, т.е. всего ареала банту, за исключением северо-западных зон А, В и (частично) С. Языки банту характеризуются сложной глагольной словоформой, в состав которой входят показатели как личного спряжения, так и аспектно-темпоральных и модальных значений. В глаголе банту личный показатель субъекта выражен префиксом, занимающим одно из первых мест в глагольной словоформе. Д.Нёрс следующим образом описывает структуру такой словоформы глагола [Nurse 2007: 375]:

[Pre-SM] + **SM** + NEG2 + TA + [OM + [[root + extension] + FV]] + Post-FV¹

В качестве типичного примера можно привести глагольную форму языка суахили:

¹ SM субъектный показатель, NEG показатель негатива, TA видо-временной маркер, OM объектный показатель, FV конечная гласная

- (1) Ni-lim-so-m-esh-a
 1SG.SUBJ-PAST-3SG.OBJ-читать-CAUS-NTR
 ‘Я заставил его читать’ [Аксёнова 2003: 43].

Среди БК языков центрального ареала связанные глагольные показатели можно отметить также в изолированном языке око, где структура и состав морфем субъектного маркирования имеет существенные сходства с языками банту, а также в ряде джукуноидных языков.

Иная структура преобладает в центральной зоне БК ареала, где большинство языков демонстрируют независимые местоимения в качестве маркеров глагольного субъекта. Такими являются около 80% языков банту зоны А, около 40% зоны В и около 20% зоны С, включая подгруппы А40-А80, В20, В70, С20 [Nurse & Philippson 2003: 177]. Языки с независимыми маркерами субъекта включают в себя также абсолютное большинство групп бантоидных языков, большинство языков кросс-ривер (за исключением подгруппы Дельты), а также платоидные, каинджи, эдоидные (кроме дегема), дефоидные, игбоидные (кроме экпейе), идомоидные (кроме элои). Пример из языка нен (банту А) показывает структуру предложения с полностью аналитической финитной глагольной конструкцией:

- (2) mé sǎ nd á ɲó ból indi
 1SG.SUBJ NEG FUT сюда 2SG.OBJ вещь дать
 ‘Я тебе никогда ничего не дам’ [Mous 2003].

Ситуация осложняется неясным статусом ряда языков, о которых на сегодняшний день сложно определённо сказать, являются ли их личные показатели независимыми, связанными или занимают промежуточное положение глагольных клитик.

Процесс клитизации ранее независимых личных местоимений наблюдается во многих языках БК семьи. Так, в тех языках западной ветви БК семьи, где субъект маркируется глагольным префиксом, нередко заметно его происхождение из ранее независимых местоимений: последние при этом продолжают употребляться в предложении в качестве маркеров объекта или эмфатического субъекта.

Такова ситуация, к примеру, в языке хони (джукуноидные). В других же, как в уже упомянутых око (изолят) или дегема (эдоидные), префиксальные субъектные показатели генетически связаны с личными префиксами банту и, судя по всему, представляют собой реликты древнего префиксального спряжения БК праязыка [Babaev 2008].

Интересным развитием маркирования субъекта в предложении является использование т.н. «повторных» местоимений («recapitulative or repeating pronouns») в целом ряде языков центральной Нигерии (а именно платоидных, каинджи и джукуноидных). Субъектное местоимение в предложении повторяется дважды: перед глаголом и сразу же за ним, в качестве суффикса или, шире, независимого местоимения. Эта конструкция может иметь различные значения. Она сопровождает только непереходные или отрицательные глаголы, как в мигили (платоидные) и кенте (джукуноидные). В изере (платоидные) она появляется только во множественном числе:

- (3) jín gus jín agabu
 2.PL бить 2.PL собака
 ‘Вы бьёте собаку’.

В языке вапан (джукуноидные) та же конструкция используется для маркирования неожиданного, непредполагаемого действия, ср. (4а) и (4б):

- (4) а. Be ci zhenzhen kù
 3.PL POS король род
 ‘они королевского рода’ (нейтрально)
 б. Be ci bé zhenzhen kù
 3.PL POS 3.PL король род
 ‘Они королевского рода (хотя никто этого не предполагал бы)’.

Повторные местоимения, следующие за глаголом, являются ареальной чертой, присущей некоторым неродственным языкам центрального Судана, включая языки семьи адамауа-убанги (напр. гбая, санги) и чадские. Происхождение этой особенности не выявлено

[Gerhardt 1989: 374], хотя можно предположить, что в БК языках таким образом создаётся новая система субъектного маркирования глагола с помощью личного суффикса. Именно такая система сформировалась в языке элеме (кросс-ривер), что является пока единичным примером суффиксального маркирования субъекта:

- (5) òbàù dose dé-í ñja
 2PL.SUBJ быть.должным есть-2PL.SUBJ пища
 ‘Вы должны есть пищу’ [Bond 2003].

Процесс замены более архаичных субъектных префиксов на независимые местоимения также имеет место в языках БК семьи. В основном в качестве новых независимых субъектных маркеров выступают здесь эмфатические местоимения, существующие в том числе и в тех языках, где немаркированный субъект является частью словоформы. Серия эмфатических местоимений есть и в банту, и именно они являются субститутами префиксов в случае их выпадения – как в языках зоны А. В целом ряде БК языков мы можем фиксировать переходную стадию, когда для выражения субъектного значения параллельно используются и личное (ранее эмфатическое по значению) местоимение, и глагольный префикс, напр. в дегема:

- (6) méε mī-món óji
 1SG.SUBJ 1SG.SUBJ-видеть 3SG.OBJ
 ‘Я его видел’ [Kari 2007: 92].

Подобная конструкция по форме аналогична франц. *moi, je l’ai vu* ‘я его видел’, с той лишь разницей, что никакой эмфазы субъекта приведённое предложение дегема не несёт. Диахронически подобная конструкция грамматикализуется в различных БК языках до уровня аналитического субъектного маркирования после выпадения префикса.

Таким образом, языки БК семьи демонстрируют различные фазы процесса грамматикализации субъектных маркеров, которые сравнительно-исторический анализ может помочь расставить в хронологи-

ческом порядке, определив более архаичные и более инновационные черты синтаксиса глагольного субъекта.

Типологически можно выделить некоторые основные категории в системах субъектного маркирования различных языков бенуэ-конго. В настоящей работе эти категории будут кратко рассмотрены по очереди.

1. Глагольный субъект прежде всего обладает категорией **лица**. В языках БК семьи наиболее явственное выражение имеют первое и второе лицо, т.е. непосредственно говорящий и адресат, в то время как третье лицо далеко не во всех языках маркируется личным показателем. Широко известная типологическая черта местоименных систем множества языков мира – противопоставление двух первых лиц глагола третьему, т.н. «не-лицу», распространена и в языках бенуэ-конго. Это выражается прежде всего в том, что вместо показателя третьего лица субъекта используется показатель соответствующего именного класса, к которому относится данный субъект. В случае, если субъект – человек, в языках банту и многих бантоидных его обозначает маркер I класса имён, для неодушевлённых предметов – аффиксы других классов.

Соответственно, в формах 3 л. множественного числа используется классный показатель, обозначающий множественность предметов соответствующего класса. В частности, в качестве местоимения 3 л. во многих языках бенуэ-конго (в основном восточных) употребляется префикс II класса *be-* / *ba-*, играющий роль наиболее распространённого плюрального показателя для класса лиц.

В других языках бенуэ-конго на синхронном уровне мы видим выделение показателей 3 л. из системы классных аффиксов и присоединение их к парадигме субъектного спряжения глагола. В таких языках материальная форма маркера 3 л. фонетически трансформируется и не воспринимается более носителями языка как тождественная классному показателю, хотя на диахроническом уровне можно довольно легко показать их общее происхождение. Парадигма спряжения, состоящая из трёх лиц, является в языках бенуэ-конго

инновацией, в то время как более архаичной является система спряжения из двух лиц.

2. Субъектные показатели характеризуются также категорией **числа**. В подавляющем числе языков бенуэ-конго, в т.ч. во всех языках банту, показатели лица и числа выступают кумулятивно, в рамках единого маркера с двойным синтаксическим значением.

Вместе с тем в ряде западных БК языков, а также в некоторых платоидных и кросс-ривер показатели множественного числа субъекта представляют собой заметную контаминацию показателя plurality и маркера соответствующего лица единственного числа, напр. кукеле (семья кросс-ривер) *wě / gwě* 'ты', *bewě / begwě* 'вы' [Preston 1854: 12] где *be-* является наиболее распространённым в БК языках префиксом множественного числа.

Нередким явлением можно назвать присоединение префикса *ba-* / *be-* к показателю 1-2 лица мн.ч. с целью усиления значения множественности. Оно наблюдается как в языках банту: туба (H10A) *béto* 'мы' vs. часу (G22) *to-* id., так и в бантоидных языках: тив *sě* 'мы', кеньянг *se-*, но нони *bese* id.

Субъектные показатели большинства БК языков характеризуются противопоставлением двух чисел. Вместе с тем, отдельные языки демонстрируют и наличие двойственного числа – категорию сравнительно недавнюю по происхождению. Среди языков банту выражение двойственности мы находим лишь в нескольких языках зоны А, напр. макаа *shwə* 'мы двое'. В соседних с зоной банту А бантоидных языках это явление уже можно назвать достаточно распространённым, оно встречается в мамбилоидных языках [Perrin 1980 (1973)] и различных диалектах группы грассфилдс – в частности, лимбум [Fiore & Peck 1980 (1973)], ламнсок [Grebe & Grebe 1980 (1973)], йемба [Harro & Haynes 1991]. За пределами же данного ареала (восточной границы Нигерии и Камерун) двойственное число личных показателей засвидетельствовано нами лишь в языке к'лела семьи каинджи [Rikoto & al. 2002]. Повсюду в указанных языках формы двойственного числа субъектных показателей образованы от тех же корневых лексем, что и формы множественного числа, отличаясь от

последних лишь огласовкой или иным расширением, в котором нередко улавливаются следы контаминации нескольких старых показателей: напр., йемба *pòkó* ‘мы двое’ очевидно происходит из сочетания *pèk* ‘мы’ и *ò* ‘ты’. Типологически широко известный процесс формирования дв.ч. из срачивания форм 1 и 2 лица [Бабаев 2008], таким образом, подтверждается и на материале БК языков.

3. Тесно связанной с категорией двойственности является и категория **инклюзивности / эксклюзивности**. Достаточно отметить, что формы двойственного числа зафиксированы лишь в тех языках, где субъектные показатели 1 л. мн.ч. также противостоят друг другу по инклюзивности / эксклюзивности. Однако последняя категория распространена шире. Среди языков банту её ареал – опять же языки зоны А (акоосе А15, макаа А83, конзиме А84), а также отдельные спорадические примеры из других зон (напр. гирьяма Е72). Среди бантоидных языков данная категория является типичной для всех подгрупп группы грассфилдс (языки йемба, бамилеке, ком, ламнсок, бамум, агем и другие), а также мамбилоидных (мамбила) и бебоидных (нони) языков. Среди языков кросс-ривер инклюзивные субъектные местоимения есть в абуа (подгруппа Дельты) [Gardner 1976 (1966/67)], а среди языков каинджи – в хун-сааре [Cressmann & Skitch 1980 (1974)] и рор. Наконец, среди западных БК языков удалось отыскать лишь один пример а именно язык экпейе, относящийся к группе игбоидных языков Нигерии [Clark 1976].

Категория инклюзивности / эксклюзивности, как и двойственное число, является ареальной инновацией, возникшей на этапе независимого развития отдельных языков или групп языков. Она образуется контаминацией двух местоимений (йемба *mpe* ‘мы (инкл.)’ < *pèk* ‘мы (экскл.)’ + *pe* ‘вы’) либо добавлением дополнительных формантов (экпейе *a-* ‘мы (экскл.)’ vs. *a-...-ni* ‘мы’ (экскл.)). На праязыковом уровне данная категория не реконструируется.

4. Субъектные показатели могут принимать на себя и другие глагольные категории. Например, в ряде БК языков они обладают категориями **вида и / или времени**, когда различные серии личных

маркеров употребляются в зависимости от видо-временной формы глагола.

Это явление почти не засвидетельствовано в банту (за исключением, быть может, личного префикса прошедшего времени в языке луяна [Nurse 2007]), однако играет существенную роль, к примеру, в соседних языках кросс-ривер, где показатели субъекта при перфективном глаголе отличаются от показателей при нейтральном (имперфективном): бекварра N^{-1} (префикс 1 л. ед.ч. субъекта) vs. *maa-* (1 л. ед.ч. субъекта перфектива) [Stanford 1976 (1973): 83]. В эдоидном языке уббие мы видим противопоставление показателя прогрессива формам со всеми остальными значениями: *mì* 'я', *tētē* 'я (прогр.)' [Omatog 1988]. Схожая ситуация в языке игала (дефоидные) [Philpot 1935].

В бантоидном языке джарава огласовка личного местоимения меняется в зависимости от времени действия глагола: *mì* 'я' (наст., буд.), *mī* (прош.) [Lukas & Willms 1961]. В языке йесква (западно-платоидные) видо-временных серий местоимения 1 л. ед.ч. ещё больше: *eta* / *ta* (наст. время), *má* (прош. время), *màá* (буд. время), *máá* (прогрессив), *mta* (условное накл.) [Blench 2008b]. В изолированном языке око функционируют две серии субъектных префиксов, чётко противопоставляющих прогрессив перфективу [Atóyèbí 2008]:

	перфектив	прогрессив
1sg.	<i>ì-</i> / <i>ε-</i>	<i>mè-</i> / <i>mà-</i>
2sg.	<i>ù-</i> / <i>ɔ-</i>	<i>wè-</i> / <i>wà-</i>
1pl.	<i>tì-</i> / <i>tε-</i>	<i>tè-</i> / <i>tà-</i>
2pl.	<i>nì-</i> / <i>nε-</i>	<i>nè-</i> / <i>nà-</i>

Во всех таких языках формы с различными видовыми значениями образованы от одних и тех же местоименных корней, различаясь в основном огласовкой или тоном, что заставляет предполагать, что созданы они путём присоединения к субъектному показателю видо-

¹ Символом N обозначен т.н. «нейтральный» носовой показатель, реализуемый как *n*, *m*, *l* или *ŋ* в зависимости от фонетического окружения.

вого маркера. Аналогичные случаи известны и в других нигеро-конголезских языках: ср. парадигмы местоимений в лоома (семья манде):

- базовая серия (нейтральные): *gé* 'я', *dé* 'мы (инкл.)', *té* 'они';
- серия будущего *gá* 'я', *dá* 'мы (инкл.)', *tá* 'они';
- серия хабитуалиса *gɔ* 'я', *dɔ* 'мы (инкл.)', *tɔ* 'они', и т.п. [Sadler 2006 (1949)].

Образование видо-временных форм субъекта от супплетивных основ зафиксировано в БК языках реже, напр. в языке изере (центрально-плотидные) *mì* 'я' (наст. время), *tí* 'я' (прош. время) [Blench & Kaze 2006].

5. Примерно так же, как и видо-временные формы, различаются и формы субъектных маркеров там, где они обладают категорией **отрицательности**. Отрицательные личные показатели сравнительно часто встречаются в языках БК, здесь говорить об их узком ареальном характере не приходится. В частности, они фиксируются в первом лице в ряде языков банту: ламба (M54) *n-* утвердительный префикс 1 л. ед.ч., *nsi-* отрицательный. Тот же субъектный отрицательный показатель мы видим в тонгве (F11). Указанные формы скорее всего образованы слиянием личного показателя **ni-* с маркером отрицания **-ci-* (Nurse 2007: 379): подобное слияние выглядит вполне естественно, учитывая, что позиции обоих типов показателей в рамках словоформы граничат друг с другом. В языке леке (C14) отрицательный показатель 1 л. ед.ч. образован повышением тона.

В языках кросс-ривер (подгруппа Дельты) отрицательные маркеры образованы удлинением гласного звука (легбо *a-* / *aa-* 1 л. ед.ч.) или сменой огласовки (ибибио 2 л. ед.ч. *ε-* (утверд.), *ỳ-* (отриц.) [Cook 1976 (1968)]). В языке элеме (подгруппа огони) отрицание меняет показатель на супплетивный во всех лицах и числах: *Ṇ-* 1 л. ед.ч. утверд., *rĩ-* отриц. [Bond 2003, 2006].

В других группах БК семьи отрицательное маркирование показателя субъекта зафиксировано спорадически: в хун-сааре (каинджи) [Cressmann & Skitch 1980 (1974)], дегема (эдоидные) [Kari 2007], йоруба (дефоидные) [Bamgbose 1966], нупе-такко (нупоидные) [Smith

1980]. В некоторых из них противопоставление ограничено первым лицом единственного числа. Категория выражена преимущественно с помощью изменения тона или огласовки субъектного показателя.

6. Наконец, нельзя не упомянуть ещё раз более детально категорию **эмфазы**, присущую практически всем группам языков, входящих в состав БК семьи. В большинстве из них различаются две серии субъектных показателей: собственно предикативная форма, маркирующая финитный глагол, и эмфатическая, могущая играть самостоятельную роль в предложении. Последняя, естественно, выражена независимыми местоимениями даже в тех языках, которые обладают синтетическим строем морфологии. Так, в языках банту наряду с субъектными префиксами практически повсеместно существуют независимые эмфатические местоимения, выраженные преимущественно супплетивными формами, как напр. в гереро (R31) [Elderkin 2003: 590-591]:

	субъектное	эмфатическое
1 ед.	mbi-	àmì
2 ед.	-ù-	òvè
1 мн.	tù-	ètè
2 мн.	mù-	èpè

Различия между эмфатическим местоимением и субъектным префиксом размываются в тех языках, где на месте префиксов мы видим независимые местоимения, т.е. в большинстве языков центральной зоны. При этом заметно, что эмфатические местоимения повсюду характеризуются общей фонетической композицией VCV (реже CVCV), где финальный элемент CV выступает также в роли объектного или посессивного показателя, а начальный гласный элемент V, по-видимому, и является маркером эмфазы.

Впрочем, эти и другие вопросы требуют более глубокого изучения не только синхронного состояния БК субъектных показателей, но и исторического развития их форм и значений от праязыка до наших дней. Тем не менее, без комплексного описания типологии гла-

гольных показателей в БК языках корректная реконструкция была бы несоизмеримо сложнее.

Литература

- Аксёнова И. С. 2003. Глагол в языках банту // Основы африканского языкознания. Глагол. М.
- Бабаев К. В. 2008. Происхождение индоевропейских показателей лица. М. – Калуга.
- Atóyèbí J. D. 2008. Morphophonemic Determination of Person Forms in Òko // Newcastle Working Papers in Linguistics, University of Newcastle. Vol. 14.
- Babaev K. 2008. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns I: Proto-Bantoid // Journal of West African Linguistics. Vol. XXXV: 1-2.
- Babaev K. 2010. Reconstructing Niger-Congo Personal Pronouns II // Africana Linguistica, vol. XVI. В печати.
- Bamgbose A. 1966. A Grammar of Yoruba. West African Languages Monographs, 5. Cambridge.
- Blench R. 2008. The Nyankpa (Yeskwa) Language of Central Nigeria. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>.
- Blench R., Kaze B. B. 2006. A Dictionary of the Izere Language of Fobur. Manuscript. <http://www.rogerblench.info>.
- Bond O. 2003. Personal Inflection in Eleme. Manuscript.
- Bond O. 2006. A Broader Perspective on Point of View: Logophoricity in Ogonoid Languages // Mugane J. et al. (ed.). Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics. Somerville.
- Clark D. E. 1976. Izi // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Cook, T. L. 1976 [1968]. Efik // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Cressmann E., Skitch D. 1980 [1974]. Duka // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Elderkin E. 2003. Herero (R31) // Nurse D., Phillipson G. (eds.). The Bantu Languages. London – New York.
- Fiore L., Peck P. 1980 [1973]. Limbum // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Gardner I. 1976 [1966/67]. Abua // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Gerhardt L. 1989. Kainji and Platoid // Bendor-Samuel J. The Niger-Congo languages, Lanham – New York – London.

- Grebe, K., Grebe W. 1980 [1973]. Lamnsoq // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Guthrie M. 1967-1971. Comparative Bantu. An Introduction to the Comparative Linguistics and Pehisotry of the Bantu Languages. Vols 1-4. Farnborough.
- Harro G., Haynes N. 1991. Grammar Sketch of Yemba. Yaoundé: SIL Cameroon.
- Kari E.. 2007. Vowel Harmony in Degema, Nigeria // African Study Monographs. Vol. 28(2). Kyoto.
- Lewis M.P. (ed.). 2009. Ethnologue: Languages of the World, Sixteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>.
- Lucas J., Willms A. 1961. Outline of the Language of the Jarawa in Northern Nigeria (Plateau Province) // Afrika und Übersee. Vol. 45. No. 1-2.
- Mous M. 2003. Nen // Nurse D., Phillipson G. (eds.), The Bantu Languages. London – New York.
- Nurse D., Phillipson G. 2003. Towards a Historical Classification of the Bantu Languages // Nurse D., Phillipson G. (eds.). The Bantu Languages. London – New York.
- Nurse D. 2007. Tense and Aspect in Bantu. Oxford.
- Omamor A. 1988. Okpe and Uvwie: a Case of Vowel Harmony Galore // Journal of West African Languages. Vol. 18. No. 1.
- Perrin M. 1980 [1973]. Mambila // Kropp Dakubu M. E. (ed.) West African Language Data Sheets. Vol. 2. Legon – Leiden.
- Philpot W. T. A. 1935. Notes on the Igala Language // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 7.
- Preston B. 1854. A Grammar of the Bak\{u\{e\}le Language, with Vocabularies. New York.
- Rikoto B., Senchi P., Dettweiler, Steve, Dettweiler, Sonia. 2002. K'Batksa: C'Lela—C'Turanci—C'Gana Dictionary. Lelna Language Development / Translation Association.
- Sadler W. 2006 [1949]. A complete analysis of the Looma language // Mandenkan. Vol. 42.
- Shimizu K. 1971-1980. Comparative Jukunoid. Vols 1-3. Vienna: Afro-Pub.
- Smith N. 1980 [1967]. Nupe // Kropp Dakubu M. E. (ed.) West African Language Data Sheets. Vol. 2. West African Linguistic Society.
- Stanford B. 1976 [1973]. Bekwarra // Kropp Dakubu M. E. (ed.). West African Language Data Sheets. Vol. 1. Legon – Leiden.
- Williamson K. 1988. Linguistic evidence for the prehistory of the Niger Delta // Alagoa E. J., Anozie F. N., Nzewunwa N. The early history of the Niger Delta. Hamburg.

- Williamson K. 1989. Benue-Congo Overview // Bendor-Samuel J. (ed.). The Niger-Congo languages. Lanham – New York – London.
- Williamson K., Blench R. 2000. Niger-Congo // Heine B., Nurse D. (eds). African Languages – An Introduction. Cambridge.

Sergio Baldi

LES EMPRUNTS ARABES EN FULFULDE, HAUSA ET KANURI: UN HERITAGE COMMUN

Le fulfulde, le hausa et le kanuri appartiennent à différentes familles linguistiques, mais ils partagent un commune héritage commune. Étant des langues parlées par des populations, dont la plus grande partie était convertie à l'Islam, elles étaient influencées assez lourdement par l'arabe. Leurs lexiques atteignent un pourcentage d'environ 25/30 pour cent de mots d'origine arabe. Les mots pénétrés dans ces langues n'étaient pas apparentés seulement aux champs de la nouvelle religion, mais à tous les domaines de la vie de tous les jours. Cette communication essaye d'examiner le stock des mots arabes communs à ces langues. L'analyse était basée sur un large corpus (3.034 etymons arabes), publiés récemment dans un dictionnaire [Baldi 2008], où tous les emprunts communs aux trois langues ont été examinés et classés aussi selon leur champ sémantique. Le corpus a été basé sur les plus importantes publications.¹ L'analyse des emprunts est faite selon la classification de Hallig et Wartburg (Berlin 1952), qui a été précédemment employée dans un autre article sur le fulfulde [Baldi 1996].

Le nombre des emprunts arabes collectionnés, arrive à 265 mots communs à toutes ces langues.² Parmi ces emprunts il y a dix emprunts qui sont communs aux fulfulde et kanuri seulement, mais pas au hausa. J'ai inclus ces

¹ Les travaux suivants ont été consultés: pour le fulfulde [Cremer 1923; De Wolf 1995; Gaden 1913-14, 1969-72; Gamble & Baldeh 1981; Labatut 1973; Labouret 1952, 1955; Noye 1989; Osborn, Dwyer & Donohoe 1993; Parietti 1997; Taylor 1932; Tourneux et Yaya Daïrou 1998; Zoubko 1995]; pour le hausa (les dictionnaires plus importants) et pour le kanuri [Cyffer et Hutchison 1990; Cyffer 1994; Dikwa 1988; Hutchison 1981; Kœlle 1854; Lukas 1937].

² Le champion, bien qu'il soit assez limité, étant l'ensemble des emprunts peuls à l'arabe montant à 614 unités à l'époque de la communication du 6ème Congrès Camito-Sémitique de Moscou [Baldi 1996], est assez représentatif.

mots parce que je me rends compte qu'il pourrait être utile les citer dans cette analyse sur certaines des langues les plus importantes parmi celles parlées dans la région et démontrer l'importance de ces emprunts.

Dans l'Afrique occidentale, mais pas seulement ici, l'influence de l'arabe classique et coranique fut tellement grande et productive sur beaucoup de langues locales, en particulier sur celles de grande diffusion, que quelques fois, de leur côté, ces langues transmirent elles mêmes ces emprunts, après un processus de métabolisation, voir pour exemple: fulfulde *layâru* 'amulette, talisman' passé en mafa *laya*, en mofu-gudur *lâya* et en tupuri *laya*, qui vient de l'arabe *âya* 'symbole, marque ; verset coranique'; kanuri *bândâga* 'fusil' passé en kotoko *bândâgà* et en ngizim *bândâgî*, venant de l'arabe *bunduqîya* ; hausa *lôkâcî* 'temps, période' passé en gade *lôkô* (i, venant de l'arabe *waqt* à travers le kanuri *lôktu*. Un autre exemple très connu est représenté par *kasuwa* en hausa, un emprunt arrivé de l'arabe à travers le kanuri et successivement dans d'autres langues, telle le pero *kásúwà*.

Le passage d'une langue à l'autre est donc un phénomène largement répandu dans toute l'Afrique.

Les exemples donnés dans cette liste, ainsi collectionnée, nous offre la possibilité de faire des considérations à des niveaux différents.

Au niveau sémantique la majorité des emprunts est classée selon le groupe C¹, parce qu'il y a un grand nombre de mots reliés à la nouvelle religion, qui dans l'Islam couvre un champs sémantique plus grand: c'est à dire par exemple *fajr* 'aurore' qui a aussi la signification d'un temps spécifique pour une prière pendant le jour.

L'Islam est aussi possesseur d'une moralité plus forte et plus sévère dans la société africaine, qui, en principe, fut plus tolérante et souvent matriarcale, ainsi une société où la femme n'était pas seulement plus libre, mais aussi un sujet de plusieurs droits. À ce propos un exemple lumineux est représenté par la présence de la soit disant 'femme libre' en kanuri *kârwa* et en hausa *kāřūwà*, un mot traduit dans les dictionnaires anglais et français respectivement 'harlot' et 'prostitué' et qui n'a rien à voir, dans la société traditionnelle africaine, avec le sens péjoratif acquis dans la société européenne, mais il représente pour la femme, dans certaines conditions de sa vie (par

¹ Voir la Table I à la fin de cette communication.

exemple, le fait d'être veuve et d'avoir un magasin ou un commerce), la possibilité de conduire ses affaires et d'avoir la possibilité de changer son statut (c'est à dire de se marier) sans aucun trait d'infamie. L'Islam introduit aussi une sorte de "pudeur" dans les sociétés locales, souvent inconnue.

Donc on introduit des emprunts qui n'étaient pas tout à fait nécessaires: le mot *dakar* 'pénis' fut introduit sous la forme de *jakari* en fulfulde, *zakar* en kanuri et *azakārī* en hausa à la place respectivement de *basu*, *ngāli* et *būṛā*, où ces derniers mots sont en train d'avoir dans ces langues une signification péjorative et vulgaire. La même chose pour *fajr* 'vagin' qui a été introduit sous la forme de *farji* en fulfulde, *fārgi* en kanuri et *farjī* en hausa à la place respectivement de *kuttu*, *kāshiyāna* et *dūrī* (ou *gatō* ou *gūtsū*).

Un autre aspect, toujours dans le champs de la sémantique, regarde la correspondance entre la signification du mot en arabe et celui dans les langues empruntées. En général la signification des mots est toujours la même ou presque, bien qu'il y ait des cas où le sens du mot va s'éloigner : *bābūr* 'locomotive' en arabe va acquérir le sens de 'motocyclette' dans les langues examinées pour la diffusion de ce genre de machines plutôt que de "chemins de fer".

Il y a aussi des cas de transposition où l'action de faire une chose devient dans les langues empruntées la personne qui fait cette action : *adān* 'appel à la prière' devient en kanuri *ladān* 'muezzin' et va passer avec cette signification dans les autres langues. Un cas analogue se pose pour *hajjām*¹ 'poseur de ventouses' qui va passer, mais seulement en kanuri, *wanzām*, avec la signification de 'profession de barbier'.

Il y a un autre cas très intéressant, *kīnzīr*, qui a la signification de 'porc' en arabe et dans d'autres langues, sauf qu'en kanuri et buduma (*kinjer*), où on peut supposer que pour le passage de « porc » à « girafe », l'élément sémantique important n'est pas « animal à long cou », mais « animal dont la chair est interdite ».

Sur le plan grammatical, on voit que la plus grande partie des emprunts sont des noms, les verbes sont en nombre très réduit et surtout ils donnent

¹ Il rase la tête (cheveux et barbe), pose aussi des ventouses faites de petites cornes d'animal, etc. Cf. touareg *wa-aḥažžam* (C. Gouffé, c.p.).

difficilement des verbes.¹ On constate une présence d'interjections et de particules, dont l'arabe est assez riche et où au contraire ces langues étaient moins fleurissantes. Dans tous les cas il y a pas mal d'interjections liées à la nouvelle religion: *al-ḥamdu lillāh* est un exemple. Parmi les particules il y a : *illā, ammā, au*, etc.

Sur le plan de la phonétique il faut remarquer que le kanuri est la langue où il y a la plus grande érosion des phonèmes arabes dans les emprunts: *rô* (< Ar. *rūḥ*), *sû* (< Ar. *ism*), *sâ* (< Ar. *sāʿa*), *yāl* (< Ar. *ʿiyāl*), etc.

Avant de terminer cette brève présentation du matériel ainsi recueilli, je voudrais souligner que j'avais inclus aussi dans ma liste quelques toponymes que j'ai trouvés en feuilletant les ouvrages consultés. Un élément intéressant est la présence des noms des jours de la semaine et de certains mots pour désigner des fractions. Mais l'organisation sociale (sous E.a.) reflète bien la nouvelle société dessinée selon les principes musulmans.

Références

- Abraham R. C. 1962. Dictionary of the Hausa language. London.
- Baldi S. 1988. A first ethno-linguistic comparison of Arabic loanwords common to Hausa and Swahili. Supplément n° 57 à AION, XXXVIII (4).
- Baldi S. 1989. On semantics of Arabic loan words in Hausa // Z. Frajzyngier (ed.). Current Progress in Chadic Linguistics (Current Issues in Linguistic Theory, 62). Amsterdam / Philadelphia.
- Baldi S. 1990a. Premier essai d'évaluation des emprunts arabes en haoussa // D. Barreteau, H. Tourneux (éd.). Relations interethniques et culture matérielle dans le bassin du lac Tchad, Actes du IIIème colloque Méga-Tchad (11-12 septembre 1986). Paris. ORSTOM (Colloques et Séminaires).
- Baldi S. 1990b. Some remarks on Arabic loan words in Hausa // H. G. Mukarovsky (ed.). Proceedings of the Fifth International Hamito-Semitic Congress (Wien 27th September-2nd October 1987), Volume I (Hamito-Semitic, Berber, Chadic). Beiträge zur Afrikanistik, Band 40. Wien.
- Baldi S. 1991. Some additional remarks on Arabic loan words in Hausa. // AION, LI (1).

¹ Sauf en hausa, mais cela est dû au fait que les deux langues appartiennent à la famille afro-asiatique, voir [Baldi 1988: 55-57].

- Baldi S. 1992. Arabic loanwords in Hausa via Kanuri and Fulfulde // E. Ebermann, E. R. Sommerauer, K. É. Thomanek (ed.), *Komparative Afrikanistik* (Festschrift Mukarovsky). Beiträge zur Afrikanistik, Band 90. Wien.
- Baldi S. 1995a. On Arabic loans in Hausa and Kanuri // *Studia Chadica et Hamito-Semita*. Akten des Internationalen Symposions zur Tschadsprachenforschung, Johann-Wolfgang-Goethe-Universität, Frankfurt am Main, 6 – 8. Mai 1991. Herausgegeben von Dymitr Ibriszimow und Rudolf Leger. Köln.
- Baldi S. 1995b. Sur la création d'une banque des emprunts arabes dans le cadre de la base de données lexicales et dialectologiques sahélo-saharienne gérée par MARIAMA. // R. Nicolaï, F. Rottland (éd.) *Cinquième Colloque de Linguistique Nilo-Saharienne / Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Nice, 24-29 août 1992. Actes / Proceedings. (Nilo-Saharan Vol. 10). Köln.
- Baldi S. 1996. On Arabic Loans in Fulfulde // *AION*, LVI (3) : 388-406.
- Baldi S. 1997. Hausa and Nilo-Saharan Loanwords // *Langues et Contacts de Langues en Zone Sahelo-Saharienne : 3e Table Ronde du Réseau Diffusion lexicale* (Colloquio Internazionale, Napoli 12-15 Settembre 1994), atti a cura di Sergio Baldi. Napoli.
- Baldi S. 1998. Dating Arabic Loans in Kanuri. Communication présentée au 7th Nilo-Saharan Linguistics Conference from 2 - 6 September 1998, Vienna, Austria, (sous presse).
- Baldi S. 1999. Ancient and New Arabic Loans in Chadic // *University of Leipzig Papers on Africa*, n°7.
- Baldi S. 2002. On Arabic Loans in Kanuri // *Studi Magrebini*, xxv.
- Baldi S. 2003. Some Statistical Analysis on Arabic Loans in Kanuri // *Lexical and Structural Diffusion. Interplay of Internal and External Factors of Language Development in the West African Sahel* (Corpus Les Cahiers 1, numéro coordonné et présenté par Robert Nicolaï et Peter Zima). Nice.
- Baldi S. 2005. On Isoglosses of Arabic Loans in Some West African Languages // P. Fronzaroli, P. Marassini (ed.) *Proceedings of the 10th Meeting of Hamito-Semitic (AfroAsiatic) Linguistics* (Florence, 18-20 April 2001). (Quaderni di Semitistica 25). Firenze.
- Baldi S. 2007. Verbal Arabic Loans in Hausa // *XII Incontro Italiano di Linguistica Camito-semitica (Afroasiatica)* (Ragusa, from Monday 6th to Thursday 9th June 2005), a cura di Marco Moriggi. Soveria Mannelli.
- Bargery G. P. 1934. *A Hausa-English Dictionary*. London.
- Cyffer N. 1994. *English-Kanuri Dictionary* (Westafrikanische Studien. Frankfurter Beiträge zur Sprach- und Kulturgeschichte, Band 3). Köln.
- Cyffer N., Hutchison J. P. (eds.). 1990. *Dictionary of the Kanuri Language*. Dordrecht.

- Baldi S. 2008. Dictionnaire des emprunts arabes dans les langues de l'Afrique de l'Ouest et en swahili. Paris.
- Foucauld Ch. de. 1951-1952. Dictionnaire touareg-français. 4 vols. Paris.
- Gouffé C. 1969-1970. Compléments et précisions concernant le haoussa dans le cadre de l'Essai comparatif de Marcel Cohen // Comptes rendus du G.L.E.C.S, XIV.
- Gouffé C. 1971-1972. Notes de lexicologie et d'étymologie soudanaises. II. Quelques cas de métathèse consonantique dans la comparaison des langues tchadiennes. // Comptes rendus du G.L.E.C.S, XVI.
- Gouffé C. 1971-1972. Notes de lexicologie et d'étymologie soudanaises. III. Contacts de vocabulaire entre le haoussa et le berbère // Comptes rendus du G.L.E.C.S, XVI.
- Gouffé C. 1974. Contacts de vocabulaire entre le haoussa et le touareg // Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique (Paris, 16-19 juillet 1969, 5ème section), réunis par André Caquot et David Cohen. The Hague-Paris.
- Greenberg J. H. 1947. Arabic loan-words in Hausa // Word III, 1/2.
- Greenberg J. H. 1960. Linguistic evidence for the influence of the Kanuri on the Hausa // Journal of African History 1, 2.
- Hutchison J. P. 1981. The Kanuri Language. A reference grammar. Madison.
- Jullien de Pommerol P. 1999. Dictionnaire arabe tchadien-français suivi d'un index français-arabe et d'un index des racines arabes. Paris.
- Kaye A. S. 1986. A Dictionary of Nigerian Arabic (Bibliotheca Afroasiatica, vol. 2). Malibu.
- Kazimirski A. de Biberstein. 1860. Dictionnaire arabe-français. Paris.
- Kazimirski A. de Biberstein. 1875. Dictionnaire arabe-français, revu et corrigé par Abed Gallab. Le Caire. Imprimerie V.R. égyptienne.
- Lukas J. 1937. A Study of the Kanuri Language. London.
- Noye D. 1989. Dictionnaire foulfouldé-français. Dialecte peul du Diamaré Nord-Cameroun. Garoua, Paris.
- Parietti G. 1997. Dictionnaire français-foulfouldé et index foulfouldé : complément au dictionnaire foulfouldé-français de Dominique Noye O.M.I., dialecte peul de l'Extrême Nord du Cameroun, illustrations de Christian Seignobos. Guidiguig, Mission catholique. Paris.
- Roth-Laly A. 1969-1971-1972. Lexique des parlers arabes tchado-soudanais. Paris.
- Taylor F. W. 1932. A Fulani-English Dictionary. Oxford.
- Tourneux H., Daïrou, Y. 1998. Dictionnaire peul de l'agriculture et de la nature (Diamaré, Cameroun), suivi d'un index français-fulfulde. Paris.
- Wehr H. 1966. A Dictionary of Modern Written Arabic. Wiesbaden / London.
- Zoubko G. V. 1995. Dictionnaire peul-français (Senri Ethnological Reports 4). Osaka.

Liste des emprunts arabes communes aux fulfulde, hausa et kanuri¹

Arabe	Fulfulde	Hausa	Kanuri	
<i>abadan</i>	<i>abada</i>	<i>àbàdân</i>	<i>abadân</i>	AR ‘toujours, jamais’ [G.2.01.] FU ‘toujours’ HA ‘à tout jamais’ KA ‘jamais’
<i>iblis</i>	<i>iblis</i>	<i>iblis</i>	<i>yulisa</i>	AR-FU ‘diable, Satan’ [C.8.01.] HA ‘Satan’ KA ‘diable’
<i>ajal</i>	<i>ajal</i>	<i>ajâlî</i>	<i>ajélu</i>	AR-HA ‘dernière limite’ [D.1.01.] FU ‘destin, fin’ KA ‘ma- tière urgente’
<i>al-aḥad</i>	<i>alad</i>	<i>lâdî²/lahàdî</i>	<i>lâdə</i>	‘dimanche’ [F.4.01.*]
<i>al-ākīra</i>	<i>alāhira/ lāhira</i>	<i>lāhīrā³</i>	<i>kūra</i>	AR ‘l’au-delà’ [C.8.02.] FU-HA-KA ‘l’autre monde’
<i>ādām</i>	<i>Ādama</i>	<i>Adām</i>	<i>adam</i>	AR-FU-HA ‘Adam’ [D.1.01a.*] KA ‘genre humain’
<i>adān</i>	<i>ladan</i>	<i>lādān⁴/ lādānî</i>	<i>ladān</i>	AR ‘appel à la prière’ [C.8.03.] FU-HA-KA ‘muezzin’
<i>arḍ</i>	<i>lardi</i>	<i>lardi⁵</i>	<i>lārdə</i>	AR-KA ‘terre’ [A.2.01.] FU ‘province’ HA ‘dis- trict’

¹ Dans cette section les mots sont rangés selon l’ordre alphabétique arabe, sauf *āj* et *liktāy*, qui, étant de l’arabe parlé, ne sont dans ce système et on les a mis à la fin.

² Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

³ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

⁴ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

⁵ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

<i>aṣl</i>	<i>asli</i>	<i>asalī</i>	<i>aslan</i>	‘origine’ [E.1.01.]
<i>illā</i>	<i>illaa</i>	<i>illā</i>	<i>illā</i>	‘sauf’ [G.2.02.]
<i>allāh</i>	<i>Allah</i>	<i>Allā/ Allah</i>	<i>Ála</i>	‘Allah’ [C.8.04.]
<i>imām</i>	<i>limān/ imāmu</i>	<i>imāmī/limān</i>	<i>limān</i>	‘imam’ [C.8.05.]
<i>ammā</i>	<i>amma</i>	<i>āmmā</i>	<i>ammá</i>	‘mais’ [G.2.02b.*]
<i>amr</i>	<i>umra</i> v.	<i>umàrnī/ umùrnī</i>	<i>ámari</i>	AR-HA ‘commande’ [E.1.03.] FU ‘ordonner’ KA ‘per- mission’
<i>āmīn</i>	<i>āmīn/ āmīna</i>	<i>āmin</i>	<i>amīn</i>	‘amen’ [C.8.06.]
<i>amāna</i>	<i>amāna</i>	<i>āmānā</i>	<i>amān</i>	AR-KA ‘confiance’ [C.2.03.] FU ‘marchandise à cré- dit’ HA ‘bienveillance’
<i>injīl</i>	<i>linjīla</i>	<i>injīlū/linjīlā</i>	<i>lingilá</i>	AR-FU ‘évangile’ [C.8.09.] HA ‘Nouveau Testa- ment’ KA ‘Bible’
<i>au</i>	<i>au</i>	<i>au</i>	<i>aú</i>	‘ou’ [G.2.03.]
<i>awwal</i>	<i>awwal</i>	<i>awwalī</i>	<i>áwúló</i>	AR ‘premier’ FU ‘pri- mo’ [F.2.03.] HA ‘commencement’ KA ‘vantardise’
<i>āya</i>	<i>āya</i>	<i>āyā</i>	<i>áya</i>	‘verset (surtout) corani- que’ [C.8.10]
<i>al-āya</i>	<i>layāru</i>	<i>lāyā¹</i>	<i>láya</i>	AR ‘symbole, marque’ [C.8.10.] FU-HA-KA ‘amulette’
<i>bābūr</i>	<i>bābur</i>	<i>bābur</i>	<i>babār/babúr</i>	AR ‘locomotive’ [E.7.01.*] FU-HA-KA ‘motocy-

¹ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

				clette'
<i>bārūd</i>	<i>barūdu</i>	<i>ālbarūs/</i> <i>ālbarūshī/</i> <i>būrūšī</i>	<i>borúdu</i>	'poudre à canon' [E.3.01.*]
<i>batū</i>	<i>paatu/ paa- tuuru/ faa- tuuru</i>		<i>fatú</i>	'chat' [A.5.01.*]
<i>baħr</i>	<i>bahar</i>	<i>ba- hār/bahārī</i>	<i>báhar</i>	'mer' [A.2.02.]
<i>lā budda</i>	<i>lābidda</i>	<i>lābuddà</i>	<i>labúdda/</i> <i>lawútta</i>	AR-FU-HA 'exacte- ment' [G.2.05.] HA-KA 'certainement'
<i>bid'a</i>	<i>mbidu'āku</i>	<i>bidi'ā</i>	<i>bídəa</i>	'hérésie' [C.8.10a.*]
<i>baraş</i>	<i>baras</i>	<i>ālbaràs/</i> <i>baràs</i>	<i>bárasə</i>	'lèpre' [B.3.02.]
<i>bargoya</i>	<i>borgöre</i>	<i>bàrgō</i>	<i>borkó</i>	'couverture' [B.6.01a.*]
<i>baraka</i>	<i>albarka/</i> <i>barka</i>	<i>ālbarā</i>	<i>bárga</i>	'bénédictio[n]' [C.8.12.]
<i>bāsūr</i>	<i>baksur</i>	<i>bāsūr</i>	<i>boksūr</i>	'hémorroïdes' [B.3.03.]
<i>bişr</i>	<i>albisir</i>	<i>ālbishir/</i> <i>ālbishirī</i>	<i>albíshir/</i> <i>ahwúshir</i>	AR 'joie' [C.2.04a.*] FU-HA-KA 'bonnes nouvelles'
<i>başıra</i>	<i>basira</i>	<i>bàsīrā</i>	<i>basíra</i>	AR-HA 'perspicacité' [C.1.01a.*] FU 'prévoyance' KA 'intelligence'
<i>başal</i>	<i>albasarre</i>	<i>ālbasa¹</i>	<i>luwásar</i>	'oignon' [A.4.01a.*]
<i>bunduqīya</i>	<i>bindigāru/</i> <i>bundugāru</i>	<i>bindigā²</i>	<i>bóndógə/</i> <i>búndúwu</i>	'fusil' [E.3.01.]

¹ [Abraham 1962: 19] signale le mot hausa comme un emprunt à l'arabe, mais du point de vue phonétique, on ne comprend pas pourquoi la consonne finale de l'étymon arabe a disparu.

² [Knappert 1972-1973: 293, note 18] affirme : "La forme hausa *bindiga* vient d'un terme de la *Lingua franca* désignant le fusil *venediga* ; ce mot, en portugais ou en espa-

<i>bāb</i>	<i>bābuwol</i>	<i>bābī</i>	<i>babu</i>	‘chapitre’ [C.5.01a.*]
<i>baul</i>	<i>ḡawle</i>	<i>bawālī/</i> <i>bōwālī</i>	<i>bowūl</i>	‘urine’ [B.1.01a.*]
<i>bait al-māl</i>	<i>baital/ bai-</i> <i>tal-māli</i>	<i>bāitūlmāli</i>	<i>baitāmbāl</i>	‘Trésor’ [E.1.19.]
<i>tājir</i>	<i>attājirījo</i>	<i>attājirī/tājirī</i>	<i>tājir</i>	AR ‘commerçant’ [E.6.03.] FU-HA-KA ‘personne riche’
<i>turjumān</i>	<i>turjuman</i>	<i>tàrjāmān</i>	<i>turjimān</i>	‘interprète’ [E.5.04a.*]
<i>tamma</i> v.	<i>timma</i> v.	<i>tāmat</i>	<i>tāmo</i>	AR-FU ‘être fini’ [C.3.02.] HA-KA ‘fin’
<i>tauba</i>	<i>tūbu</i>	<i>tūbā</i> v.	<i>tōwa</i>	AR-FU-KA ‘repentance’ [C.2.07.] HA ‘se repentir’
<i>tulī</i>	<i>sulusu</i>	<i>sulūsī</i>	<i>tāltā</i>	‘un tiers’ [F.2.05a.*]
<i>talātā</i>	<i>salāsa</i>	<i>tālātā</i>	<i>talāgə</i>	‘mardi’ [F.4.01a.*]
<i>taman</i>	<i>saman</i>	<i>tamānī</i>	<i>tāma</i>	‘prix’ [E.6.03a.*]
<i>al-iṭṭān</i>	<i>altine</i>	<i>littinīn</i>	<i>lātālīn</i>	‘lundi’ [F.4.01a.*]
<i>taub</i>	<i>tūba</i>	<i>tufā</i> ¹	<i>zubūn</i>	AR-HA ‘vêtement’ [B.6.01a.*] FU ‘pantalon’ KA ‘lourd manteau d’homme bro- dé’
<i>jarraba</i> v.	<i>jarriba</i> v.	<i>jarrābā</i> v.	<i>jarāwa</i> ¹	AR-FU-HA ‘essayer’ [E.4.01a.*] KA ‘examen’

gnol, est la forme adjectivale de Venise, ancien port de transbordement d’armes à feu”. En tout cas le mot est arrivé en hausa via le kanuri, comme l’affirme [Greenberg 1960: 211].

¹ “Habit est peut-être de même origine, bien que le *t* arabe soit en général rendu par *s* dans cette langue” (Prost 103). Voir aussi *zūbūnī*, *zābūn* ‘sorte de gilet à manches longues’ de la même origine.

<i>majlis</i>	<i>majlisa</i>	<i>màjàlisà</i>	<i>májilas</i>	‘conseil’ [E.2.02.]
<i>jum^éa</i>	<i>jumbāre/ jumbāje</i>	<i>jumma[’]à</i>	<i>zóma</i>	‘vendredi’ [F.4.03.]
<i>jamā^éa</i>	<i>jama[’]āre</i>	<i>jàma[’]à</i>	<i>jamā</i>	AR-HA- KA ‘communauté’ [E.1.07.] FU ‘foule’
<i>jumla</i>	<i>jimilla</i>	<i>jimlā</i>	<i>júmla</i>	‘total’ [F.2.09.]
<i>jinn</i>	<i>jinna</i>	<i>àljan/àljanī</i>	<i>jīndi</i>	AR-FU-HA ‘djinn’ [C.8.17.] KA ‘fantôme, esprit, génie’
<i>janna</i>	<i>aljanna</i>	<i>àljannà</i>	<i>zánnà</i>	‘paradis’ [C.8.16a.*]
<i>janāba</i>	<i>janāba</i>	<i>jānabā</i>	<i>janāwa</i>	‘impureté (surtout ri- tuelle)’ [C.8.18.]
<i>ǵangali</i>	<i>jangali</i>	<i>jangālī</i>	<i>jāngal</i>	‘impôt sur le bétail’ [E.2.02a.*]
<i>jāhil</i>	<i>jāhilījo</i>	<i>jāhilī</i>	<i>jāhil</i>	‘ignorant’ [C.1.03.]
<i>jahannam</i>	<i>jahannama</i>	<i>jahānnamà</i>	<i>jānəm</i>	AR-FU-HA ‘enfer’ [C.8.20.] KA ‘feu (de l’enfer)’
<i>jawāb</i>	<i>jāwābu</i>	<i>jāwābī</i>	<i>jaá- wu/juwáwu/ zaáwu</i>	‘réponse’ [C.3.04.]
<i>jaib</i>	<i>jība</i>	<i>àljīfū</i>	<i>líwu</i>	‘poche’ [B.6.02a.*]
<i>ḥattā²</i>	<i>ha/haa/ hade</i>	<i>har pre./conj.</i>	<i>hár</i> part.	‘jusqu’à’ [G.2.09.]
<i>ḥujja</i>	<i>hujja</i>	<i>hujjā</i>	<i>hújja</i>	AR-FU ‘argument’

¹ Cf. fulfulde *jarribāki* [Taylor 1932: 97].

² Très probablement, *ar* [Foucault 1951-52: 1559] ‘jusqu’à ; jusque’ est d’origine tamacheq. C’est donc lui qui serait l’étymon de la plupart des mots suivants. Dans le cas du hausa, je ne suis pas tout à fait d’accord avec l’hypothèse de [Greenberg 1947: 88], après avoir lu l’article de [Gouffé 1971-72 : III, 161-162]. En ce qui concerne le kanuri, l’origine est douteuse comme en hausa.

				[C.1.04.] FU-HA-KA ‘raison’
<i>ḥājj</i>	<i>alajīj/ alhājījo</i>	<i>àlhājī¹</i>	<i>alāji</i>	‘pèlerin ¹ ’ [C.8.22.]
<i>ḥajjām²</i>	<i>wanjamījo</i>	<i>wānzāmī³</i>	<i>wanzām</i>	AR ‘poseur de ventou- ses’ [E.5.04a.*] FU-HA ‘barbier’ KA ‘profession de barbier’
<i>ḥadīṭ</i>	<i>hadīsewol</i>	<i>hādīsī³/ hādīshī³</i>	<i>hadīs/hadīsə</i>	‘Hadith; tradition’ [C.8.23.]
<i>ḥarīr</i>	<i>haril</i>	<i>àlhārīnī³</i>	<i>harīl</i>	AR ‘soie’ [B.6.03.] FU-HA ‘tissu de soie’ KA ‘fil de soie’
<i>ḥarf</i>	<i>harfēre</i>	<i>harāfi</i>	<i>árawu</i>	‘lettre de l’alphabet’ [C.5.02.]
<i>ḥaram</i>	<i>harma v.</i>	<i>harāmī</i>	<i>hāram</i>	AR ‘interdit’ [C.8.24.] FU ‘être illicite’ HA-KA ‘vêtements portés par les pèlerins à l’approche de La Mecque’
<i>ḥurma</i>	<i>alhorma</i>	<i>ālfarmā</i>	<i>hermā⁴</i>	AR-FU ‘vénération’ [C.2.08a.*] HA ‘arrogance’ KA ‘ami fidèle, relation proche’
<i>ḥarām</i>	<i>haram</i>	<i>hārām</i>	<i>harām</i>	‘interdit (par la religion)’ [E.2.06.]
<i>muḥarrām</i>	<i>hāram</i>	<i>mūharrām</i>	<i>márrəm/ márram</i>	‘premier mois’ [F.4.05.]

¹ Titre honorifique de celui qui a accompli le pèlerinage à La Mecque.

² Il rase la tête (cheveux et barbe), pose aussi des ventouses faites de petites cornes d’animal, etc. Cf. touareg *wa-aḥažžam* (C. Gouffé, c.p.).

³ En hausa : arabe /t/ > hausa /n/ par un phénomène de dissimilation.

⁴ En kanuri il y a aussi : *húrmó* ‘sentiments de gratitude ou d’obligation’.

<i>ḥisāb</i>	<i>hisābu/ lissāfi</i>	<i>ḥisābī/ lissāfi</i>	<i>isáwu</i> ¹	AR-FU-HA ‘arithmétique’ [F.2.10.] KA ‘calcul’
<i>ḥikma</i>	<i>hikma</i>	<i>hikimā</i>	<i>hikma</i>	‘sagesse’ [C.2.11.]
<i>ḥalāl</i>	<i>halal</i>	<i>ḥālāk</i> ²	<i>halāl</i> adj.	‘légal’ [E.2.11.]
<i>ḥalwā</i>	<i>alēwa</i>	<i>ḥālāwā/ ālēwā</i>	<i>alēwa</i>	AR ‘sucré’ [B.5.01.] FU-HA-KA ‘bonbon’
<i>al-ḥamdu lillāh</i>	<i>alhamdu lillaahi</i>	<i>ālhamdū lillāhi</i> excl.	<i>Alḥámdullil- lahi</i>	AR ‘louange à Dieu’ [G.1.01.]
<i>ḥāl</i>	<i>hali</i>	<i>hālī</i>	<i>hál</i>	AR-HA ‘état’ [C.3.06.] FU-KA ‘caractère’
<i>ḥayy</i>	<i>hai’a</i>	<i>hayyān</i>	<i>hāiya</i>	AR ‘vivant’ [C.1.04a.*] FU ‘démarche’ HA ‘en bonne forme’ KA ‘vérité, fait’
<i>ḥaiḍ</i>	<i>haila</i>	<i>haylā</i>	<i>hāila</i>	‘menstruation’ [B.1.02.]
<i>ḡabar</i> ³	<i>habaru</i>	<i>lābārī</i>	<i>hawār</i> ⁴	‘nouvelles’ [C.1.05.]
<i>ḡātām/ ḡātim</i>	<i>hātummēre</i>	<i>hātīmī</i>	<i>kātim</i>	AR-HA ‘sceau’ [E.1.08a.*] FU ‘tampon’ KA ‘prière spéciale’
<i>ḡasāra</i>	<i>asar</i>	<i>ḡasārā/ āsārā</i>	<i>asār</i>	‘perte’ [C.3.09.]
<i>ḡamīs</i>	<i>alhamīsa</i>	<i>ālḡamīs</i>	<i>lamīsə</i>	‘jeudi’ [F.4.06.]
<i>ḡinzīr</i>	<i>hinjīru</i>	<i>ālḡanzīr/ ālḡinzīr/ ḡinzīrī</i>	<i>kōnzər</i> ¹	AR-FU-HA ‘porc’ [A.5.01.] KA ‘girafe’

¹ En kanuri il y a aussi : *isáp* ‘sans fin, incomptable’.

² Il y a aussi une variante *ḡālāl* dans les dialectes de Sokoto et Katsina.

³ C’est le pluriel de *ḡbār*.

⁴ Du même étymon arabe en kanuri il y a *kawūli* ‘message (verbal or written), news, speech’.

<i>kair</i>	<i>hairu</i>	<i>ālhērī</i>	<i>hēr</i>	AR-FU 'bénéfice' [C.2.12.] HA 'bonté' KA 'paix'
<i>kaima</i>	<i>laimāru</i>	<i>laymā</i> ²	<i>lāima</i>	'tente' [B.7.02.]
<i>dābba</i>	<i>ndabbawa</i>	<i>dabbā</i>	<i>dābba</i>	'animal' [A.5.01a.*]
<i>dabbara</i> v.	<i>dabare</i>	<i>dābārā</i>	<i>dawāri</i>	AR 'projeter' [C.3.10a.*] FU-HA-KA 'plan'
<i>dubr/ du- bur</i>	<i>duburu</i>	<i>dubūrā/</i> <i>āddibirī</i>	<i>dāmbār</i>	AR-FU-KA 'derrière' [B.1.02a.*] HA 'anus'
<i>dajjal</i>	<i>dajjāl</i>	<i>dūjal</i>	<i>dajal</i>	'Antéchrist' [C.8.27a.*]
<i>daraja</i>	<i>daraja</i>	<i>darajā</i>	<i>darāja</i>	AR-HA 'rang' [D.3.03.] FU 'gloire' KA 'respect'
<i>dars</i>	<i>darsēre</i>	<i>darās</i>	<i>dārasə</i>	AR-HA-KA 'leçon' [C.1.07.] FU 'chapitre'
<i>dirham</i>	<i>dirham</i>	<i>darhāmī/</i> <i>dirhāmī</i>	<i>daran</i>	AR 'dirham' [E.6.04a.*] FU-HA 'pièce de monnaie' KA 'poids'
<i>dalīl</i>	<i>dalīla</i>	<i>dālīlī</i>	<i>dalīl</i>	AR 'indication' [C.3.11.] FU-HA-KA 'raison'
<i>duniyā</i>	<i>duniyāru</i>	<i>dūniyā</i>	<i>dinā/dunyā</i>	'monde' [A.2.04.]
<i>daula</i>	<i>dawla</i>	<i>daulā</i>	<i>dóle</i>	AR 'pouvoir' [E.1.09.] FU 'richesse' HA 'pouvoir' KA 'obligation'
<i>dawāh</i>	<i>dawa</i>	<i>tāwadā/</i> <i>tādawā/</i> <i>tāddawā</i>	<i>adúwa</i>	AR 'encrier' [E.4.01a.*] FU-HA-KA 'encre'
<i>dīn</i>	<i>dīna</i>	<i>āddīnī</i>	<i>adīn</i>	'religion' [C.8.29.]
<i>dīnār¹</i>	<i>dīnar</i>	<i>dīnārī</i> ²	<i>dīnar</i>	AR 'dinar' [F.2.15.]

¹ On peut supposer que pour le passage de « porc » à « girafe » en buduma et en kanuri, l'élément sémantique important n'est pas « animal à long cou », mais « animal dont la chair est interdite ».

² Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 11].

				HA 'pièce de monnaie' KA 'or'
<i>ḍikr</i>	<i>zikiri</i>	<i>zikirī</i>	<i>digóra</i>	'mention du nom de Dieu' [C.8.30.]
<i>ḍakar</i>	<i>jakari</i>	<i>azakārī</i> ³	<i>zákar</i> ⁴	'pénis' [B.1.03.]
<i>ḍanb</i>	<i>junūba</i>	<i>zūnubī</i> / <i>zū-nufī</i>	<i>zānawu</i> / <i>dānawu</i>	'péché' [E.2.14.]
<i>ribḥ</i>	<i>riiba</i>	<i>ribā</i> ⁵	<i>riwa</i>	AR-HA-KA 'intérêt' [E.6.05a.*] KA 'bénéfice'
<i>rub</i> ^c	<i>rubu'u</i>	<i>rubū'ī</i>	<i>rābbu</i> / <i>rūb-bu</i>	'quart' [F.2.17.]
<i>al-arbā'ā'</i>	<i>alarba</i>	<i>lārābā</i>	<i>lārāfa</i> / <i>lā-rāwa</i>	'mercredi' [F.4.09a.*]
<i>rizq</i>	<i>risku/ rijku</i>	<i>azzikī/ arzikī</i>	<i>rāzāgə</i>	AR 'moyens d'existence' [B.5.02.] FU-HA-KA 'richesse'
<i>riḵwa</i> / <i>raḵwa</i>	<i>riswa</i> v.	<i>rashawā</i>	<i>riṣa</i> / <i>riṣoa</i>	AR-HA-KA 'pot-de-vien' [C.4.07.] FU 'corrompre'
<i>raṣāṣa</i>	<i>artas</i>	<i>hārsāshī</i> / (Kt.) <i>hārsāsh</i> <i>ē</i>	<i>arsāsə</i>	AR 'balle' [E.3.02a.*] FU-HA-KA 'cartouche'
<i>raḵ'a</i>	<i>raka'are</i>	<i>raka'ā</i>	<i>rākka</i>	AR-FU-HA 'inclination au cours des prières' [C.8.34.]

¹ Le mot se trouve dans le Coran (< Latin *denarius*), mais on ne sait pas s'il signifie 'pièce de monnaie en or' ; en tout cas, c'est seulement après 685, avec ^cAbd al-Malik, que le mot prend cette signification.

² En hausa il y a aussi *zīnāriyā* et *zīnārī* 'or'.

³ Mot employé par les hommes cultivés à la place de *būṣā* 'pénis' [Robinson 1925 : 23b].

⁴ Mot employé par les hommes cultivés à la place de *ngāli* 'pénis'.

⁵ Légal selon le droit musulman, au contraire de *ribā* < Ar *riban* [Wehr 1966 : 324a], illégal.

				KA ‘prière surrogatoire’
<i>ramaḍān</i>	<i>ramabāna</i>	<i>rāmādan</i>	<i>armalān/ ramadān</i>	‘Ramadan’ [F.4.11]
<i>rahn</i>	<i>ran</i>		<i>rān</i>	‘gage’ [E.2.15a.*]
<i>rūḥ</i>	<i>rūhu</i>	<i>rūhū¹</i>	<i>rô</i>	‘âme’ [C.1.10.]
<i>murād</i>	<i>murādi</i>	<i>mūrādī</i>	<i>mərādə</i>	AR ‘intention’ [C.3.13.] FU-HA-KA ‘désir’
<i>zakāh</i>	<i>jakka</i>	<i>zākkā/ zākā/ zakkā</i>	<i>zaká</i>	AR-KA ‘aumône obligatoire’ [E.2.16.] FU-HA ‘dîme’
<i>zalāqa</i>	<i>chalka</i>	<i>salgā/ sargā</i>	<i>sálgá</i>	AR-KA ‘latrines’ [B.7.02a.*] FU-HA ‘fosse d’aisance’
<i>zamān</i>	<i>jaamaano</i>	<i>zāmānī/ zāmānī</i>	<i>zamān</i>	AR-KA ‘temps’ [F.4.12.] FU ‘époque’ HA ‘période’
<i>zinā’</i>	<i>jēna</i>	<i>zinā</i>	<i>kónzóna</i>	AR-HA-KA ‘fornication’ [E.2.17.] FU ‘commettre l’adultère’
<i>zaitūn</i>	<i>jaitūni</i>	<i>zàitūn/ zàitūnī</i>	<i>zaitūn</i>	‘olive’ [A.4.04.]
<i>sabab</i>	<i>sababu</i>	<i>sabābī</i>	<i>sááwu</i>	‘cause’ [C.1.11.]
<i>sabt</i>	<i>asawe</i>	<i>āsabār</i>	<i>sābdə</i>	‘samedi’ [F.4.12a.*]
<i>subḥāna llāh</i>	<i>subhaana-llaahi</i>	<i>subḥānāll-āhī</i>	<i>suwāna</i>	AR ‘louez le Seigneur !’ [G.1.03.] FU ‘Dieu nous en garde !’ HA-KA ‘mon Dieu !’
<i>tasbīḥ</i>	<i>tasbiwol</i>	<i>cārbi/ cāzbī/ tāsbaḥā</i>	<i>tajiwí</i>	AR ‘glorification de Dieu’ [C.8.38.] FU-HA-KA ‘chapelet’
<i>sitr</i>	<i>sutura</i>	<i>sītirā</i>	<i>shītəra</i>	AR ‘voile’ [B.6.04.]

¹ Voir [Bargery 1934: 866].

				FU-HA 'vêtement' KA 'sépulture'
<i>sujūd</i>	<i>sujida</i> v.	<i>sūjudā</i>	<i>sujida</i>	AR-HA-KA 'prosternation' [C.8.39.] FU 's'incliner vers le sol (religion)'
<i>masjid</i>	<i>miside</i>	<i>masīdī</i> (Nor.)	<i>māshidi</i>	'mosquée' [C.8.40.]
<i>sirr</i>	<i>asiri/ sirri</i>	<i>āsīrī</i>	<i>ashīr</i>	'secret' [C.1.11a.*]
<i>sarj</i>	<i>kirke</i>	<i>sirdī</i> ¹	<i>sórdó</i>	'selle' [E.7.04.]
<i>sukkar</i>	<i>sukkar</i>	<i>sukār/ su-kārī</i>	<i>shúwúr</i>	'sucre' [A.4.05.]
<i>salām</i>	<i>salaaman</i>	<i>sālāmā</i>	<i>salām</i>	AR-FU 'paix' [C.8.43.] HA 'salut !' KA 'salutation'
<i>as-salāmu</i> <i>‘alaikum</i>	<i>assalaam</i> <i>aleykum</i>	<i>sālāmā</i> <i>àlaykūn</i>	<i>salāmalé-kum</i>	'la paix soit avec vous !' [G.1.03a.*]
<i>salāma</i>	<i>salaama</i>		<i>salāma</i>	AR 'bien-être' [E.6.05a.*] FU 'cadeaux distribués aux griots' KA 'pour-boire'
<i>islām</i>	<i>lislāma/ silāma</i>	<i>lislāmā</i>	<i>kərməsələm</i>	'islam' [C.8.44.]
<i>ism</i>	<i>ismu</i>		<i>sú</i>	'nom' [D.1.03a.*]
<i>bi-ismillāhi</i>	<i>Bismillaahi</i>	<i>bisimillāhī</i> excl.	<i>bisəmillāi</i>	AR-FU 'au nom de Dieu !' [G.1.04.] HA-KA 'prononcé avant de commencer à manger'
<i>samā'</i>	<i>asama</i>	<i>samā</i>	<i>sāmi</i>	'ciel' [A.1.05.]
<i>sunna</i>	<i>sunna</i>	<i>sunnā</i>	<i>súnna</i>	'Sunna' [C.8.46.]
<i>sūdān</i>	<i>Sūdān</i>	<i>Sūdān</i>	<i>Sudān</i>	'Sudan' [E.1.12b.*]

¹ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Greenberg 1960: 211] et [Greenberg 1947: 89].

<i>sūr</i>	<i>sōrowol</i>	<i>sōrō</i> ¹	<i>shóró/sóró</i>	AR ‘mur’ [B.7.04.] FU ‘maison rectangulaire à toit plat’ HA ‘salle d’entrée d’une concession’ KA ‘pièce rectangulaire’
<i>sūra</i>	<i>sūra</i>	<i>sūrā</i>	<i>súra</i>	‘chapitre du Coran’ [C.8.48.]
<i>siyāsa</i>	<i>siyāsa</i>	<i>siyāsā</i>	<i>siyása</i>	AR-HA-KA ‘politique’ [E.1.14.] FU ‘mesure administrative’
<i>sā’a</i>	<i>sā’a</i>	<i>sā’ā</i>	<i>sā</i>	AR-FU-HA ‘heure’ [F.4.13.] KA ‘temps’
<i>šāy</i>	<i>sāyi/ sha’i</i>	<i>shā’i/ shāyī</i>	<i>shāyi</i>	‘thé’ [A.4.00.]
<i>šarṭ</i>	<i>sarti/ sarḍi</i>	<i>sharāḍī</i>	<i>sharatī</i>	AR-FU-HA ‘condition’ [C.3.15.] KA ‘légalité’
<i>šarī’a</i>	<i>sar’a/ sa-ri’āji</i>	<i>shari’ā/ shari’ā</i>	<i>sharā</i>	‘loi (islamique)’ [E.2.19.]
<i>šafaq</i>	<i>safakūri</i>	<i>shafākī</i>	<i>shāfak</i>	AR-HA-KA ‘rougeolement du soir’ FU ‘crépuscule’ [A.1.05a.*]
<i>šakk</i>	<i>seka v.</i>	<i>šakkā</i>	<i>shégó</i>	AR-HA-KA ‘doute’ [C.1.13.] FU ‘douter’
<i>šakl</i>	<i>sigiire</i>	<i>shakālī</i>	<i>shikkāl</i>	AR ‘vocalisation’ [C.5.03a.*] FU ‘syllabification’ HA ‘signe vocalique’ KA ‘voyelle’

¹ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 12].

<i>ṣāhida</i> v.	<i>sēda</i> v.	<i>shaidā</i>	<i>šēda/ šēda</i>	AR-FU-HA ‘être témoin’ [E.2.21.] KA ‘témoin’
<i>ṣāwara</i> v.	<i>saura/</i> <i>sāwara</i> v.	<i>ṣāwarā</i>	<i>shawāri/</i> <i>sowóri/</i> <i>showóri</i>	AR-FU ‘demander conseil’ [C.3.16.] HA ‘conseil’ KA ‘consultation’
<i>ṣaik</i>	<i>seihu</i>	<i>shēhū</i>	<i>shéhu</i>	AR-FU ‘sheikh’ [E.1.14a.*] HA ‘grand savant’ KA ‘titre du roi du Borno’
<i>ṣaiṭān</i>	<i>saiḍānu</i>	<i>shàitsān/</i> <i>shàitsānī</i>	<i>shetān</i>	‘Satan’ [C.8.52.]
<i>ṣubḥ</i>	<i>subaha</i>	<i>āsūbā</i>	<i>síwa</i>	AR-FU-HA ‘aurore’ [A.1.05a.*] KA ‘matin’
<i>ṣābūn</i>	<i>saabulu</i>	<i>sābulū</i>	<i>shawūl</i>	‘savon’ [B.3.06.]
<i>ṣadaqa</i>	<i>sadaka/</i> <i>sadka</i>	<i>sadakā</i>	<i>sádāa</i>	‘aumône’ [C.8.53.]
<i>ṣadāq</i>	<i>sadāki</i>	<i>sādākī/</i> <i>sādākī</i>	<i>sadāgə</i>	‘dot (de mariage)’ [D.2.04a.*]
<i>ṣulḥ</i>	<i>sulhu</i>	<i>sulhū</i>	<i>sōlfu/ soló</i>	AR-FU ‘paix’ [D.3.09a.*] HA-KA ‘(ré)conciliation’
<i>ṣalāh</i>	<i>salātu</i>	<i>sālātī¹</i>	<i>sála</i>	AR-FU-KA ‘prière (rituelle)’ [C.8.56.] HA ‘foi musulmane’
<i>ṣandūq</i>	<i>sundūkīru</i>	<i>sàndūkī</i>	<i>sandúwu</i>	‘boîte’ [B.7.05.]
<i>ṣan‘a</i>	<i>sanā‘a</i>	<i>sàna‘ā</i>	<i>sanyā</i>	‘commerce, occupation’ [E.5.06.]
<i>ṣanam</i>	<i>sanam</i>		<i>sánam</i>	AR-FU ‘idole’

¹ En hausa il y a aussi *sallā* qui viens directement de la deuxième forme verbale de *ā* *LW* ‘accomplir la prière, le culte’ [Wehr 1966 : 524a].

				[C.8.56a.*] KA ‘superstition’
<i>muṣṭība</i>	<i>masībo</i>	<i>màsīfā̃/ màsībā̃/ mùsībā̃</i>	<i>masīfa/ mashíwa</i>	AR-FU-HA ‘malheur’ [C.2.18.] KA ‘calamité’
<i>aṣ-ṣaum</i>	<i>sūma</i> v.	<i>azùmī</i>	<i>zòmngin/ zòmjin¹</i> v.	AR-HA ‘jeûne (du ramadan)’ [C.8.58.] FU-KA ‘jeûner’
<i>ḍahīya</i>	<i>laiha</i> v.	<i>layyā</i>	<i>láyá</i>	AR ‘sacrifice sanglant’ [C.8.58a.*] FU ‘sacrifier’ HA-KA ‘fête du dixième jour du douzième mois’ ²
<i>ṭamī^ca</i> v.	<i>tamma</i> v.	<i>tsāmmānī̃/ tsāmmānī̃/ tāmmānī̃³</i>	<i>tāmā</i>	AR ‘désirer’ [C.1.13a.*] FU ‘penser’ HA-KA ‘pensée’
<i>ṭāsa</i>	<i>tāsawo</i>	<i>tāsā̃</i>	<i>tāsa</i>	‘bol en métal’ [B.5.05.]
<i>^cibāda</i>	<i>ibāda</i>	<i>ibadā̃</i>	<i>ibada</i>	AR ‘adoration’ [C.8.61.] FU-HA ‘culte’ KA ‘servir Dieu par des prières’
<i>^cajab</i>	<i>ajab</i>	<i>āl’ajābī</i>	<i>ájap</i>	AR-KA ‘étonnement’ [C.2.19.] FU ‘chose étonnante’ HA ‘surprise’
<i>^cajam</i>	<i>ajamīya</i>	<i>ājāmi</i>	<i>ajamí</i>	AR ‘barbares, non- Arabes’ [C.5.04.] FU ‘écriture indigène’

¹ En kanuri il y a *zəmta* et *zəmṭá* qui sont noms verbals de *ashām*.

² En hausa et kanuri le mot a la signification spéciale ‘cérémonie accomplie le dixième jour du mois du pèlerinage en tuant un bélier, une chèvre, une vache ou un chameau ; animal tué pour cette cérémonie’.

³ Ce dernier mot est une variante de Sokoto, qui est arrivée en hausa à travers le kanuri. En effet arabe /t/ > kanuri /t/ et hausa /ts/.

				HA ‘hausa écrit en caractères arabes’ KA ‘alphabet’
^c <i>ādīl</i>	<i>adilāku</i>	<i>ādīlī</i>	<i>ádal</i>	AR-HA ‘juste’ [C.4.11.] FU ‘justice’ KA ‘honnêteté’
^c <i>adāb</i>	<i>ajāba</i>	<i>āzābā</i>	<i>azāwu</i>	AR-FU-HA ‘douleur’ [E.2.23.] KA ‘punition’
^c <i>arab</i>	<i>arābo</i>	<i>bālārabē</i>	<i>árab</i>	‘Arabe’ [E.1.15a.*]
^c <i>askar</i>	<i>askar</i>	<i>askār¹/</i> <i>bā’askarē</i>	<i>áskər²</i>	AR ‘armée’ [E.3.05.] FU-HA-KA ‘soldat’
^c <i>uṣr</i>	<i>usura</i>	<i>ushīrī/ us-</i> <i>hūrī</i>	<i>wúshir</i>	AR-FU-HA ‘dîme’ [E.2.24.] KA ‘commission ; indemnité’
^c <i>āšūrā</i>	<i>asuura</i>	<i>āshūrā</i>	<i>áshirá</i>	‘fête de l’Achoura’ [C.8.62a.*]
^c <i>iṣā</i>	<i>esā’i</i>	<i>ishā’ī</i> <i>līshā</i>	<i>lashá</i>	‘soir’ [C.8.63.]
^c <i>aṣr</i>	<i>asiri</i>	<i>lā’asār/</i> <i>lā’āsāriyā</i>	<i>ásar</i>	AR-FU-HA ‘prière de l’après-midi’ KA ‘fin d’après-midi’ [C.8.64.]
^c <i>āfiya</i>	<i>āfiya</i>	<i>lāfiyā</i>	<i>kəlēwa/</i> <i>kəlēfa</i>	‘santé’ [B.3.11.]
^c <i>aql</i>	<i>hakkīlo</i>	<i>hankālī³</i>	<i>ángal/ hán-</i> <i>gal</i>	‘intelligence’ [C.1.16.]
^c <i>ilm</i>	<i>ilmu</i>	<i>ilimī/ (Ne)</i> <i>ilmī</i>	<i>ilmu</i>	AR-HA- KA ‘connaissance’ [E.4.01a.*]

¹ [Bargery 1934: 40] donne “rare”.

² [Cyffer, Hutchinson 1990: 8] donnent “archaic”.

³ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 10].

				FU ‘science’
^c <i>alāma</i>	<i>alāma</i>	<i>àlāmā̃/ hàlāmā̃</i>	<i>alāma</i>	AR-FU-HA ‘signe’ [E.7.07.] KA ‘forme, plan’
<i>mu^callim</i>	<i>mallumjo</i>	<i>mālāmī¹</i>	<i>máləm</i>	AR-FU-HA ‘enseignant’ [E.4.02.] KA ‘maître d’école’
<i>ma^cnan</i>	<i>māna</i>	<i>mā`ànā</i>	<i>maanā/ māna</i>	AR-FU- HA ‘signification’ [C.5.06.] KA ‘discours ; problème’
^c <i>āda</i>	<i>al`āda/ ādi</i>	<i>āl`ādā̃/ ādā̃</i>	<i>āda</i>	‘coutume’ [D.3.12.]
^c <i>iyāl²</i>	<i>iyāalu</i>	<i>iyālī̃</i>	<i>yāl</i>	AR-KA ‘personnes à charge’ [D.2.06.*] FU ‘famille’ HA ‘épouse(s) et enfants’
^c <i>aib</i>	<i>aibe</i>	<i>aibū/ aibī lāyfĩ</i>	<i>aíwu</i>	AR-HA-KA ‘faute’ [C.4.13.] FU ‘délit’
<i>ma^cāš</i>	<i>albaasi</i>	<i>ālbāshī/ ālbākī</i>	<i>alwóshi</i>	AR ‘moyens de subsistance’ [E.5.06a.*] FU-HA-KA ‘salaire’
<i>maḡrib</i>	<i>mangariba</i>	<i>màḡàribā̃/ màngàribā̃</i>	<i>máiríwu</i>	AR-HA-KA ‘prière au coucher du soleil’ FU ‘coucher du soleil’ [C.8.66.]
<i>ḡafara v.</i>	<i>gaafara</i>	<i>ḡāfarā̃</i>	<i>ḡafōra</i>	AR-HA ‘pardonner’ [C.8.67.] FU-KA ‘pardon !’
<i>istaḡfar</i>	<i>istingfāru</i>	<i>àstàḡfirullā-</i>	<i>asaafərīlāi</i>	‘que Dieu me

¹ Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 12].

² C’est le pluriel de ^c*ayyil*.

<i>allāh</i>		<i>hā</i>		pardonne !' [G.1.06a.*]
<i>ḡaib</i>	<i>ngaibu</i>	<i>gaibì/ gaibù</i>	<i>gáiwu</i>	AR 'absence' [C.1.16a.*] FU-HA 'chose cachée' KA 'fait de prédire un événement improbable'
<i>ḡaiṭa¹</i>	<i>algaitāru</i>	<i>àlgaytā</i>	<i>algaita</i>	'hautbois' [C.7.05a.*]
<i>al-fāṭiḥa</i>	<i>fāṭiḥa</i>	<i>fāṭihā/ fāṭiyā</i>	<i>fātia</i>	'première sourate du Coran' [C.8.70.]
<i>fatala v.</i>	<i>fatarēre</i>	<i>fātalā/ fa-talā</i>	<i>fatāle</i>	AR 'torsader ensemble' [B.6.06a.*] FU-HA 'foulard de tête' KA 'tissu attaché autour de la partie supérieure du corps'
<i>fatīl</i>	<i>pittirla</i>	<i>fītilā</i>	<i>fatāla</i>	AR 'tordu ; mèche' [B.7.07.*] FU-HA-KA 'lampe'
<i>fītina</i>	<i>fītina</i>	<i>fītina</i>	<i>fītana</i>	AR 'intrigue ; sédition' [E.1.16.] FU-HA-KA 'troubles'
<i>fajr</i>	<i>fajiri</i>	<i>àlfijir/ àlfi-jirī</i>	<i>fājer</i>	'aurore' [C.8.71.]
<i>farj</i>	<i>farji</i>	<i>farjī</i>	<i>fārgi</i>	'vagina' [B.1.06.]
<i>fārḍ</i>	<i>farliḍina v.</i>	<i>farlū</i>	<i>fāral</i>	AR-HA-KA 'devoir religieux' [C.8.72.] FU 'imposer'
<i>fassara v.</i>	<i>fassitira v.</i>	<i>fassarā</i>	<i>fasāri</i>	AR-FU 'expliquer' [E.4.03.] HA-KA 'traduction'
<i>fāṣl</i>	<i>fāṣuwol</i>	<i>fāsālī</i>	<i>fāsal</i>	AR-FU-HA 'saison' [B.6.08.*] KA 'schéma, plan'

¹ Voir [Greenberg 1947: 92].

<i>faqīr</i> , pl. <i>fuqāra</i> ¹	<i>fakīrījo</i>	<i>fakīrī</i>	<i>fuwurá/</i> <i>fugərá</i> ¹	AR-FU-HA ‘pauvre’ [E.6.11.] KA ‘lettre’
<i>faqīh</i>	<i>alfa</i> v.		<i>alfakī</i>	AR ‘légiste expert en fiqh’ [E.2.28a.*] FU ‘pratiquer la divination’
<i>fahima</i> v.	<i>fāma</i> v.	<i>fāhima</i> v.	<i>alfam</i>	AR-FU-HA ‘comprendre’ [C.1.18.] KA ‘mémoire’
<i>fā’ida</i>	<i>faida</i> v.	<i>fā’idā</i>	<i>fāida</i>	AR-KA ‘utilité’ [E.6.13.] FU ‘être utile’ HA ‘bénéfice, profit’
<i>qabr</i>	<i>habrīre</i> , pl. <i>kabrije</i>	<i>kabārī</i>	<i>káwar</i>	‘tombe’ [D.1.06.]
<i>al-qur’ān</i>	<i>alkur’āna/</i> <i>fur ā.anu</i>	<i>àlkūr’àn/</i> <i>àlkūr’ānī</i>	<i>luwurān</i>	‘Coran’ [C.8.74.]
<i>qirš</i> ²	<i>gurus</i>	<i>gurūs</i>	<i>gúrsu</i>	‘dollar de Marie-Thérèse’ [F.2.26a.*]
<i>qur’a</i>	<i>kur’u</i>	<i>kūri’ā</i>	<i>kəreta</i>	AR-FU-HA ‘tirage au sort’ [D.3.12a.*] KA ‘sort, sélection’
<i>qarn</i>	<i>karnuwol</i>	<i>karnī</i>	<i>kárnu</i>	‘siècle’ [F.4.19.]
<i>maqāşş</i> ³	<i>mekesje</i>	<i>àlmakāshī</i>	<i>mówosə</i>	‘ciseaux’ [E.5.08.]
<i>qāđin</i>	<i>alkāli</i>	<i>àlkālī/ àlkālī</i>	<i>alkāli/ ləgāli</i>	‘juge’ [E.2.29.]
<i>quṭn</i>	<i>hottollo</i>		<i>kāltan/</i> <i>kalgótan/</i> <i>kāndal</i>	‘coton’ [A.4.10a.*]
<i>qamḥ</i>	<i>alkamāri</i>	<i>àlkamā</i>	<i>ləgāma</i> ⁴	‘blé’ [A.4.10b.*]
<i>qāmūs</i>	<i>kāmus</i>	<i>kāmūs</i>	<i>kāmus</i>	‘dictionnaire’ [E.4.06.]

¹ Voir [Lukas 1937: 199].

² C’est le pluriel de *qirš* ‘piastre’.

³ C’est le pluriel de *miqaşş*.

⁴ Des autres variantes sont : *algāma*, *laāma*.

<i>qahwa</i>	<i>gaawa</i>	<i>gahawā</i>	<i>gáwa</i>	‘café’ [A.4.11.]
<i>kitāb</i>	<i>kitābadun- kējo</i>	<i>littāfi</i>	<i>kitāwu/ ci- tāwu</i>	AR-HA-KA ‘livre’ [E.4.10.] FU ‘juif ou chrétien, par opposition à païen’
<i>kursī</i>	<i>kursi</i>	<i>kūrsiyī¹</i>	<i>kúris</i>	AR-HA-KA ‘chaise’ [B.7.06.*] FU ‘le trône (céleste) situé au-delà d’ <i>al’arsi</i> ’
<i>kāfir</i>	<i>kufīrīdo</i> (< <i>hufra</i> v.)	<i>kāfirī</i>	<i>kórdi</i> (?)	AR-FU ‘infidèle’ [C.8.78.] HA ‘non-musulman’ KA ‘païen, apostat’
<i>kafān</i>	<i>kasaanke</i>	<i>likkafānī/ lākafānī</i>	<i>laáwan</i>	‘linceul’ [D.1.07.]
<i>kullum</i>	<i>kullum</i>	<i>kullum</i>	<i>kúllum</i>	‘toujours’ [G.2.17a.*]
<i>kalima</i>	<i>kalima</i>	<i>kalmā</i>	<i>kalíma/ kālma</i>	‘mot’ [C.5.11.]
<i>kaid</i>	<i>kaida</i> v.		<i>káidu</i>	AR ‘ruse’ [C.3.26a.*] FU ‘projeter, tramer, faire du mal à’ KA ‘mauvaise intention’
<i>la^éana</i> v.	<i>lāna</i> v.		<i>lānna</i>	AR ‘maudire’ [C.8.80.] KA ‘insulte, injure’
<i>lauḥ</i>	<i>alluha</i>	<i>ālloo²</i>	<i>alló</i>	AR ‘planche ; ardoise’ [E.4.12.] FU-HA-KA ‘planchette à écrire’
<i>lūṭ</i>	<i>lūḍa</i> v.	<i>lūtsù/ lūḍū</i>	<i>lúlu</i>	AR ‘Lot (nom biblique)’ [B.1.06a.*] FU ‘pratiquer la sodomie’ HA-KA

¹ Voir [Bargery 1934: 654].

² Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi 1992: 10].

				‘sodomie’
<i>laun</i>	<i>lawni</i>	<i>launì</i> [˘]	<i>lánnu</i> <i>láunu</i>	AR-HA-KA ‘couleur’ [F.1.13.] FU ‘qualité, espèce (pour tissu seulement)’
<i>laimūn</i>	<i>lēmu</i>	<i>lēmō</i> (?)	<i>lemūn</i>	‘lime’ [A.4.00.]
<i>miṭāl</i>	<i>misālu</i>	<i>misālī</i> [˘]	<i>misāl</i>	‘exemple’ [C.4.18a.*]
<i>murjān</i>	<i>murjam</i>	<i>murjānī</i> [˘]	<i>murzān</i>	AR ‘coraux’ [A.3.09.] FU ‘ornement rouge pour le nez’ HA-KA ‘collier de corail’
<i>miskīn</i>	<i>miskinjo</i>	<i>miskīnī</i> [˘] / <i>miskīn</i>	<i>maskīn</i>	AR ‘pauvre’ [E.6.15.] FU-HA ‘indigent’ KA ‘personne handicapée’
<i>maṣr</i> ¹	<i>Misra</i>	<i>masārā</i>	<i>másar</i>	AR-FU ‘Egypte’ [A.4.14a.*] HA-KA ‘maïs’
<i>makka</i>	<i>Makka</i>	<i>Makkà</i>	<i>Mákka</i>	‘La Mecque’ [E.1.17a.*]
<i>malā’ika</i> ²	<i>malā’ikājo</i>	<i>mālā’ikā</i> [˘]	<i>malāiya</i>	‘ange’ [C.8.82.]
<i>minan</i>	<i>mani</i>	<i>māniyyi</i> [˘]	<i>manni</i>	AR-FU-HA ‘sperme’ [B.1.08.*] KA ‘orgasme’
<i>maut</i>	<i>mawtu</i>	<i>mutuwā</i> ³	<i>mówudu</i> ⁴	‘mort’ [D.1.00]
<i>mayyit</i> / <i>mait</i>	<i>mayiti</i>		<i>māitu</i>	AR ‘mort’ [D.1.00] FU ‘funérailles’ KA ‘le défunt ..., feu ...’
<i>māl</i>	<i>maalu</i>		<i>lāmān</i>	AR-FU ‘biens’

¹ Forme familière pour *miṣr*.

² C’est le pluriel de *mal’ak*.

³ En hausa le mot n’est pas un emprunt, mais un réflexe d’une racine commune à l’Afroasiatique.

⁴ En kanuri il y a aussi *māitu* ‘le défunt ..., feu ...’.

				[E.6.15a.*] KA ‘richesse’
<i>nabīy</i>	<i>annabōjo</i>	<i>ānnabī</i>	<i>ná-wi/ambīyayī</i>	‘prophète’ [C.8.84.]
<i>nušādir</i>	<i>sinādari</i>	<i>sinādārī</i>	<i>sonadər</i>	AR ‘ammoniaque’ [A.4.14a.*] FU-HA-KA ‘soudure’
<i>naṣr</i>	<i>nasarāku</i>	<i>nasarā/annasarā</i>	<i>kənasar¹</i>	‘victoire’ [E.3.13.*]
<i>naṣāra²</i>	<i>nasārājo</i>	<i>nāsāra, pl. de bānasārē</i>	<i>nasára</i>	AR-FU-HA ‘chrétien’ [C.8.85a.*] KA ‘Européen’
<i>naẓm</i>	<i>nasmu</i>		<i>názəmu</i>	AR-FU ‘poésie’ [C.5.14a.*] AR-KA ‘verse’
<i>na’am</i>	<i>nā’am !</i>	<i>nà’am !</i>	<i>ná’am !</i>	‘oui’ [G.2.21.]
<i>na’ma</i>	<i>nēma</i>	<i>ni’imā/ lī’imā</i>	<i>nyáma</i>	AR-HA-KA ‘prospérité’ [E.6.15a.*] FU ‘bénédictio
<i>naḥ</i>	<i>naḥa v.</i>	<i>āmḥānī/ ānḥānī</i>	<i>əmb,ə</i>	AR-HA ‘avantage’ [E.6.15b.*] FU ‘servir’ KA ‘utile’
<i>munāfiq</i>	<i>nāḥikījo</i>	<i>munāḥukī</i>	<i>munāḥək³</i>	‘hypocrite’ [C.4.19.]
<i>nāḥila</i>	<i>nāḥila</i>	<i>nāḥilā</i>	<i>naḥila</i>	AR ‘surrogation’ [C.8.85a.*] FU-HA-KA ‘prières surrogatoires’
<i>nūr</i>	<i>annōra/ nūra</i>	<i>ānnūrī</i>	<i>nūr</i>	AR-FU ‘lumière’ [A.1.06.] HA ‘dernières lueurs du

¹ Pour d’autres exemples du préfix *k-* dans une formation kanuri, voir [Greenberg 1960: 210-211].

² C’est le pluriel de *naṣrānī*.

³ En kanuri il est un adjectif, voir [Cyffer et Hutchison 1990: 126].

				soleil' KA 'rayon ou rai de lumière'
<i>nīya</i>	<i>nīya</i>	<i>niyyā</i>	<i>nyā</i>	'intention' [C.3.28.]
<i>nīl/ nīla</i>	<i>alin</i>		<i>alin</i>	AR-KA 'indigotier, indigo' [A.4.16a.*] FU 'teinture noire pour tissu'
<i>hijra</i>	<i>hijra</i>	<i>hijrā</i>	<i>hijra</i>	'hégire' [C.8.86a.*]
<i>hudhud</i>	<i>hudhudāru</i>	<i>ālhudāhudā/ hudā-hudā</i>	<i>hudhudu</i>	'huppe' [A.5.02.]
<i>himma</i>	<i>himma</i>	<i>himmā</i>	<i>himma</i>	AR-FU 'empressement' [C.3.30.] HA 'énergie, persévérance' KA 'bon comportement'
<i>wājib</i>	<i>wajiba</i> v.	<i>wājib/ wājibī</i>	<i>wājip</i>	AR-KA 'obligation' [C.3.32.] FU 'être le devoir de' HA 'qui incombe à'
<i>diya</i>	<i>diyya</i>	<i>diyyā</i>	<i>diya</i>	'prix du sang' [E.2.34.]
<i>wird</i>	<i>wirdi</i>	<i>wurūdī/ wuridī</i>	<i>wūrdā</i>	AR-HA-KA 'culte privé' [C.8.89.] FU 'secte ; usage ; doctrine'
<i>wazīr</i>	<i>wajīrī/ waz- īrī</i>	<i>wāzīrī</i>	<i>wazīrī</i>	AR-FU 'vizir' [E.1.21.] FU-KA 'titre traditionnel'
<i>ṣifa</i>	<i>sifa</i>	<i>siffā/ sifā/ sippā/ suppā</i>	<i>sifa</i>	AR 'qualité' [C.5.15.] FU 'apparence' HA 'ressemblance' KA

				‘image’
<i>wa^cz</i>	<i>wāju</i>	<i>wa’azī</i>	<i>wáazí</i>	AR-FU-HA ‘admonition’ [C.8.91.] KA ‘dernière volonté’ ¹
<i>waqt</i>	<i>waktu</i>	<i>wakācī/ lōkācī</i> ²	<i>wóktu/lóktu</i>	‘temps’ [F.4.23.]
<i>wakīl</i>	<i>wakīli</i>	<i>wākīlī</i> ³	<i>wákkil</i>	‘représentant’ [E.1.22.]
<i>walīy</i>	<i>waliyījo</i>	<i>wāliyī/ wālī</i> ⁴	<i>luwāli</i>	AR-FU-HA ‘saint’ [E.2.40.] KA ‘juge’
<i>yahūdī</i>	<i>yahūdinkē-jo</i>	<i>bāyahūdī</i> ⁵	<i>yáwúdí</i>	‘juif’ [C.8.94a.*]
<i>ājī</i> ³	<i>aji</i>	<i>ajī</i> ³	<i>áji</i>	‘classe’ [E.4.15.*]
<i>liktāy</i> ⁴	<i>likita</i>	<i>likitā/ likitā</i>	<i>liíta</i>	‘docteur’ [B.3.12.*]

¹ Pour le kanuri, on a sans doute un croisement avec la racine *wɣy*. (H. Tourneux, *c.p.*).

² Le mot est arrivé en hausa à travers le kanuri, voir [Baldi (1992: 12)].

³ Voir [Kaye 1986: 13].

⁴ Voir [Kaye 1986: 21].

Table I. Division sémantique des emprunts arabes en fulfulde et kanuri¹

A. NATURE (24)
I. The sky and the air (4)
II. The Earth and the air (3)
III. Minerals and precious stones (1)
IV. Organic products and cultivated plants (11)
V. Animals (5)
B. MAN AS A PHYSICAL BEING (28)
I a. The human body, its organs and their functions (7)
b. Sleeping and waking ()
c. Health and illness; medical service (5)
d. Movements and positions ()
IIa. Eating (3)
b. Clothing and personal goods (7)
c. Housing (6)
C. MAN AS A SPIRITUAL BEING (103)
I a. Thoughts, intellect, aptitudes and inner life (14)
b. Feelings (8)
c. The will; general activity, its possibilities and modalities (13)
d. Ethics and character (5)
IIa. Language (8)
b. The mass media ()
c. Literature, music, fine arts and social sciences (1)
d. The religion (54)
D. MAN AS A SOCIAL BEING (13)
a. Human life from birth to death (7)
b. The family and marriage (2)
c. Social relations, pastimes and festivities (4)

¹ La table est reprise de l'article [Baldi 1996: 405-406].

E. SOCIAL ORGANIZATION AND POLITICS **(63)**

- a. Social organization, state, government and politics **(14)**
- b. Justice **(16)**
- c. Defence, war and the army **(5)**
- d. Education **(9)**
- e. Work and employment; tools and material **(5)**
- f. Commerce, finance and property **(11)**
- g. Transport, post and telecommunications **(3)**

F. NATURAL LAWS **(21)**

- a. Forms, values, methods and relations **(1)**
- b. Quantity, order, weights and measures **(7)**
- c. Space **()**
- d. Time **(13)**

G. INTERJECTIONS AND PARTICLES **(13)**

- a. Interjections **(5)**
- b. Conjunctions, adverbs and prepositions **(8)**

В. А. Виноградов

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К НЕКОТОРЫМ ПОСЛОВИЦАМ КЕНЬЯНГ¹

Описываемый ниже материал языка кеньянг не представляет собой систематического корпуса; это, по существу, ряд фрагментарных записей, которые автору удалось сделать в течение двух с небольшим месяцев нерегулярных встреч (в общей сложности восемь часов) с носителем данного языка, оказавшимся в 2000 г. в Москве.

Язык кеньянг (ньянг) принадлежит к обширной бантоидной ветви самой многочисленной семьи в составе нигероконголезских языков – бенуэконголезской. Его более точная генеалогическая локализация, как и большинства языков этой ветви (помимо банту, с которыми есть свои проблемы), долгое время была предметом дискуссий и ревизий. В настоящее время более-менее принятой (но скорее всего не окончательной) является классификация, отраженная в издании [Bendor-Samuel (ed.) 1989], где бантоидные языки представлены в виде двух подветвей – северной и южной. Кеньянг принадлежит к южнобантоидным, группа мамфе, и насчитывает, по данным Дж. Уоттерса и Ж. Леруа, порядка 40 000 носителей [Watters, Leroy 1989: 434]; кеньянг – основной компонент этой группы, называемой также ньянг.

Далее рассмотрим две пословицы с соответствующим лингвистическим комментарием на основе пословного перевода и параллельных примеров.

¹ В основе настоящего текста лежит неопубликованное выступление автора на 31 Симпозиуме по африканским языкам и лингвистике, Лейден, 2001: “Linguistic notes on some Kenyang proverbs” (31th CALL, Leiden 27-29 August 2001).

- (1) Ké tòn àmó yè ntá mù écàk bécòs àmó ánwì àné á-ròbè á-tòn ntá yè.
 ‘Не показывай пальцем на другого человека, потому что четыре остальных пальца показывают на тебя’.
- 1a. ké tòn àmó yè ntá mmù écàk bécòs
 NEG показывать палец твой на человек другой потому что
 àmó ánwì àné á-ròbè á-tòn ntá yè
 пальцы четыре тот/который 3л.-оставаться 3л.-показывать на тебя

Лексико-грамматический комментарий

(α) Лексема ‘человек’ приведена в двух формах – *mù* и *mmù*, вторая из которых, как можно полагать, является основной (она просняется при медленном пословном произнесении предложения), а краткая форма характерна для нормального произношения с соблюдением интонационно-синтагматического членения. В грамматике Й. Иттмана приводится лишь краткая форма со средним тоном [Ittman 1935-1936: 20], в кратком очерке и лексиконе языка кеньянг Мбуагбо дается лишь полная форма с низким тоном [Tanui Euyong Mbuagbaw 1998: 79]; в произношении нашего информанта эта лексема иногда звучала как [mu].

(β) В тексте примера имеется иноязычное заимствование *bécòs* (< англ. because), возможно, непосредственно из пиджина.

(γ) Примечательно употребление слова *ámó* в значении ‘палец’, для которого существует сложное слово *sèpòn-áwó* (букв. ‘палец руки’, ср. *sèpòn-ékák* ‘палец ноги’), отмеченное Мбуагбо (с данными тонами!). Форма *ámó* является плюралисом к существительному ед.ч. *áwó* ‘рука’, но информант употребляет ее и как сингулярную, и как плюральную, о чем свидетельствует согласование: сочетание *ámó yè* (где ожидалось бы *áwó yè*) информант переводит как ‘your finger’ и использует форму сингулярного согласования посессива *yè* вместо плюрального *bè*, а в сочетании *ámó ánwì* ‘four fingers’ явно прочитывается семантическая и формальная множественность. Отметим, что обсуждаемое существительное информант произносил с противоположным тоноконтуром: *ámò*. Что касается компонента *sèpòn* в сложных словах, обозначающих палец руки или ноги, то, вопреки ожиданию, он не используется сам по себе в значении ‘палец’:

в самостоятельном употреблении sènɔŋ переводится как ‘Eisenstange’ [Ittmann 1935-1936: 29] или как ‘iron, ring’ [Tanyi Eyong Mbuagbaw 1998: 99], т.е. обозначает обычно продолговатый металлический предмет (штырь, стержень и т.п.).

(δ) В приведенном предложении имеется элемент ɔ́nɛ́, состоящий из согласователя бантоидного 4 или 6 класса ɔ́- (в кеньянг эти классы не различаются) и указательного местоимения nɛ́ ‘тот-этот’, которое может иметь высокий или низкий тон в зависимости от конкретной модели классного согласования. Весьма частая синтаксическая функция элемента ɔ́nɛ́ состоит в оформлении релятива, как и в данном примере, ср. также 1b:

- 1b. m̀m̀ù ɔ́nɛ́ ɔ́-cí m̀b̀ù fà ɔ́-cɔŋ twò mbwóɾé
 человек REL он-быть PAST-1 здесь он-FUT приходить завтра
 ‘Человек, который был здесь, придет завтра’.

Здесь мы видим также претеритный показатель аппроксиматива m̀b̀ù (PAST-1, т.е. «прошедшее близкое» – в пределах двух дней) и будущего определенного cɔŋ (облигаторное будущее). Глагол «приходить» в произношении информанта выглядел как [tsuð], однако в указанных работах такая форма не засвидетельствована – только tuð или twò; возможно, это локальная вариация.

- (2) ɔ́nɛ́ cí m̀ò sì
 ‘Этот есть сын (своего) отца’.
 ɔ́nɛ́ cí m̀ò tá yàb
 ‘Этот есть сын их отца’.

[«Яблоко от яблони недалеко падает», «Весь в отца»]

- 2a. ɔ́nɛ́ cí m̀ò sì / ɔ́nɛ́ cí m̀ò tá yàb
 этот быть ребенок отец этот быть ребенок отец их

Лексико-грамматический комментарий

(α) Первый вариант поговорки – это краткое изречение с внутренней рифмой, подчеркивающей тональную минимальную лексическую пару: cí ‘быть’ – sì ‘отец’. Существительное sì относится к

1 классу (мн.ч. по 2 кл.: bàsì), тогда как его синоним во втором варианте поговорки tá (полная форма étá) принадлежит 9 кл. и имеет девятивную числовую корреляцию 9 / 2: étá – bàtá с нетипичным плюральным префиксом bà.

(β) Глагол sí в кеньянг полифункционален, но в приведенных примерах он выступает в своем элементарном, первообразном значении «быть», ср. еще 2b:

2b. n-sí mbù àwù èsyé
я-быть PAST-1 там рынок
‘Я был на рынке’.

Обратим внимание на частичную грамматикализацию местоименного наречия «там», которое выступает в данном случае в роли предлога места. Что касается глагола sí, то уже в исходном примере, в отличие от 2b, бытийность в его семантике готова принять смысловой оттенок, который прояснится из 2с:

2с. – sí àyà?
быть кто
‘Это чье?’ (букв. «Это кого?»)
– sí à-yà.
быть 9кл.-мой
‘Это мое’.

Вопрос такого рода задается при остенсивном указании; в данном случае речь идет о предмете, чье название относится к 9 классу (согласователь à-). В структуре вопроса есть скрытая посессивность: «(вот это) есть кого?», эксплицируемая в ответе, где глагол sí фактически может означать «вот это (есть)», т.е. выступать в функции презентатива (хотя, конечно, и в несколько ущербном виде).

(γ) Возвращаясь к исходным вариантам поговорки, отметим необычность их синтаксического оформления: отсутствует грамматически ожидаемое согласование глагола «быть» (àpè à-sí) и посессивная частица в именной генитивной конструкции (mò á sí). Очевидно,

такая аграмматичность может объясняться тем особым формульным характером рассматриваемого фразеологизма, который присущ устной речи.

Литература

- Bendor-Samuel J. (ed.). 1989. The Niger-Congo languages. Lanham.
- Ittmann J. 1935-1936. Kenyang, die Sprache der Nyang // Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Jahrgang XXVI. S. 2-35, 97-133, 174-202, 272-300.
- Tanyi Eyong Mbuagbaw. 1998. Kenyang lexicon. Provisional edition. Yaoundé: Cameroon Association for Bible translation and literacy.
- Watters J. R., Leroy J. 1989. Southern Bantoid // Bendor-Samuel (ed.) 1989.

В. Ф. Выдрин

КАК ОБРАТИТЬСЯ К МАРАБУТУ? ГОНОРИФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКАХ МАНДЕН¹

В языке манинка существует специальный регистр для обращения к уважаемым людям. Для этого регистра характерна замена «обычных» слов, в основном названий частей тела и глаголов, обозначающих самые базовые действия, совершаемые человеком: смерть и рождение, изменение положения тела, перемещение, речь и восприятие... Используются они по отношению к пожилым людям, учителям, марабутам, а также к объектам, которые считаются священными. Так, правоверному мусульманину не пристало говорить *Ń báda Kùraná` sà̀n* 'Я купил Коран' – гораздо лучше сказать *Ń báda Kùraná` kùnmabó*.

В одноязычный словарь манинка Сулемана Канте, написанном письмом Нко [Kantè 1962/1992: 381-382], включён, насколько мне известно, единственный на настоящий момент список гонорифических слов. Он помещён на словарную статью *mábònyu* 'уважение' и включает в себя 72 таких слова и выражения, снабжённых «нейтральными» эквивалентами. Возможно, этот список и не является исчерпывающим (в частности, можно упомянуть не вошедшее в него слово *jàlamída* 'мочиться'), но здесь я ограничусь анализом списка Сулемана Канте. Вот этот список (справа приведены «нейтральные» эквиваленты).

Существительные:

sála – *kũ̀p* 'голова'

kóla – *ɲá* 'глаз'

kiné – *nún* 'нос'

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Типология литературной нормы», поддержанного грантом РГНФ 07-04-00286а.

kìnejí – *sàsá* ‘сопли’
kára – *dá* ‘рот’
sélu – *ně́n* ‘язык’
kébe – *jín* ‘зуб’
kímé – *kán* ‘шея’
wéle – *tólo* ‘ухо’
sàranún – *kúma* ‘речь’
débe – *kɔ́nɔ* ‘живот’
fúndi – *jùsú* ‘сердце’
kòdokó – *kɔ́* ‘спина’
kóninni – *dáwunni* ‘принятие пищи’
lávèlélí – *ménni* ‘слышание’
móyi – *dén sòdɔn* ‘рождение’
móyifèn – *dén* ‘ребёнок’
móyibaa – *ná ní fǎ́*, *wála sòdɔnbáa hámanɛ wólobaa* ‘родители’
kɔ́nɔ – *bólo* ‘рука’
tòndá – *sɛ́n* ‘нога’
tèelá – *báda* ‘пуп’
fánfan – *jèdɛ́* ‘сам’
débema – *kɔ́nɔma* ‘беременная’
dùlá – *hàlálá, tá* ‘собственность’
gbídi – *jùgbólo, jǔ* ‘зад’
fáto, fátoli – *sàyá* ‘умереть, смерть’
séne, sɛneli – *nǎ* ‘приходить, приход’
sénema – *táama* ‘путешествие’
sólɔmin – *ní* ‘душа’
fùré – *sǔ* ‘труп, мёртвое тело’
nàminɔ́nɔn – *mòsó* ‘жена’
sótii – *cɛ́* ‘муж’
lámori – *cɛ́* ‘муж’
jónni – *kòlí* ‘умывание’
bélenni – *láli* ‘укладывание’
fóyi, foyili – *bɔ́* ‘выходить’
tòlólí – *lòlí* ‘вставание’
màjíí, nòmólí – *síí* ‘усаживание’

lákimeyalí – fāanin tá ‘одевание’
tòlòyíla – lòyíla ‘позиция’
sálamakali – sànní ‘покупание’
sálamabó – kùnmabólí ‘покупание’
sómayeleman – sàyá ‘смерть’
sèeduyalí – fāalí ‘убивание’
í ní sùbéléen – í ní lálí, í ní sòòmá ‘доброе утро’
dálili – fólí ‘говорение’
bánki – yídakali, lánkènemaya ‘показывание’

Глаголы:

séne – nà ‘приходить’
sénema – táama ‘идти’
fóyi – bó ‘выходить’
tòlò – lò ‘вставать’
nòmò, mājji – sù ‘садиться’
dáli – fò ‘говорить’
bánki – fò, yída ‘говорить, провозглашать’
bélen – lá ‘ложиться’
kónin – dáwun ‘есть’
à kíme – à kán ‘на этом’
kíya – dí ‘давать’ (?)
jón – kò ‘мыть’
sàranún – kúma ‘говорить’
sálamakà – sà (в другом месте: *fère*) ‘покупать’ (или ‘продавать’)
kùnmabó – sà ‘покупать’
sálamadòn – fère ‘продавать’
kùnmádòn – fère ‘продавать’
fúndi – mone ‘сердиться’
lákimeya – fāanín` tà ‘одеваться’
lāwéle – lámén ‘слушать’
wélemalò – tólomalò ‘слушать’
lákàpòma – tà, kàndòn téé` lá ‘брать; пожимать руку’
móyi – dé` sòdòn ‘рождать’
sèeduyá – fāa ‘убивать’

Встаёт вопрос: каково происхождение этой лексики? Но прежде чем подойти к нему вплотную, есть смысл сначала рассортировать список Сулемана Канте.

Во-первых, оказывается, что глаголы представлены фактически дважды: сначала в форме отглагольных имён (с суффиксом *-li/-ni*), затем как собственно глаголы. Если устранить это дублирование, список существенно сокращается.

Отсортировав дублиеты, мы обнаруживаем, что значительная часть гонорифических терминов имеет вполне прозрачную этимологию. Некоторые из них образованы от других гонорифических терминов по обычным деривационным моделям, свойственным манинка. Чаще всего они следуют тем же моделям, что и их «нейтральные» синонимы: *kine-jí* «сопли» (ср. *nún-jí* «нос-вода»), *móyi-baa* «родитель» (ср. *sòdon-báa* «рождать-деятель»), *débe-ma* «беременная» (ср. *kóno-ma* «живот-орнаментальный суффикс»), *séne-ma* «идти» (ср. *táa-ma* «идти-глагольный суффикс»), *tòlo-yíla* «роль» (ср. *lò-yíla* «стоять-место»), *sálamabó* «покупать» (ср. *kùn-ma-bó* «голова-префикс-выходить»; впрочем, в другом месте словаря Канте указывается, что этот последний термин тоже относится к числу гонорифических, ср. [Kanté 1962/1992, 277]), *wélemalò* «слушать» (ср. *tóloomalò* «ухо-префикс-ставить»).

Некоторые гонорифические корни входят в состав дериват, которые не имеют прямых соответствий в нейтральном словаре: *lówéle* «слушать» («каузативный префикс-ухо»); **látólo* не существует; *lákòrɔma* «брать; пожимать руку» («каузативный префикс-рука-глагольный суффикс»; **lábóloma* не существует); *móyifèn* «ребёнок» («рождать-вещь»; **sòdonfèn* не существует); *sùbélen* «с добрым утром» («ночь-ложиться», с нерегулярной заменой высокого тона на низкий; **sùlá* не существует).

Три гонорифические лексемы образованы деривацией или сложением корней, не принадлежащих к гонорифическому списку: *májìi* «сидеть» («аттенуативный префикс-опускаться»), *kùnmabó* «покупать» («голова-префикс-выходить»), *kùnmadòn* «продавать» («голова-префикс-входить»).

На следующем этапе анализа рассмотрим ряд слов, этимология которых не вполне очевидна с точки зрения манинка Канкана, но достаточно понятна, если привлечь данные других языков манден: *sótii* ‘муж’ восходит, по-видимому, к слову языка бамана *sótigi* ‘глава семьи’ (в манинка *só* означает ‘деревня, город’, а не ‘дом’), *lákimeya* ‘одеваться’, возможно, образовано от глагола бамана *kíme* ‘оценивать’; *sómayeleman* ‘смерть’ (дословно: «изменение дома», «переезд») также происходит из бамана. Эти слова не отмечены в других словарях манде (в частности, в [Ellenberger et al., n.d.]). Я полагаю, они были введены Сулеманом Канте, что вполне соответствует его «пан-мандингской» линии на введение слов из различных идиомов манден в его «литературный язык Нко». Что же касается слова *fānfān* ‘сам’, оно восходит, по-видимому, к слову из западных идиомов манден (мандинка или джаханка) *fāŋ* ‘сам’. Следует сказать, что и нередуцированная форма *fān* ‘сам’ также существует в манинке, хотя она и значительно менее частотна, чем синонимичная ей лексема *yèré/jèré*.¹

Из западных манден, скорее всего, происходит и манинканский глагол *fóyi* ‘выходить’: в гамбийском мандинка имеется стилистически нейтральный глагол *fúti*, *fīni* ‘выходить’, в мандинка р-на Пакао (Сенегал) этот же глагол используется как эвфемизм: *fūnti* ‘сходить в туалет’ (о марабуте). Кроме того, в дьюла р-на Одьенне существует глагол *fūdi* ‘выходить внезапно’ (не отмеченный Кассианом Браконье как гонорифический). Соответствие между серединными согласными в этих формах не вполне регулярное, но можно предположить, хотя бы гипотетически, их общее происхождение.

Наконец, слово *bélen* ‘ложиться; умирать’,² которое, возможно, происходит от глагола *bélen* ‘причаливать’: семантический переход «причаливать» > «ложиться» или «умирать» представляется вполне правдоподобным, даже если с точки зрения современного языка эти слова и следует признать омонимами.

¹ Основа *fān* ‘сам’ отмечена и в языках группы моколе, в частности, в леле; это свидетельствует в пользу её древнего характера.

² Мои информанты дают также форму *béle*.

Выяснив таким образом происхождение части гонорифической лексики, мы остаёмся с тремя десятками слов, у которых очевидной этимологии на уровне ветви манден не имеется. Далее я буду называть эту группу слов «ядерной гонорифической лексикой».

Надо отметить, что гонорифическая лексика существует не только в гвинейском манинка. В Западном Судане мне известно о существовании такого регистра:

– в дьюла Одьенне (СЗ Кот-д’Ивуара), см. [Braconnier 1989];

– в манинка Сенегамбии. Гонорифические слова включены в самые авторитетные словари: [Creissels et al. 1982; W.E.C. 1995]. Во время поездки в Пакао в сентябре-октябре 2007 года¹ я тоже собрал список гонорифической лексики, который отличается от того, что включено в упомянутые словари, лишь в некоторых деталях. По словам моих информантов, эти слова используются в отношении марабутов;

– в пулар Фута-Джаллона. Моим главным источником были словари [Bettison 2004] и [Zoubko 1996].

Не исключено, что этот регистр представлен и в других языках региона, но данные об этом у меня отсутствуют. Интересно всё же отметить тот факт, что некоторые такие термины отмечены в бамана (*débe* ‘живот; лоно’, *fāatu* ~ *fātu* ‘умирать’, *fūrē* ‘покойник’, *bānge* ‘рождать, рождаться’), но они значительно уступают манинка по количеству и, как мне кажется, не образуют особый регистр речи. Если вспомнить, что массовая исламизация бамана прошла относительно недавно, и что гонорифическая лексика в манинка и в мандинка используется преимущественно в отношении марабутов, эта ситуация становится понятной.

В словаре дьюла Одьенне обнаруживается примерно две трети слов, соответствующих «ядерному гонорифическому словарю». В мандинка этот лексикон оказывается значительно беднее, в то же время почти все термины мандинка (за единственным исключением: *kèdēē* ‘спать’) также имеют соответствия в манинка. Даже в пулар

¹ Я благодарю Корнелию Гисинг за оказанную в ходе этой поездки большую помощь.

Фута-Джаллона выявляется несколько слов с теми же корнями, что и в манинка. Сравнительные данные изложены в приведённой ниже Таблице.

Значение	Манинка	Дьюла Одьенне	Мандинка	Мандинка (Пакао)	Пулар (FJ)
показывать; объяснять; говорить	<i>bánki</i>	<i>bànkè</i> 'рождать', 'объявлять' (нейтр.)	<i>bánkee</i> 'говорить, объявлять'	<i>báncée</i> 'говорить'	
говорить	<i>dáli</i>	<i>dàrì</i> (о Боге)	<i>dáali</i> DC 'пророче- ствовать'		
живот	<i>débe</i>	<i>dèbè</i>			
собственность	<i>dùlá</i>				
понимать	<i>fàamún</i> (?)	<i>fámu</i> (нейтр.)		<i>fáhamu</i>	
умирать	<i>fáto</i>	<i>fâtò</i>			
сердце; сердиться	<i>fúndi</i>		<i>fúndu</i> 'дух, душа', 'сердце'	<i>fúndu</i> 'дух, душа'	<i>fondo</i>
тело	<i>fùré</i>		<i>fùree</i> (нейтр.?)		<i>furee</i>
зад, ягодицы	<i>gbídi</i>	<i>gbìrì</i> (нейтр.?)		<i>(siirán)</i>	<i>(toolordè)</i>
омывать (особ. покойника)	<i>jón</i>	<i>jòn</i>			
рот	<i>kára</i>	<i>kàra</i>			<i>karaho</i>
зуб	<i>kébe</i>				
спать			<i>kèeñee</i>	<i>kèeñee</i>	<i>(huylagol)</i>
шея	<i>kíme</i>				
нос	<i>kìné</i>				<i>kine</i> (нейтр.)
давать (?)	<i>kíya</i>				
спина	<i>kòdokó</i>				
глаз	<i>kóla</i>		<i>kúluma</i>	<i>kúlumu,</i> <i>kúluma</i>	

Значение	Манин а	Дьюла Одьенне	Мандинка	Мандинка (Пакао)	Пулар (FJ)
есть	<i>kónin</i>	<i>kɔ̀nìn</i>	<i>kóni</i> DC	<i>kóni</i>	<i>(neemagol)</i>
рука	<i>kɔ̀pɔ́</i>	<i>kɔ̀pɔ́</i>	<i>kòɲjo</i> DC, <i>konji</i> MD	<i>kòɲji</i>	<i>(sookeewo)</i>
муж	<i>lámogí</i>				
рождать	<i>móyi</i>	<i>mòrì, mòì</i>	<i>múki</i> ‘вы- сизи-вать (яйца)’ (нейтр.)	<i>múci</i>	<i>(dapugol, jibingol)</i>
жена	<i>nàtɪɲɔ́o n</i>				
садиться	<i>nɔ́mɔ́</i>	<i>nɔ́mɔ́</i>	<i>nòto</i>	<i>nòto</i>	<i>(toolagol),</i> ср. <i>пото- ган</i> ‘штаны’ (уваж.)
голова	<i>sála</i>	<i>sàra</i>	–; <i>salalaa</i> MD ‘шляпа’	<i>sàla;</i> <i>salaala</i> ‘шляпа’	<i>sala</i>
речь; говорить	<i>sàranún</i>	<i>sárándú,</i> <i>sárándù</i>			
убивать	<i>sèeduyá</i>	<i>séidíyá</i>			
язык	<i>sélu</i>	<i>sélù</i>			
приходить	<i>séne</i>	<i>sènè,</i> <i>sènèmà</i>	<i>séne</i> ‘путешеств овать’	<i>séne</i> ‘идти; приходить’	<i>seenagol</i>
душа	<i>sólomin</i>	<i>sòrɔ́mè,</i> <i>sòrɔ́mè</i>	<i>sòndome</i> (нейтр.)		
пуп	<i>tèelá</i>				
нога	<i>tòndá</i>	<i>tóná</i>	<i>tùndu</i> DC, <i>tundi</i> MD	<i>tùndu</i>	<i>tunndawal</i>
стоять, вставать	<i>tàlɔ́</i>				<i>(baɲagol)</i>
ухо	<i>wéle</i>	<i>wèrè</i>			

Пояснения к Таблице

Термины расположены в алфавитном порядке форм манинка. Их семантика обозначена в столбце «значение» (по умолчанию, речь идёт о значении лексем манинка). Если значение слова в дьюла или в мандинка отличается от того, что указано в столбце «Значение», оно приведено в соответствующей клеточке.

Если гонорифическое слово манинка соответствует слову дьюла, мандинка или пулар, которое не помечено в словарях как «уважительное», то последнее даётся с пометой «нейтр.».

Если в мандинка, дьюла или пулар имеется гонорифический термин для того же понятия, что и в манинка, но он представлен другой основой, это слово дано в скобках.

В столбце «мандинка» те слова, которые обнаружены только в словаре [Creissels et al. 1982], помечены DC; те, которые обнаружены в словаре [W.E.C. 1995], помечены индексом MD. Если слова даются без помет, значит, они представлены в обоих словарях.

Глаголы пулар даны в инфинитиве (на *-gol*).

Комментарии

1. Тоновые различия между манинка и дьюла носят системный характер: дьюла Одьенне – один из идиомов манден с «инвертированными тонами».

2. Соответствие *k* (мандинка Гамбии) : *c* (мандинка Пакао) регулярно. Точнее, в Пакао наблюдается факультативная палатализация *k* в позиции перед передним гласным.

Наличие аналогичных форм в других языках манден само по себе не решает вопроса о происхождении «ядерного гонорифического словаря». Поскольку их внутренняя форма остаётся неясной с точки зрения этих языков и поскольку гонорифический регистр в языках манден несомненно связан с исламом, имеет смысл поискать соответствующие корни в языках других народов, которые играли активную роль в распространении этой религии в Западном Судане.

Первым из таких языков оказывается, разумеется, арабский. И действительно, некоторые гонорифические термины манден, видимому, восходят к языку Корана:

dáli ‘говорить’ (о Боге) – араб. دَلَّ *dalla* ‘показывать’,
fāamún ‘понимать’ в манинка, *fāhamu* в мандинка Пакао (не отмечено ни в DC, ни в MD) – араб. فَهِمَ *fahima*. Я не вполне уверен, что это слово относится к гонорифическому регистру в обоих языках, хотя оно, несомненно, входит в исламский лексикон: в [Kanté 1962/1992] *fāamún* интерпретируется как *kà kó lón sònɔmɛ́ dɔ́* ‘знать что-л. сердцем’, а в мандинка Пакао оно противопоставляется «повседневному» слову *kálamùta* ‘понимать’;

fáto ‘умирать, преставиться’ – араб. فَاتَ *fa:ta* ‘проходить, миновать, исчезать’;

sèeduyá (манинка), *séídíyá* (дьюла Одьенне) ‘убивать’ – очевидно, отыменной глагол, от араб. شَهِدَ *shahi:d* ‘мученик’.

Вторым кандидатом можно считать язык древнего Уагаду, сонинке.¹ Хотя военные правители Древней Ганы, если верить записям арабских путешественников, и были язычниками, исламизация сонинке несомненно датируется очень ранним периодом, и купцы сонинке принесли эту религию во многие уголки Западного Судана. В частности, главные «марабутские семьи» города Канкан возводят своё происхождение к сонинке.

Во-первых, мы обнаруживаем в сонинке те же самые основы арабского происхождения: *daali* ‘говорить’ (о Боге), *faamu* ‘понимать’, *faati* ‘умирать’ (уважительно; конечный *-i*, возможно, является суффиксом интранзитива, что типично для сонинке). Очень вероятно что соответствующие формы в манден были заимствованы из арабского через сонинке.

Кроме того, некоторые гонорифические термины манден могут восходить к исконным сонинкским словам: манинка *bánki* ‘показывать; объяснять; говорить; рождаться’ – сонинке *bange* ‘появляться; рождаться; быть опубликованным’. Эта основа также отмечена во многих других языках региона: бамана *bánga*, *bángi*, хасонка *bánga*,

¹ Данные взяты из [Smeltzer and Smeltzer 2001].

бозо-тиеяхо *bange*, пулар Фута-Джаллона *banginol* ‘проявлять; доказывать’ [Bettison 2004, 15], *bannga* ‘появляться’ (о пятне), ‘выражаться’, ‘быть, находиться’ [Zoubko 1996, 52]; сонгай-гао *bangay* ‘появляться, являться на свет’ [Haïdara et al. 1992], сонгай-томбукту (койра чини) *bangey* ‘появляться, становиться видимым’ [Heath 1998, 39]. По-видимому, аргументом в пользу именно сонинкского происхождения этого слова служит существование в этом языке также и каузативной формы *bangandi* ‘создавать’, которая свидетельствует в пользу того, что конечный гласный основы скорее *-a*, чем передний гласный. Соответственно, конечный гласный *-e* в сонинке может рассматриваться как суффикс понижающей деривации (интранзитиватор). Именно эта интранзитивная форма и была заимствована в большинство языков региона;

dùlá ‘собственность’ – сонинке *duuda* ‘личная собственность’;

fùré ‘мёртвое тело’ – сонинке *furu* ‘труп’; форма с артиклем (именной морфемой?) – *fure*. Конечный *-e* очень типичен для существительных, заимствованных из сонинке в языки манден, поскольку большинство имён в сонинке в единственном числе обычно употребляются с именной морфемой *-e*. Гонорифический термин *fure* ‘мёртвое тело’ также отмечен в сусу, где он был, возможно, заимствован из манинка, хотя возможно и прямое древнее заимствование из сонинке (не исключено и возведение этого слова непосредственно к праязыковому уровню);

kòdókɔ́ ‘спина’ в манинка может быть сочетанием сонинкской основы *xoodo* ‘нижняя часть спины, поясница’ с мандингским корнем *kɔ́* ‘спина’;

sólɔ́min ‘душа’ (в манинка также отмечены формы *sóndɔ́me*, *sólɔ́me*, *sólɔ́mì*) – сонинке *sondomme* ‘сердце’ (без именной морфемы: *sondoN*). Помимо языков, формы которых приведены в таблице, эта основа отмечена также в бамана (*sɔ́nnɛ́mɛ* ‘намерение, воля, добрая воля’), в хасонка (*sòndomme* ‘сердце какместилище эмоций, желаний’), в могофин (*sòndɔ́* ‘печень’), в сусу (*sondon* ‘сердце’), в джаллонке (*sòndón* ‘сердце’ [Creissels 1988]), в бозо-тиеяхо (*sɔ́nɔ́n* ‘душа’). Форма этого слова (конечный *-e*, а также предшествующий ему *-m-*) свидетельствует в пользу сонинке как источника заимствований в

манинка, мандинка, хасонка, дьюла и бамана (в то же время, нельзя исключить, что в сусу, джалонке и могофин оно может восходить напрямую к основе пра-манде).

Таким образом, вклад сонинке в гонорифический словарь манинка (и других языков манден) оказывается довольно велик, но всё же он не достигает 30% списка (даже если включить в это число арабские заимствования, которые, возможно, попали в манден через сонинке).

Сонгаи – язык ещё одного мощного средневекового мусульманского политического образования Западного Судана, в связи с чем можно было бы предположить, что, по крайней мере, какая-то часть гонорифического словаря может иметь свои корни в этом языке. Однако это предположение не получает подтверждения: в имеющихся у меня словарях [Haïdara et al. 1992; Heath 1998] я не нашёл слов, которые могли бы считаться прототипами гонорифических терминов в манинка. Впрочем, это вполне соответствует тому факту, что вектор культурного влияния был направлен скорее от сонинке и манден к сонгаям, а не наоборот.

Огромная роль в возвышении ислама в Западном Судане принадлежит фульбе, которые создали теократические государства в XVIII и XIX веках, провели многочисленные джихады и создали густую сеть мусульманских учебных заведений. Но, вопреки ожиданиям, оказывается, что лишь одно гонорифическое слово манинка (не отмеченное в дьюла Одьенне и в мандинка), *kiné* ‘нос’, происходит из пулар: основа *kine* (стилистически нейтральное слово) обнаруживается во многих локальных диалектах пулар-фульфульде вплоть до Северного Камеруна; таким образом, считать его заимствованием из манинка в пулар нет оснований. В то же время, как это видно из приведённой выше таблицы, многие другие термины были, скорее всего, заимствованы из пулар в манден, что подтверждается их отсутствием в диалектах пулар/фульфульде за пределами Фута-Джаллона: *fondo* ‘сердце; намерение; решение’, *furee* ‘мёртвое тело’, *karaho* ‘рот’, *nomoran* ‘штаны’ (от манинканского гонорифического термина *nɔmɔ* + мандингский инструментальный суффикс *-lan/-ran*), *sala* ‘голова’, *salaala* ‘шляпа’, *seenagol* ‘путешествовать’, *tunndawal* ‘нога’.

Значительное количество мандингских по происхождению слов в гонорифическом словаре пулар может свидетельствовать о том, что начальный толчок формированию этого стилистического регистра в этом языке дали именно контакты с народами манден. Однако в дальнейшем эволюция этого слоя лексики здесь шла независимо, о чём говорит наличие многочисленных терминов для тех же понятий, что в манинка и мандинка, выраженных в пулар совершенно иными основами, а также наличие терминов для понятий, которые в гонорифическом словаре манден вообще не выражены: *wajimbingol* ‘жалеть’, *jiyaado* ‘раб’, *tinugol* ‘видеть, смотреть’, *yaccagol* ‘спешить’, *sonnaajo* ‘женщина’, *yummaajo* ‘мать’, *tindugol* ‘встречать’.

Наконец, периферийным источником гонорифической лексики в языках манде является сусу. По-видимому, глагол *xoli* ‘есть’, отмеченный в словаре [Friedländer, n.d.] как “terme poli”, послужил источником для гонорифического *kónin* ‘есть’, отмеченного в манинка, мандинка и дьюла (в принципе, направление заимствования могло быть и обратным, но в пользу приоритета сусу говорит начальный *x-* в этом языке – в ином случае в сусу следовало бы ожидать скорее формы **koli*). Гонорифические термины манинка *nàminpón* ‘жена’ и *lámori* ‘муж’ восходят к таковым же в сусу *nàminpón* и *móri* (возможно, *lámori* включает в себя посессивный маркер *lá*, в таком случае речь идёт о полу-кальке с сусу: в этом языке, в отличие от манинка, слово, означающее «муж», требует посессивного маркера *xá/má: ñ má móri* ‘мой муж’). Насколько я могу судить, уважительные термины для мужа и жены неизвестны большинству манинка; я полагаю, их заимствование из сусу могло быть инициативой Сулемана Канте или его учеников.

Попробуем подвести некий промежуточный итог.

Гонорифический лексикон в языках манден, в своей ядерной части, является, по всей видимости, достаточно древним. Скорее всего, он восходит к эпохе Древнего Мали; в противном случае было бы трудно объяснить высокий уровень совпадений между манинка и мандинка. Его возникновение было, скорее всего, связано с исламизацией; отсутствие же такой детальной гонорифической лексики в

бамана объясняется долгим сопротивлением этого народа исламу. Вполне естественно, обнаруживается осязаемое влияние на этот слой лексики со стороны языка сонинке и из арабского (также в значительной мере через сонинке). Наблюдается и некоторое влияние со стороны языков соседних мусульманских народов, фульбе и сусу, хотя их вклад оказывается менее весомым. По-видимому, на более позднем уровне, гонорифический словарь в манинка существенно увеличился благодаря деривации, т.е. за счёт внутренних языковых ресурсов, при этом источниками служили как уже имеющиеся гонорифические, так и стилистически нейтральные лексемы.

И в то же время, происхождение весьма существенной части гонорифического словаря в языках манден остаётся необъяснённым – здесь пока можно выдвигать только умозрительные гипотезы.

Литература

- Bettison J. & K. 2004. Dictionnaire Pular–Français, avec index Français-Pular. Labé.
 Braconnier C. 1989. Dioula d'Odienné (Parler de Samatiguila), Dictionnaire et études de linguistique descriptive. Thèse pour le Doctorat d'État. Univ. de Grenoble.
 Conrad D. C. 2001. Reconstruction oral tradition: Souleymane Kante's approach to writing Mande history. *Mande Studies* 3, pp. 147-200.
 Creissels D., Jatta S., Jobarteh K. 1982. Lexique Mandinka-Français. Mandenkan. Vol. 3.
 Creissels D. 1988. Liste lexicale provisoire du dialonké de Faleya mise à jour en oct.-nov. 1988. Ms.
 Ellenberger Paul et al. N. d. Maninka-English Dictionary. Kankan: The Christian Missionary Alliance.
 Friedländer M. N. d. Lexique Susu-Français. Rep. de Guinée : Service Alphabétisation et Education des Adultes.
 Haïdara Y., Maïga Y., Maïga, M., Hutchison J. 1992. Lexique Sonjay-Français. Bamako.
 Heath J. 1998. Dictionnaire Soghay–Anglais–Français. Tome I : Koyra Chiini. Paris.
 Kánte, S. 1962 / 1992. *Ŋkó kódo-yidalan` wála f̂asarilán` háman kódofofan Mándén f̂odobakan yíriwanen d́, àní F̂adafinna Télebe jàwo kán` n'á kán sádámaba d́* [Le dictionnaire Nko en langue manding commune développée, la langue de commerce de l'Afrique de l'Ouest et sa langue charmante]. Kánkan, 1962 / Ed. Bàba Jàane, Misiran, 1992.

Smeltzer B., Smeltzer S. 2001. Lexiques Soninké-Français-Anglais. Soninke-French-English Dictionary. Index Français-Soninké, English-Soninke. Bamako.
(W.E.C.) 1995. Mandinka-English Dictionary. Revised Edition. Banjul: W.E.C. International.
Zoubko G. 1996. Dictionnaire peul-français. Osaka.

А. В. Выдрина

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ТОНАЛЬНОГО КОНТУРА В ЯЗЫКЕ КАКАБЕ

Язык какабе входит в языковую семью манде, в подгруппу моколе; он распространен в Гвинее, на нагорье Фута-Джаллон. На данный момент какабе является неописанным языком. Материал, представленный в данной работе, был собран в ходе экспедиции в Гвинею в январе-феврале 2008 года¹.

1. Введение

1.1. Тоны в языке какабе

Как и почти все языки манде, какабе является тональным языком. В тональной системе какабе противопоставлены два уровневых тона – высокий и низкий (В и Н). Внутри слова эти тоны могут сочетаться только двумя способами: ВВ и НВ. Иными словами, в какабе имеются два тональных класса, по которым лексемы распределяются в зависимости от того, какой лексический тон им приписывается на глубинном уровне – высокий или восходящий.

1.2. Правила распространения лексического тона в слове

Независимо от количества слогов каждой лексеме приписывается либо высокий, либо восходящий тональный контур, например:

¹ Данное исследование является частью проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов» 08-04-00144а.

Высокий тон	Восходящий тон
dón 'входить'	dǒn 'танцевать'
báa ¹ 'река'	bàa 'коза'
dógo 'младший сиблинг'	dòlò 'сила'
bóloka 'прекращать'	jànpáta 'улитка'
dénɲogo 'приятель'	bùntáli 'скорпион'
mésende 'иголка'	tègerá 'топор'
súnkutun 'девушка'	sàmatá 'обувь'
sádaka 'жертвоприношение'	mùlukú 'ящерица'

Каждому слогу высокотонного слова приписывается один и тот же высокий тон. В случае же с восходящим тоном ситуация более сложная. Из примеров видно, что у одних трехсложных слов низкий тон сменяется высоким на втором слоге: *jànpáta* 'улитка'; *bùntáli* 'скорпион', а у других – на третьем слоге: *sàmatá* 'обувь'; *tègerá* 'топор'; *mùlukú* 'ящерица'.

Распределение тонов в многосложных словах позволяет интерпретировать единицу, которая получила название «стопа». Для языков манде этот термин ввел В. Ф. Выдрин [Vydrine Ms.] Стопа – это единица плана выражения, которая содержит один или несколько слогов и обладает повышенной степенью интегрированности. Её фонетическое единство может проявляться различными способами: это может быть гармония гласных, ограничения на инвентарь согласных внутри стопы, в южных манде происходит распространение назализации на всю стопу. То, какими свойствами она обладает, зависит от конкретного языка: «Стопа имеет особый набор признаков в каждом из языков манде» [Vydrine Ms.: 6].

Рассмотрим, что представляет собой стопа в языке бамана.

1) Внутри стопы возможен ограниченный набор сочетаний гласных.

2) Инвентарь и дистрибуция согласных в начале стопы и внутри стопы не совпадают. Это проявляется в том, что если стопа имеет

¹ В последовательности одинаковых тонов обозначается только первый тон. Следовательно, *dógo* = *dógó*, *tègerá* = *tègèrá* и т.д.

3) В словах с лексическим восходящим тоном, состоящим из трёх и более слогов, граница между низким и высоким тонами всегда совпадает с границей стопы [Vydrine Ms.: 7].

2. Правила реализации лексических тональных контуров

104

Тем не менее, в целом, тональные противопоставления сохраняются. В этом разделе будут рассмотрены некоторые факторы, которые влияют на реализацию лексического тонального контура слова в какабе. Как известно, чем меньше единиц противопоставляется в системе, тем больше простор для их вариативности. В свете этого утверждения закономерно, что в какабе (и в языках с аналогичными тональными системами), где противопоставлено только два тона, и, кроме того, существуют ограничения на сочетаемость этих тонов, двум тональным контурам глубинного уровня соответствует целый ряд различных реализаций на поверхностном уровне.

2.1. Правый контекст

Тональный контур может реализоваться по-разному в зависимости от того, следует за данным словом слог с низким тоном, слог с высоким тоном, или же оно произносится перед паузой. Влияние правого контекста в первую очередь сказывается на восходящем лексическом тоне.

Лексический тон НВ реализуется как восходящий только в контексте, когда за ним следует низкий тон:

$НВ + Н \rightarrow НВН$

À jàajá fíla ‘его две старшие сестры’.

Но в контексте перед паузой или перед высоким тоном повышения не происходит, и на слове с лексическим восходящим тоном реализуется низкий ровный тон:

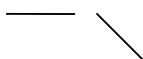
$НВ + В \rightarrow ННВ$

À jàaja kélen ‘его одна старшая сестра’.

$НВ \# \rightarrow НН \#$

Изолированное произнесение: à jàaja # ‘его старшая сестра’.

Влияние правого контекста на реализацию лексического высокого тона проявляется в том, что перед паузой высокий тон в последнем слоге становится падающим, например: *báppâ* # ‘дядя’; *bénbâ* # ‘дед’. Тональный контур на этих словах в данном контексте схематично можно изобразить следующим образом:

Перед следующим низким и высоким тонами лексический высокий тон реализуется одинаково: *báppa kélen* ‘один дядя’; *báppa fila* ‘два дяди’.

2.2. Артикль

На реализацию тонального контура у существительного может влиять еще один фактор – наличие или отсутствие артикля.

В изолированном произнесении существительное всегда выступает в форме с артиклем, а в позиции перед числительным – без него. В какабе выделяется незначительная по количеству группа слов, которые никогда не присоединяют артикля. Это некоторые термины родства, например *bàabá* ‘отец’; *káawu* ‘дядя’ (полный список см. ниже). Во многих языках манде существуют термины родства, которые не могут присоединять артикль [Выдрин 2006: 137-139].

Референтный артикль в какабе является морфемой, которая присоединяется к концу основы существительного. Образование форм существительных с артиклем требует особого описания, оно представляет собой морфонологический процесс, в котором имеют значения разные признаки плана выражения существительного. Реализация референтного артикля может проявляться в трех аспектах: изменение тембровых характеристик конечного гласного существительного; изменение долготы конечного гласного; изменение тонального контура существительного.

1) Конечный гласный основы и гласный артикля влияют друг на друга своими тембровыми характеристиками.

Все гласные, за исключением гласного /a/, ассимилируются гласным артикля. При этом, если конечный гласный основы – закрытый или средне-закрытый - *i, e, o, u*, - то в результате слияния с артиклем появляется среднезакрытый -*e*, например:

sángí – sángê ‘дождь’;
kúlé – kúlê ‘голос’;
tóló – tólê ‘уши’;
wúlú – wúleê ‘собака’

Если же слово оканчивается на гласные *ε* или *ɔ*, то появляется среднеоткрытый гласный /ε/, например: *kòkò* – *kòké̂* ‘соль’; *kòrò* – *kòré̂* ‘рис’; *fònde* – *fòndé̂* ‘просо’.

Огубленные гласные *o, ɔ, u* в определённых случаях сохраняют губной элемент, в результате чего получается дифтонг *ue*. Во-первых, это происходит, когда исходное слово является односложным, например: *súu* – *súê* ‘ночь’; *kɔɔ* – *kúè* ‘спина’. Во-вторых, дифтонг образуется в том случае, когда в исходной форме гласный в предпоследнем слоге, в отличие от гласного последнего слога, не является огубленным: *cèkú* – *cèkúè* ‘черепаха’; *rrádo* – *rrádúè* ‘муравей’. Соответственно, если гласный предпоследнего слога не тождествен конечному гласному, но является огубленным, то в последнем слоге не возникает сочетание гласных: *fúturo* – *fúturê* ‘сумерки’.

Гласный *a*, вероятно, как самый открытый, не ассимилируется, а, напротив, уподобляет себе гласный артикля: *búpá* – *búpâ* ‘печень’; *mànsá* – *mànsâ* ‘вождь’. Если же основа заканчивается на носовой, то гласный артикля палатализует его, например: *sòorín* – *sòorínê* ‘ноготь’.

2) Следующий аспект реализации референтного артикля проявляется в том, как изменяется долгота конечного слога существительного при присоединении артикля. У одних существительных с ар-

тиклем конечный краткий гласный становится долгим, а в других словах долгота не появляется. Например, *jìgá – jìgáà* ‘гриф’, но *jínnà – jínna* ‘дух’.

Анализ материала показал, что в двусложных словах это отношение коррелирует с тональным классом слова:

класс НВ – удлинение происходит: *dònsó – dònséé* ‘охотник’
kùrú – kùréé ‘булыжник’;

класс ВВ – удлинения не происходит: *tólo – tólé* ‘ухо’, *búpa – búpâ* ‘печень’.

Но в словах, содержащих более двух слогов, картина оказывается более сложной. Точнее, для высокотоновых слов действует то же правило – в них никогда не происходит удлинения конечного гласного при присоединении артикля. Но в словах с восходящим контуром, где ожидалось бы появление долгого гласного в форме с артиклем, это происходит лишь у части слов, например: *kùrundá – kùrundáâ* ‘кольцо’; *tònkɔ – tònkéé* ‘земляной червь’; *kàlamá – kàlamáâ* ‘черпак’.

У других же слов долгота не появляется: *cèémɔgɔ – cèémɔgè* ‘старик’; *gàngúra – gàngúrá* ‘термит’; *sònsóli – sònsólé* ‘комар’.

Сравнение этих примеров позволяет сделать следующий вывод: конечный гласный становится долгим, когда на нём начинается повышение тона. Если же оно начинается на предшествующем гласном, долгота не появляется.

Если же использовать понятие стопы, то это правило можно сформулировать следующим образом: гласный не становится долгим, если конечная стопа в слове имеет вид CVCV.

3) У существительных в форме с артиклем тональный контур не зависит от правого контекста – он один и тот же перед паузой, перед следующим низким и перед следующим высоким тоном.

У высокотоновых слов с артиклем во всех контекстах тон на последнем слоге становится падающим – получается такой же тональный контур, как у высокотоновых слов без артикля перед паузой (такой же тональный контур реализуется и у односложных слов, соответственно, на одном слоге):

n dógè nàa-ta
 1SG младший.сиблинг.ART прийти -PC.PRF
 ‘Моя младшая сестра пришла’
 n dógè sági-ta
 1SG младший.сиблинг.ART вернуться -PC.PRF
 ‘Моя младшая сестра вернулась’

Перед паузой: *n dógè #* ‘моя младшая сестра’.

А у слов с лексическим восходящим тоном в форме с артиклем появляется особый тональный контур, который можно представить в виде последовательности тонов «низкий-высокий-падающий», которая распространяется на столько слогов, сколько есть в соответствующем слове:

bàâ ‘козел’; *sòô* ‘лошадь’;
mùréê ‘нож’; *mànsáâ* ‘царь, вождь’;
sònsólê ‘комар’; *kàlàamáâ* ‘черпак’.

Теперь сопоставим тональные контуры существительных с артиклем и без артикля в разных контекстах:

	Форма с артиклем	Форма без артикля
Перед последующим низким тоном	<u>Mùséê</u> nàata ‘женщина пришла’	À <u>bàabà</u> nàata ‘его отец пришел’
Перед последующим высоким тоном	<u>Mùséê</u> ságita ‘женщина вернулась’	À <u>bàabà</u> ságita ‘его отец вернулся’
Перед паузой	Mùséê # ‘женщина’	À bàabà # ‘его отец’

У существительных с артиклем везде реализуется восходящий тональный контур, который оканчивается падающим тоном (П). А у существительных без артикля восходящий контур сохраняется только перед последующим низким тоном – в двух других случаях тон на нем становится ровным низким. Какой же тон имеет артикль?

Поверхностную реализацию НВН существительных класса НВ с артиклем можно объяснить, если предположить, что артикль имеет низкий тон. Присоединяясь к слову класса НВ, он позволяет ему сохранить высокий тон на последнем слоге, который иначе стал бы низким в позиции перед паузой или перед следующим низким тоном:

НВ + Н (артикль) + Н/пауза → НВП пауза.

2.3. Высокотоновые местоимения

Для реализации тона также может быть важен левый контекст. В случае, когда притяжательное местоимение несёт высокий тон (а это все местоимения за исключением 3 лица единственного числа *à*) и непосредственно предшествует существительному, высокий тон местоимения распространяется на первый слог существительного.

Притяжательное местоимение может непосредственно предшествовать только так называемым «относительным существительным». В этот класс входит большинство терминов родства, а также лексика, связанная с телом человека: части тела, вещества, производимые телом или органами (желчь, кровь) и некоторые другие, например: *à nèné* ‘его мать’; *à tólé* ‘его ухо’, *à jèléé* ‘его кровь’ и т.д. «Неотносительные», или автосемантические существительные сочетаются с посессором при помощи посессивного показателя. В кабабе этот показатель имеет форму *là*, например: *à là mùséé* ‘его жена’; *à là kàyéé* ‘её муж’, *à là dénkáyé* ‘его сын’.

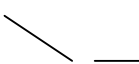
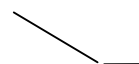
В кабабе имеются следующие личные местоимения:

1	ń	má – эксклюзив, òmá – инклюзив
2	í	wó
3	à	án

Для исследования тонального контура относительных существительных в контексте с посессивным местоимением было записано 30 лексем с восходящим тоном. Почти все лексемы были записаны с каждым местоимением парадигмы в двух контекстах:

- перед числительным *fila* ‘два’ (перед любым числительным существительное выступает в форме без артикля),
- в изолированном произнесении, где существительное выступает в форме с артиклем.

Таким образом я смогла проанализировать, как изменяются тональные контуры существительных с лексическим восходящим тоном как в форме с артиклем, так и в форме без артикля. В таблице на примере слова *tǝgǝ* ‘бедро’ схематично изображены тональные контуры относительных существительных с лексическим восходящим тоном в данных четырех контекстах (рисунок изображает тональный контур только существительного):

	Форма с местоимением à	Форма с с местоимением í
Форма без артикля	À tǝgǝ fila ‘его два бедра’ 1a 	Í tǝgǝ fila ‘мои два бедра’ 1b
Форма с артиклем	À tǝgǝê ‘его бедро’ 2a 	Í tǝgǝê ‘мое бедро’ 2b

Итак, результаты показали, что от всех высокотоновых местоимений высокий тон распространяется на первый слог существительного, вследствие чего на этом слоге реализуется падающий тон. При этом движение тона начинается с частот, на которых обычно

реализуется высокий тон – можно сказать, что на первом слоге сочетаются высокий тон, полученный от местоимения, и низкий тон первого слога существительного. Само местоимение произносится с тоном приблизительно тех же частот, что и начало существительного:

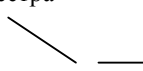
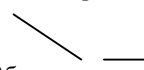
	Тон каждого слога (в Гц)
ń gbòlê ‘моя кожа’	103, 103-95, 96-87
wó dèensê ‘икра нашей ноги’	100, 95-83, 90-85
án jàatígê ‘их друг’	106, 106-93, 106, 90
má tìgèè ‘наш хозяин’	108, 105-90, 101-83

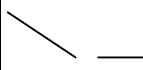
Выше уже шла речь о словах, которые не присоединяют артикля. Эти слова выделяются в рамках относительных существительных своим особым тональным поведением. Всего в эту группу входит 11 терминов родства:

bàabá ‘отец’;
 nèenê ‘мать’;
 báppa ‘дядя (младший брат отца)’;
 yàayé ‘тетя (страшая сестра отца)’;
 bènba ‘дед’;
 màamá ‘бабушка’;
 dénpɔgɔ ‘двоюродный брат/сестра’;
 kàawú ‘дядя (муж сестры матери)’;
 jàajá ‘двоюродная сестра (дочь старшего брата отца)’;
 nìimɔgɔ ‘младший сиблинг жены’.

Как и в случае с другими относительными существительными, на них распространяется высокий тон притяжательного местоимения.

Однако в позиции перед следующим высоким тоном, там, где после местоимения à у слова возникает ожидаемый восходящий тональный контур, у терминов родства, которые следуют за высокотоновыми местоимениями, возникает необычный тональный контур.

	Форма с местоимением à	Форма с высокотоновыми местоимениями
Перед последующим высоким тоном	à jàajà kélen 'его одна старшая сестра' 1a (НН)	ń jàajà kélen 'моя одна старшая сестра' 1б
Перед паузой	à jàajà # 'его старшая сестра' 2a (НН)	ń jàajà # 'моя старшая сестра' 2б

	Форма с местоимением à	Форма с высокотоновыми местоимениями
Перед последующим низким тоном	à jàajà fíla 'его две страшные сестры' 1a	ń jàajà fíla 'мои две страшные сестры' 1б

Ожидалось бы, чтобы в примерах типа *ń jàajà fíla* существительное произносилось с тем же тональным контуром, что и у других относительных существительных в данном контексте, следовательно, со следующим контуром:

Но, как мы видим, у терминов родства, которые не присоединяют артикль, на конечном слоге реализуется не высокий, а низкий тон. Возможно, это просто лексически закреплено за данной группой слов. Других объяснений этому явлению на данном этапе трудно найти.

Тем не менее, и в этом случае проявляется передвижение тона с местоимения на первый слог.

3. Выводы

В данной работе было рассмотрено три фактора, которые влияют на реализацию тонального контура лексемы.

1) Правый контекст: лексический восходящий контур сохраняется только перед следующим низким тоном, а перед высоким тоном и перед паузой реализуется как ровный низкий.

2) Референциальный артикль, который обладает низким тоном на глубинном уровне, создает особый тональный контур у существительного и блокирует влияние правого контекста.

3) Если местоимение с высоким тоном стоит непосредственно перед существительным, то его тон перемещается на существительное.

Литература

- Vydrine V. Ms. Le pied métrique dans les langues mandé. Manuscrit.
Выдрин В. Ф. 2006. Фонологический тип и именная морфология пра-манде // Труды Института лингвистических исследований. Том II, часть 2. СПб: Наука.
Dumestre G. 1994. Le Bambara du Mali: Essai de description linguistique. Paris.

Н. В. Громова

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТКЛОНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИМЕННОГО СОГЛАСОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

1. Введение

Язык суахили с его неограниченным спектром коммуникативных возможностей обслуживает более 100 млн. говорящих из различных этнических общностей, языки которых относятся к типологически разным языковым семьям. В результате на язык суахили оказывают определенное влияние первые (родные) языки индивидуумов.

Так, например, в Танзании, которая представляет собой зону лингвистической конвергенции, проживают носители всех четырех автохтонных языковых семей Африки – афразийской, или семито-хамитской (кушитские языки ираку, бурунге, алагва, грова и др.), нигеро-конголезской (многочисленные языки банту), нило-сахарской (нилотские языки датоба, маасаи, календжин и др.) и койсанской (хадза и сандаве). Такая конвергенция явилась результатом исторических перемещений различных групп населения как коренного африканского, так и пришлого.

В настоящее время в Танзании насчитывается более 120 различных этносов, отличающихся друг от друга родными языками, своей историей и культурой, уровнем социально-экономического развития, демографическими показателями, степенью участия в жизни страны и др. При этом этносы банту преобладают на территории Танзании. Не-банту языки сохранились лишь в виде небольших анклавов в северных и центральных районах Танзании, преимущественно в областях Сингида и Аруша. В настоящее время на 103 бантуских языках говорит 95 процентов населения Танзании [Batibo 2000: 5-7]. При этом также следует учитывать и длительность исторических контак-

тов языка суахили с неавтохтонными языками, особенно арабским и английским.

Примерно такая же картина складывается и в других регионах распространения языка суахили, особенно в тех, где проживают относительно крупные суахилиговорящие общности (в Кении, Уганде, Конго и др.) При этом носители языка суахили в той или иной стране считают нормой именно свою территориальную разновидность суахили, хотя даже «стандартный» язык, являющийся официальным языком, например, в Танзании и Кении, отличается рядом особенностей.

Такая этнолингвистическая пестрота не может не оказывать определенного давления на язык суахили, который является родным лишь для небольшой части прибрежного и островного населения Восточной Африки. Это проявляется на разных уровнях языка, но особенно заметно в нарушениях системы именных классов и в отклонениях в согласовательных парадигмах. В данном случае анализу подвергались материалы именно «стандартного» языка суахили – материалы СМИ и художественной литературы.

2. Незакрепленность имени существительного за одним классом

В системе именных классов языка суахили можно отметить отнесение одного и того же существительного к двум разным классам (например, *koleo* «щипцы»: *koleo langu limeanguka* = *koleo yangu imeanguka* «мои щипцы упали»). Такая подвижность существительных в большей степени характерна для номинаций с нулевой формой префикса. Классы 5/6 и 9/10, одним из вариантов префикса которых является нулевой показатель, обладают, таким образом, переменным составом своих существительных.

Заимствованные существительные, начальный слог которых воспринимается как префикс-показатель класса, как правило, попадают в соответствующий класс (хрестоматийный пример *kitabu/vitabu* «книга/книги», 7/8 классы). На современном этапе развития языка суахили не все так однозначно. Если подобные существительные, имеющие возможность перехода из класса в класс, согла-

суются именно по нормам своего «нового» класса, то такое двойное существование не сказывается на понимании текста, ср., например: *basi hili litaondoka / mabasi haya yataondoka* (5/6 классы) = *basi hii itaondoka / basi hizi zitaondoka* (9/10 классы) «этот автобус отправится / эти автобусы отправятся».

Сложнее правильно понять текст в том случае, когда согласовательная парадигма не позволяет определить число того или иного существительного. Так, заимствование *makala* «статья» не закрепилось за определенным классом, хотя начальный слог *ma-* требовал бы по правилам включения в 6-ой именной класс. Такое «межклассное» положение данной лексемы приводит к двойному стандарту согласования: *makala haya yanahusu...* = *makala hii inahusu...* «эта статья касается...». В первом случае используется согласование по 6-ому классу, грамматической семантикой которого является выражение множественного числа, следовательно, это предложение может пониматься как «эти статьи касаются...». То есть, в такой ситуации возникает некая грамматическая неясность, которая вызывает сомнения и вопросы и у самих носителей языка суахили. Так, танзанийский лингвист Дж. Кианго посвятил объяснению этого феномена довольно большую статью, предлагая согласовывать слово *makala* по нормам 9/10 классов, позволяющего формально, на уровне согласования, выразить числовые различия [Kiango 2006: 77].

В то же время наблюдается немотивированное закрепление бантуских по происхождению существительных за двумя разными классами. При этом такие существительные имеют материально выраженные показатели класса, позволяющие легко идентифицировать их классную принадлежность, например, существительное *vita* «война» маркировано показателем *vi-* 8 класса. Как правило, этот класс передает значение множественного числа для существительных 7 класса, но незначительный ряд имен этого класса не имеет коррелята в единственном числе, т.е. имеет значение *Pluralia tantum*. В современном суахили существительное *vita* может определять согласовательную модель по двум классам – 8 или 9/10 классам: *vita vya pili vya dunia* = *vita ya pili ya dunia* «вторая мировая война», *vita vingi* = *vita nyingi* «много войн». В северных диалектах суахили данная лексема также

относится к 8 классу, но если в момбасском диалекте кимвита префикс этого класса реализуется как *vi-* и тем самым определяет согласовательную цепочку с формантом *vi-*, например: *vita vingi*, *vita vya hila* [Heere 1928: 148], то в диалекте киаму – как *zi-*: *zita zingi*, *zita za hila* [Verner 1914: 156] «много войн, войны вероломные». Можно предложить два варианта объяснения данного феномена: выбор согласовательной модели 9/10 классов в стандартном суахили произошел под влиянием диалектной формы киаму. Или же, как и в случае с лексемой *makala*, в результате использования модели согласования по 9/10 классам носитель языка получает возможность различать единственное и множественное числа.

В ряде случаев происходит перекодировка согласования: не учитывается грамматическая семантика независимого именного показателя, который в соответствии с грамматическими законами должен определять согласование, а принимается во внимание лексическая семантика, которая и является пусковым механизмом согласовательной парадигмы. Такое явление в целом не ново для языка суахили. Оно чаще фиксируется на уровне предикативной синтагмы, когда согласование определяется не показателем синтаксически главного ее члена (подлежащего), а семантикой составляющих именную группу, например: *maelfu ya watu walikuja uwanjani* (вместо *maelfu ya watu yalikuja uwanjani*) «тысячи людей пришли на площадь».

3. Согласование притяжательных местоимений по 9/10-ому классам

Известно, что в современном суахили номинации родственников, относящиеся к 9/10-ому классам, допускают согласование притяжательных местоимений в единственном и множественном числах по исходному классу, ср., например: *baba yangu* «мой отец» (9 класс), *baba zake wadogo* «его младшие отцы» (9 и 2 классы). При этом нарушается уже устоявшийся в языке принцип согласования с учетом категории одушевленности, то есть согласования одушевленных имен существительных по 1/2-ому классам, классам «людей». Согласование же номинаций родственников с притяжательными место-

имениями по 10-ому классу вовлекает в свою орбиту и такие номинации родственных отношений, которые формально не входят в данный класс: *wajukuu zetu* (вместо *wajukuu wetu*) «наши внуки», *wake zake* или слитная форма *wakeze* (вместо *wake wake*) «его жены»¹, *wajomba zao* (вместо *wajomba wao*) «их дядя» и др. Такой же тип плюрального согласования характерен для номинаций родственников, образующих множественное число по нормам 6-ого класса²: *mababa na mababu zetu* «наши отцы и деды», а также для небольшого числа существительных, не содержащих сему «родственник», например: *matafiki zetu* «наши друзья», *adui zake* «его враги» и др.

Возможно, такое отклонение от стандартных норм согласования одушевленных существительных объясняется тем, что притяжательные местоимения 1/2-ого классов, совпадая по форме, не различаются по числовому признаку (*wangu* «мой» = «мои», *wetu* «наш» = «наши» и др.).

4. Нарушения согласования по локативным классам

Значительные отклонения от нормативной системы согласования связаны с нарушением согласования зависимых членов синтагмы по классу существительного, определяющего согласовательную парадигму. Так, не соблюдается нормативное согласование по локативным классам: *rembeni hii* вместо *rembeni hapa* «на этой стороне». В данном примере согласование вызвано имманентным префиксом су-

¹ В грамматике Э. Эштон отмечалась лишь одно возможное отклонение от стандартного согласования: *wake zetu* «наши жены» [Ashton 1961: 90].

² Исследователи языка суахили отмечают, что в диалектах суахили допускается согласование номинаций родственников по имманентному классу. Однако при этом исходное значение лексемы получает дополнительную эмоциональную окраску, ср *shangazi yangu* «моя тетя» (9 класс), *shangazi langu* (5 класс) «моя уважаемая тетя». Во втором примере за счет согласования по модели 5-ого класса, который может передавать оценочный признак аугментатива, подчеркивается «статус, важность и вес авторитета тети в традиционном обществе», где тетя это «большой человек, который берет на себя ответственность за детей своих братьев» [Kihore et al. 2001: 127-129].

ществительного 9-ого класса, при этом игнорируется грамматическое значение показателя локатива. Даже в языке, к примеру, одного и того же писателя, в частности занзибарского писателя Адама Шафи [Shafi 2003], можем обнаружить нарушения согласования, связанные, как представляется, с нейтрализацией разнообразия оттенков грамматической семантики локативности [Громова 1998: 135].

В то же время фиксируется порождение согласовательной парадигмы, подчеркивающей имманентно присущее тому или иному локативному классу значение, в том числе и в тех контекстах, где современный язык уже не осознает наличия в застывшей форме локативного показателя. Речь идет о таких лексемах как *ndani* «внутренность» и *chini* «низ» (*chini* < (n)chi «почва, земля» + *ni*, т.е. букв. «на земле», *ndani* < *nda* «внутренняя часть» + *ni*, т.е. букв. «во внутренней части»), формально входящих в 9 класс и, как правило, в предложении выполняющих функции наречий и предлогов, например: *mpiga ulianguka chini* «мяч упал *вниз*», *alika chini ya mwembe* «он сидел *под* манговым деревом»; *moshi ulikwenda ndani* «дым пошел *внутрь*», *alitia vitabu ndani ya mfuko* «она положила книги *в* сумку». В романе А.Шафи обнаруживаются оба типа согласования: по 9-ому классу и одному из локативных, например: *pale ndani ya kisima* «там (*на поверхности*) *внутри* колодца» (16 класс и 9 класс соответственно), но *ndani mwa kisima* «*внутри* колодца» (18 класс), *wote waliofungiwa ndani mle wakasimama* «все, кто был брошен *внутри* туда, встали» (18 класс).

5. Межразрядность лексем -ingi и -ingine

Обнаруживаются определенные отклонения от стандартной парадигмы при согласовании лексем -ingine «другой» и -ingi «многий», обычно относимых к разряду прилагательных: *nyumba nyingi* = *nyumba zingi* «много домов», *swali jingine* = *swali lingine* «другой вопрос». В этом случае смешиваются две парадигмы согласования – адъективное и местоименное согласование.

6. Отклонения в способах согласования заимствованных прилагательных

В этом случае фиксируется нетрадиционность реализации выражения атрибутивности, то есть некоторая синтаксическая инновация. Так, во всех грамматиках языка суахили отмечается, что заимствованные прилагательные не согласуются, а присоединяются к определяемому способом примыкания: *tatizo wazi* «явная проблема». В современном же языке они могут определять существительное через посредство посессивного форманта: *tatizo la wazi* «явная проблема», *maswali ya muhimu* «важные вопросы» и др. В изданных недавно словарях подобным заимствованным лексемам по-прежнему приписывается разрядный статус прилагательных [Kamusi 2004: 286, 461].

Порядковые числительные в суахили по согласовательной модели также относятся к разряду прилагательных, ср. *watu wakubwa watano* «пять больших людей», *miti mikubwa mitano* «пять больших деревьев», *maziwa makubwa matano* «пять больших озер», *vitabu vikubwa vitano* «пять больших книг» и др. В большинстве случаев, особенно в разговорной речи, не соблюдается согласование бантуских по происхождению числительных в составе сложных числительных (*watu kumi na tano* вместо *watu kumi na watano* «пятнадцать человек») и др.

7. Заключение

Приведенные примеры парадигматических отклонений подтверждают тенденцию дальнейшего упрощения согласовательной системы стандартного языка суахили, не говоря уже о его территориальных вариантах за пределами Восточной Африки, где наблюдается значительно больше парадигматических отклонений.

Литература

- Громова Н. В. 1998. О семантике локативных классов в современном суахили // Язык. Африка. Фульбе. Сб. научных статей в честь А. И. Коваль. СПб. – М.
- Ashton E. O. 1961. Swahili Grammar (including intonation). London.
- Batibo H. M. 2000. The Linguistic Situation of Tanzania // Kahigi K., Kihore Y., Mous M. (eds.). *Lugha za Tanzania. Languages of Tanzania*. Leiden.
- Heepe M. 1928. Suaheli-Chronik von Pate // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, 3. Abteilung: Afrikanische Studien 31.
- Kamusi 2004 - Kamusi ya Kiswahili Sanifu. Toleo la pili. 2004. Oxford.
- Kiango J. G. 2006. Zimwi la ‘Makala Haya’ na ‘Makala Hii’ // Sewangi S. S., Madumulla J. S. (eds.). *Makala ya kongamano la kimataifa la jubilei ya TUKI – 2005. Proceedings of the IKR Jubilee Symposium – 2005*. Dar es Salaam.
- Kihore Y. M., Massamba D. P. B., Msanjila Y. P. 2001. *Sarufi Maumbo ya kiswahili Sanifu (SAMAKISA). Sekondari na vyuo*. Dar es Salaam.
- Shafi A. 2003. Haini. Longhorn Publishers.
- Verner A. 1914-1915. Swahili History of Pate // *Journal of the African Society* 14 (1914), pp. 148-161; 15 (1915), pp. 278-297, 392-413.

СТОПА В ЯЗЫКЕ КАРАНДЖАН

Идиом каранджан принадлежит к группе манден семьи манде нигеро-конголезской языковой семьи. Каранджан входит в диалектный континуум, который охватывает северо-запад Кот-д'Ивуара и продолжается в Гвинее и Либерии. Все идиомы этого континуума обозначаются в Кот-д'Ивуаре как дьула. На каранджан говорят в двенадцати деревнях в супрефектуре Джиборосо департамента Сегела. По данным переписи 1974 года население этих деревень составляло 5000 человек. Соответствующим образом можно оценить и количество говорящих на каранджан на тот момент.

Каранджан ещё никогда не становился предметом специального изучения. Некоторые сведения о нём содержатся лишь в сравнительном исследовании М.-Ж. Дерив, посвящённом диалектам манден Кот-д'Ивуара [Derive 1990].

Настоящее исследование опирается в основном на данные, полученные от информанта Сияка Джоманде, 1952 года рождения, выходца из деревни Сегеджан супрефектуры Джиборосо, а также от нескольких других информантов, выходцев из этой же деревни: Брахима Джоманде, Инза Фофана, Ладжи Фофана.

Следует заранее оговорить особенности применяемой в работе орфографии: *c* обозначает глухую палатальную аффрикату, [č]; *j* – звонкую палатальную аффрикату, [ž]; *y* – палатальный сонант, [j]. Назализация гласных обозначается буквой *n* после соответствующего гласного: *an* = [ã], *in* = [ĩ], *on* = [õ] и т.д.

1. Структурные типы морфем и слов

В своём описании кояга (идиома манден Кот-д'Ивуара, близкого к каранджан) Д.Кресель выделяет три класса фонем: гласные, согласные и так называемые «transitions» [Creissels 1988, 15]. Выделение Креселем третьего класса нуждается в комментарии. К «transitions» он относит второй согласный компонент двусложных морфем, в которых произошло выпадение первого гласного, например: *r* в *jrá* 'лев' (ср. бам. *jàrá*), *l* в *flǎ* 'два' (ср. бам. *filá*) или *y* в *fyǎ* 'убивать' (ср. бам. *fǎgá*). Всего в кояга Кресель выделяет пять фонем, относящихся к классу «transitions»: *w*, *l*, *y*, *r*.

Кресель выделяет в кояга следующие структурные типы морфем (где *C* – согласный, *V* – гласный, *T* – «transition», *N* – конечный назальный компонент):

- односложные: *C(T)V(N)*;
- двусложные: *C(T)VC(T)V(N)*.

Таким образом, согласно Креселю, такие слова кояга, как, например, *jrá* или в *fyǎ*, имеющие структуру *CTV*, являются односложными, а слова со структурой *CTVCTV*, такие, как *blàkró* 'необрезанный мальчик' (бам. *bilakóro*) – двусложным. Попробуем выяснить, насколько обоснованной была бы такая же трактовка для каранджан.

В каранджан происходит редукция гласных в позиции между *C* и *T* (в этом языке фонем этого класса можно выделить на одну меньше: *w*, *l*, *y*, *r*). Гласные в такой позиции произносятся более коротко (т.е. имеет место количественная редукция), а их тембр становится более нейтральным (качественная редукция). Однако, полное выпадение гласных происходит отнюдь не всегда и встречается в основном в беглой речи. При просьбе повторить то или иное отдельное слово более медленно, мои информанты часто произносили все гласные достаточно чётко. Это может объясняться влиянием межэтнического дьула, в котором редукции гласных не происходит и которым все информанты свободно владели. С другой стороны, в имеющихся в моём распоряжении записях слов на языке каранджан, выполненных посредством французской графики моим информантом Сияка Джоманде, редуцируемые гласные никогда не обозначаются,

напр.: *trata* (*trátà*, ср. бам. *tàratà*) ‘вторник’, *sroukou* (*srúku*, ср. бам. *súruku*) ‘гиена’. Представляется, что процесс выпадения гласных в позиции между С и Т, хоть и зашёл достаточно далеко, но ещё не завершён; кроме того, ситуация заметно осложняется влиянием межэтнического дьула, в котором редукции гласных не происходит. Надо признать, что полную (нередуцированную) форму многих слов зачастую выяснить у информантов бывает практически невозможно. Поэтому в настоящей работе принята запись слов в их редуцированной форме, а слова со структурой C(V)TV отнесены к односложным.

В каранджан можно выделить следующие структурные типы слов:

- односложные: а) V (к такому типу принадлежат всего несколько слов, в основном местоимения), б) CV, в) C(V)TV;
- двусложные: CVCV.

Имеется в каранджан и небольшой процент трёхсложных слов. О них будет сказано ниже в связи с понятием стопы.

2. Признаки стопы

Как и другие языки манде, язык каранджан – слоговый. Он отвечает всем критериям слоговости, предложенным В.Б.Касевичем: а) невозможность морфемы с экспонентом, меньшим чем слог, б) невозможность ресиллабации, в) невозможность функциональной нагруженности компонентов слога [Выдрин 2001, 9; Касевич 2006, 114]. Однако, понятие «слогоморфема», ключевое для описания фонологии языков Юго-Восточной Азии, оказывается непродуктивным для каранджан. Морфема в каранджан может состоять из одного, двух или (реже) трёх слогов.

Исследователи языков манде не раз отмечали существование в этих языках фонологических единиц с повышенной степенью внутреннего единства размером больше слога. Лё Саут в своём описании языка гуру (южные манде) [Le Saout 1979] называет такие единицы «силлабемами». Д. Кресель называет их минимальными значащими единицами («les unités significatives élémentaires») [Creissels 1988].

Более удачным видится термин «стопа», предложенный для языков манде В.Ф.Выдриным.

В.Ф. Выдрин даёт следующее определение стопы: «Стопа – ритмическая единица, состоящая в языках манде из одного или двух слогов и обладающая повышенной степенью единства» [Выдрин 2002б, 15]. Там же он выделяет следующие возможные признаки стопы: 1) наличие ударения; 2) ограничение инвентаря согласных, допустимых в начальной и срединной позициях; 3) ограничение на сочетаемость первого и второго гласного в двусложных последовательностях; 4) ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога в двусложной последовательности; 5) ограничение действия ассимилятивных тоновых правил и правил гармонии гласных пределами стопы.

Рассмотрим эти признаки, изменив их порядок для удобства изложения, и выясним, какие из них релевантны для описания стопы в каранджан.

2.1. Ограничение инвентаря согласных, допустимых в начальной и срединной позициях

2.1.1. Некоторые согласные фонемы каранджан возможны только в начальной или только в срединной позиции. Многие согласные более частотны в одной из двух возможных позиций; некоторые согласные встречается в срединной позиции только в заимствованиях.

Собственно говоря, согласные начальной позиции и согласные срединной позиции неэквивалентны, подобно слоговым инициалам и медиалам в языках Юго-Восточной Азии, и представляют в каранджан две разные (хоть и внешне схожие) системы.

На основе анализа словаря каранджан можно составить таблицы согласных, допустимых в начальной и срединной позициях.

Таблица 1. Согласные, допустимые в начальной позиции

	лаби- альные (p)	альвео- лярные t	палаталь- ные c	велярные k	лабиове- лярные (kp)
глухие смычные					
звонкие	b	d	j		gb
смычные сонанты	m	n	ɲ	ŋ	
глухие фрикати- вные	f	s	ʃ	h	
сонанты	w	l	y		

Таблица 2. Согласные, допустимые в срединной позиции

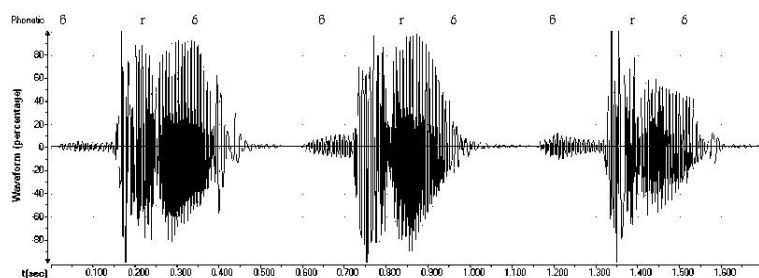
	лаби- альные	альвео- лярные (t)	палаталь- ные (j)	велярные (k)	лабиове- лярные
глухие смычные					
звонкие	b	(d)	(j)		
смычные сонанты	m	n	ɲ	ŋ	
глухие фрикативн ые	f	s	ʃ		
звонкие фрикати- вные				ɣ	
сонанты дрожащий сонант	<i>w</i>	<i>l</i> <i>r</i>	y		

В скобках в обеих таблицах даны фонемы, возможные, но редкие в данной позиции. В Таблице 2 курсивом обозначены фонемы, в позиции перед которыми происходит редукция и выпадение гласных.

Ниже даётся краткая характеристика консонантной системы каранджан. Согласные, принадлежащие к классу «transitions», рассматриваются отдельно.

2.1.1.1. Согласная *ɓ* в каранджан имплозивная. Этот факт заслуживает особого внимания, т.к. ранее имплозивные согласные были отмечены только в одном языке манден – мау, имеющем сильный субстрат дан (южные манде). Ничего об имплозивных согласных не сказано в единственном на сегодняшний день кратком описании каранджан, которое содержится в диалектологическом исследовании М.-Ж. Дерив [Derive 1990].

То, что *ɓ* является имплозивной, хорошо видно как на спектрограмме (имеется усиление в области низких формант), так и на осциллограмме (слово *bró* ‘рука’):

Попытка привлечь носителей южных языков манде (в которых имплозивные согласные хорошо представлены и противопоставлены соответствующим неимплозивным) для выявления имплозивного или неимплозивного характера согласной каранджан привела к отрицательному результату. Так, например, Кесе Моньян, носитель языка дан-гуэа, прослушав мои записи по каранджан, уверенно определил *ɓ* как неимплозивную. Это объясняется тем, что, как отмечает

В.Ф.Выдрин, артикуляция имплозивных согласных в разных языках манде существенно варьирует [Выдрин 2002б, 18]. Признак имплозивности в каранджан выражен значительно менее явно, чем в дан. Согласную *б* языка каранджан можно считать, таким образом, слабой имплозивной.

Имплозивность *б* выделяется только на фонетическом, но не на фонологическом уровне – других имплозивных в каранджан не обнаружено. В Таблице 1 *б* противопоставлена звонким смычным.

б выступает чаще всего в начальной позиции (*бáтá* ‘крокодил’), но встречается и в срединной (*кáба* ‘кукуруза’). После носовых гласных *б* факультативно заменяется на *т* (*нúnбрá* = *нúnмá* ‘нос’). Возможно, сохранение *б* в позиции после назальных следует считать влиянием межэтнического дьула.

2.1.1.2. Лабиальный сонант *т* является частотным как в начальной, так и в срединной (интервокальной) позиции: *мúсò* ‘женщина’, *жéтè* ‘помогать’.

2.1.1.3. *ф* выступает чаще всего в начальной позиции (*фá* ‘отец’, *фáпá* ‘ложь’). Имеет звонкий аллофон *в*, который употребляется после носовых гласных. В срединной позиции встречается только в заимствованиях: *нáфá* ‘польза’, *уáфá* ‘прощать’.

2.1.1.4. Фонема *w* одинаково частотна как в начальной, так и в срединной позиции: *иró* ‘орех кола’, *и́уá* ‘ложь’, *бwá* ‘бамбук’, *жwá* ‘гриф’.

2.1.1.5. *т* выступает в основном в начальной позиции (*трé* ‘солнце’). Имеет звонкий аллофон *д*, который появляется после носовых гласных.

2.1.1.6. Фонема *д* выступает в основном в начальной позиции: *дáнàн* ‘ограда’, *дýú* ‘деревня’.

2.1.1.7. Фонема *п* одинаково частотна как в начальной, так и в срединной позиции: *пá* ‘соус’, *пéне* ‘холод’, *жáна* ‘дух’, *финàн* ‘уголь’.

2.1.1.8. *с* встречается как в начальной, так и в срединной позициях: *сáтá* ‘слон’, *сáп* ‘небо’, *сéсе* ‘курица’, *бáсá* ‘ящерица’. Имеет звонкий аллофон *з*, который выступает после носовых гласных.

2.1.1.9. **l** чаще встречается в срединной позиции (в такой позиции он относится к классу «transitions»), но может быть и в начальной (*lón* ‘день’, *lónan* ‘гость’).

2.1.1.10. **c** встречается в начальной позиции (*cɔ́b* ‘способ’, *cé* ‘мужчина’), примеров употребления этой фонемы в срединной позиции мне не встретилось. Имеет звонкий аллофон *j*, который появляется после носовых гласных.

2.1.1.11. **j** встречается в начальной позиции (*jrú* ‘верёвка’, *jóyí* ‘сколько’), примеров употребления в срединной не встретилось.

2.1.1.12. **ɲ** выступает в основном в начальной позиции (*ɲá* ‘лицо’, *ɲéna* ‘забывать’), но встречается и в срединной (*ɲɲɔ* ‘ветер’, *cáɲá* ‘правда’).

2.1.1.13. фонема **ʃ** частотна в начальной позиции (*ʃú* ‘ночь’, *ʃámà* ‘мусульманин’), в срединной встречается редко (*bíʃi* ‘кровь’, *ʃíʃi* ‘дым’). Имеет звонкий аллофон *ʒ*, который употребляется после носовых гласных.

2.1.1.14. **y** встречается как в начальной (*yé* ‘видеть’, *’угén* ‘свет’), так и в срединной позиции (*méyi* ‘бегемот’, *bíyén* ‘печень’).

2.1.1.15. **k** чаще выступает в начальной позиции, в срединной встречается в основном в заимствованиях. Имеет звонкий аллофон *g*, который появляется после носовых гласных.

2.1.1.16. Фонема **ŋ** редка. Выступает одинаково часто как в срединной (*ɲáɲà* ‘сила’), так и в начальной позиции (*ɲúnu* ‘улей’).

2.1.1.17. **h** встречается только в начальной позиции: *hré* ‘мир’, *háli* ‘даже’.

2.1.1.18. **gb** встречается только в начальной позиции: *gbrá* ‘бамбук’, *gbá* ‘кухня’. Может соответствовать *w*, *p*, *j*, *g* стандартного бамана (бам. *wéɛɛ* – крндж. *gbré* ‘другой’, бам. *pán* – крндж. *gbán* ‘прыгать’, бам. *jé* – крндж. *gbé* ‘белый’, бам. *gá* – крндж. *gbá* ‘навес’).

2.1.1.19. Фонемы *p* и *kp* составляют периферию консонантной системы каранджан. Первая встречается в основном в недавних заимствованиях (напр. *pón* ‘мост’) и экспрессивных наречиях (напр. *péù* ‘совсем’). Фонема *p* встретила лишь в одном слове, которое не является ни заимствованием, ни экспрессивным наречием – в глаголе *prén* ‘гремять (о громах)’: *sán prén ná* ‘гром гремит (досл.: «небо гре-

мит»'. Фонема *p* имеет аллофон *b*, который употребляется в позиции нейтрализации звонких и глухих согласных, *sánbren* 'гром'. *b* как аллофон *p* неимплозивный.

Фонема *kp* также является очень редкой. Она встретилась лишь в шести словах, пять раз – в начальной позиции (напр. *krá* 'быть горьким', *krén* 'отвязывать') и однажды в редупликате (*krákra* 'новый').

2.1.2. Согласных, в позиции перед которыми происходит выпадение гласных («transitions»), в каранджан четыре: *w*, *l*, *y*, *r*. В Таблице 3 представлены соответствующие оппозиции.

Таблица 3. Выпадение гласных перед *w*, *l*, *y*, *r*.

<i>w</i> / Ø	jwâ 'гриф' / jâ 'засуха'
<i>w</i> / <i>l</i>	mwân 'двадцать' / mlân 'домашняя утварь'
<i>w</i> / <i>y</i>	bwâ 'бамбук' / byâ 'глина'
<i>w</i> / <i>r</i>	jwâ 'гриф' / jrâ 'лев'
<i>l</i> / Ø	blâ 'класть' / bâ 'коза'
<i>l</i> / <i>y</i>	blâ 'класть' / byâ 'яд'
<i>l</i> / <i>r</i>	blâ 'класть' / brâ 'дикобраз'
<i>y</i> / Ø	byâ 'яд' / bâ 'коза'
<i>y</i> / <i>r</i>	dyâ 'горшок' / drâ 'пруд'
<i>r</i> / Ø	brâ 'дикобраз' / bâ 'коза'

2.1.3. Озвончение согласных в позиции после носовых гласных происходит в каранджан в следующих контекстах:

а) внутри стопы (ср. бам. *kòrɛntɔ* и крндж. *krɔ́ndɔ* 'храпеть'; бам. *mànkán* и крндж. *mángàn* 'шум'; бам. *jànkáro* и крндж. *jángàlo* 'болезнь'; бам. *dònsó* и крндж. *dónzò* 'охотник');

б) на границах компонентов тонально компактных синтагм (напр.: *kûn* 'голова' + *shé* 'шерсть' = *kúnzhè* 'волосы'; *kûn* 'голова' + *kró* 'кость' = *kúngrò* 'череп');

в) под воздействием местоимения 1 л. ед.ч. *n*. Само местоимение при этом опускается: [*n*] *zégen-ni* 'я устал' (*ségen* 'уставать', *-ni* –

перфектив), [ń] *vè* ‘у меня’ (*fè* - послелог). Во всех прочих случаях согласные на границах слов не озвончаются, ср.: *yríshun kró* ‘под деревом’ (*yríshun* ‘дерево’, *kró* ‘под’).

Озвончение или неозвончение согласных после носовых может являться средством грамматического противопоставления. В каранджан имеется предикативный показатель качественной конструкции *á*: *yrí á já* ‘дерево высокое’ (*yrí* ‘дерево’, *já* ‘быть длинным’). В случае, если в качественной конструкции определяемое существительное оканчивается на носовой гласный, а качественный глагол начинается с одного из глухих согласных, имеющих звонкий аллофон (*p-b, f-v, k-g, s-z, š-ž*), предикативный показатель *á* опускается, а согласный *не* озвончается, напр.: *bín [á] kéne* ‘трава зелёная’ (*bín* ‘трава’, *kéne* ‘быть свежим, зелёным’), ср. с *bín géne* ‘зелёная трава’.

2.2. Ограничение на сочетаемость первого и второго гласного в двусложных последовательностях

Вокалическая система каранджан состоит из семи гласных фонем. Имеются две серии гласных: неносовые и носовые.

Таблица 4. Вокалическая система каранджан.

Неносовые			Носовые	
i		u	in	un
e		o	en	on
ɛ	ɔ		ɛn	ɔn
a			an	

Оппозиция гласных по краткости/долготе, имеющаяся во многих других языках манден, в каранджан сохранилась лишь в системе личных местоимений (ср. *à* ‘он’ и *âa* ‘они’). За пределами системы местоимений встретилось лишь одно слово, имеющее фонологическую долготу – *tée* ‘друг’.

Сохранилось следующее компенсаторное явление: в словах каранджан с краткими гласными, соответствующих словам бамана с долгими гласными, не происходит выпадения и редукции гласных в

словах типа CVTV. Ср., например: бам. *fèeré* ‘продавать’ и крндж. *fèrè* (не **frè*), бам. *báara* ‘работа’ и крндж. *báa* (не **brá*), бам. *míiri* ‘думать’ и крндж. *míri* (не **mri*).

Относительное количество двусложных последовательностей со структурой CVCV в каранджан невелико. Проверка краткого словаря каранджан выявила немногим более ста пятидесяти одноморфемных слов с подобной структурой. Однако, основываясь даже на таком небольшом материале, можно сделать некоторые выводы.

В Таблице 5 представлена статистика сочетаемости первого и второго гласных в двусложных одноморфемных последовательностях в каранджан.

Как видно из Таблицы 5, наиболее частотными являются последовательности с идентичными первому и второму гласным. Частотны также следующие сочетания: *e-i*, *a-i*, *o-i*, *u-e*, *u-a*, *a-o* (все они встретились по три раза или более). Ряд сочетаний встретился лишь один или два раза. Размер выборки не позволяет сделать вывода о том, что ни разу не встретившиеся сочетания гласных вовсе невозможны, однако ясно, что они, по крайней мере, крайне низкочастотны.

Привлекая материал диалекта Беледугу языка бамана [Konaté, Vydrine 1989, 8], можно предположить, что в каранджан невозможны сочетания соседних по подъёму гласных и гласных, одинаковых по подъёму, но разных по ряду: *ε-e*, *e-ε*, *ɔ-o*, *o-ɔ*, *a-ε*, *ε-ɔ*, *ɔ-e*, *i-e*, *u-i* и т.д. Фонологическая система бамана Белудугу знает лишь одно исключение из этого правила: возможно сочетание *ε-a*. В каранджан подобных исключений больше, возможны сочетания *e-i*, *ε-a*, *u-o*, *e-o*.

Таблица 5. Сочетаемость гласных в двусложных одноморфемных последовательностях.

Первый гласный	Второй гласный													
	i	e	ε	a	ɔ	o	u	in	en	ɛn	an	ɔn	on	un
i	11	–	2	1	–	–	–	3	–	3	3	–	–	–
e	8	3	–	–	–	1	–	3	–	–	–	–	1	–
ε	–	–	8	3	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–
a	6	–	–	22	1	4	–	1	1	–	4	–	–	–
ɔ	1	–	–	2	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–
o	5	–	–	1	–	5	–	–	–	–	1	–	–	1
u	–	3	–	5	1	2	6	–	–	–	2	–	–	2
in	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
en	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
ɛn	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–
an	–	–	–	3	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–
ɔn	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
on	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–
un	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

2.3. Ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога в двусложной последовательности

Ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога в двусложной последовательности определяется принадлежностью к одной из стандартных тоновых схем.

Тон в каранджан является характеристикой целой стопы, а не отдельного слога. Основные тональные схемы одно- и двусложных стоп совпадают. Выделяются два основных тональных класса: класс высокотоновых стоп и класс стоп с нисходящим тоном. В односложных стопах тональный контур реализуется на единственном гласном стопы: *dá* ‘рот’, *jân* ‘раб’, *nyɔ* ‘грязь’, *syâ* ‘баран’. В двусложных стопах он распределяется между первым и вторым гласным. В стопах с высоким тоном оба слога стопы несут высокий тон (*sáli* ‘молиться’, *ɲípi* ‘улей’), в словах с нисходящим тоном первый слог несёт высокий тон, а второй – низкий тон (*músò* ‘женщина’, *ɲámà* ‘магическая сила’).

2.4. Ограничение действия ассимилятивных тоновых правил и правил гармонии гласных пределами стопы

Гармонии гласных в каранджан не отмечается, однако есть ограничение на сочетаемость первого и второго гласных в двусложной стопе (см. 2.2).

При образовании сложных слов в каранджан действует следующее ассимилятивное тоновое правило: сложное слово относится к тому же тоновому классу, что его первый компонент. Иными словами, тоновый контур первого компонента распределяется по всему сложному слову. Если первый компонент сложного слова высокотоновый, то и всё сложное относится к классу высокотоновых, напр.: *móbri* ‘автомобиль’ + *tyí* ‘хозяин’ = *móbrityí* ‘владелец автомобиля’; *jí* ‘вода’ + *gbê* ‘горячий’ = *jí gbé* ‘горячая вода’; *bín* ‘травы’ + *kéne* ‘свежий, зелёный’ = *bín géne* ‘зелёная трава’.

Если первый компонент сложного слова относится к классу слов с нисходящим тоном, то перелом тонового контура происходит на

границе двух морфем, из которых это сложное слово состоит, напр.: *dɣù* 'деревня' + *tyí* 'хозяин' = *dɣútyí* 'вождь деревни'; *tô* 'каша' + *gbê* 'горячий' = *tô gbê* 'горячая каша'; *dréki* 'рубашка' + *gbé* 'белый' = *dréki gbê* 'белая рубашка'.

Можно сказать, что тоны обоих компонентов сложного слова нейтрализуются. Тон первого компонента всегда оказывается высоким. Тон второго – высоким либо низким, в зависимости от того, к какой тоновой схеме принадлежит всё сложное слово.

Как видно, тональные классы сложных слов совпадают с тональными классами стоп. Перелом тонового контура всегда происходит на границе морфем. Таким образом, критерий «ограничение действия ассимилятивных тоновых правил пределами стопы» оказывается нерелевантным для описания стопы в каранджан. Принимая этот критерий, пришлось бы признать, что любое сложное слово, имеющее стандартную тоновую схему, является стопой.

Это ставит под сомнение и предыдущий критерий – «ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога в двусложной последовательности». Можно было бы утверждать, что тон оказывается в каранджан характеристикой слова, а не стопы. Есть, однако, факт языка, который хоть и лежит почти на периферии, но мешает сделать такое утверждение. Речь идёт о трёхсложных словах каранджан, которые будут рассмотрены в п. 3.1.

2.5. Наличие ударения

Вслед за В.Ф.Выдриным, который обнаружил существование ударения в языке гуру [Выдрин 2002а, 164], можно предположить наличие ударения и в каранджан. Ударение в каранджан тесно связано с редуцией и выпадением гласных в позиции между С и Т. Как уже говорилось, гласный в такой позиции (если он не подвергается полному выпадению) произносится более кратко, с нечеткими тембровыми характеристиками. При этом наблюдается следующая закономерность: если гласный не выпадает полностью, а лишь редуцируется, то главный сегмент тоновой кривой распределяется между обоими слогами стопы; если же гласный выпадает, то главный сегмент цели-

ком переходит на второй слог стопы (напр.: *fáyà* ~ *fɔ̀á* ‘убивать’, *báyɔ̀* ~ *bɔ̀ɔ̀* ‘глина’). Второй гласный элемент такой стопы можно считать ударным, первый – безударным.

Ударение в каранджан, таким образом, обнаруживается только в квазидвусложниках типа C(V)TV и падает всегда на второй гласный. Оно, возможно, и является решающим фактором, благодаря которому происходит редукция или выпадение первого (безударного) гласного стопы, что в конечном итоге приводит к моносиллабизации.

3. Членение на стопы за пределами двусложного единства

Критерии выделения стопы в каранджан определены. Открытым, однако, остаётся вопрос о том, выходят ли выделенные признаки стопы за пределы двусложного единства и, следовательно, о том, необходимо ли выделять наряду с односложной и двусложной ещё и трёхсложную стопу.

3.1. Относительное количество одноморфемных слов, состоящих более чем из двух слогов, в каранджан крайне невелико. К типу «чистых» трёхсложников можно отнести слова со структурой CVCVCV (напр., *túbàbú* ‘европеец’, *sábabu* ‘причина’). Этот тип особенно редок. Около половины обнаруженных слов этого типа – арабские заимствования.

Есть основания утверждать, что такие слова состоят из двух стоп. Во-первых, правило ограничения сочетаемости гласных в таких словах может игнорироваться (напр., *lákèbé* ‘лентяй’). Во-вторых, используя критерий «ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога в двусложной последовательности», все эти слова можно легко разделить на стопы: *jàngà-ló* ‘болезнь’, *lákè-bé* ‘лентяй’, *ná-màsà* ‘банан’. Только высокотоновые слова допускают не один вариант членения, напр., слово *sábabu* ‘причина’: CVCV-CV, CV-CVCV, CV-CV-CV.

3.2. Другие два типа имеют структуру CVC(V)TV (напр., *sáwàrà* ~ *sáwrà* ‘обувь’) и C(V)TVCV (напр., *dérekì* ~ *drékì* ‘рубашка’). Доля заимствований среди слов, относящихся к этим типам, чрезвычайно велика. Как отмечалось в п. 1, процесс выпадения гласных в позиции

между С и Т, хоть и зашёл в каранджан достаточно далеко, но ещё не завершён. Следуя той же логике, что и в п. 1, слова со структурой CVC(V)TV и C(V)TVCV можно условно отнести к двусложным. Судя по всему, в подобных словах действует, как и в словах со структурой CVCV, правило ограничения сочетаемости первого и второго гласных, описанное в п. 2.2. По крайней мере, ни одного примера, опровергающего это предположение, найти не удалось. Но утверждать это с полной уверенностью всё-таки нельзя – размер выборки слишком мал. Можно, однако, сказать, что ограничение на сочетаемость первого и второго гласных в словах со структурой CVC(V)TV и C(V)TVCV присутствует в каранджан если и не в виде жёсткого правила, то в виде тенденции.

Тональные классы таких слов стандартны (высокий и нисходящий). Место перелома тонового контура находится на границах слогов.

4. Заключение

Итак, стопа в каранджан – это *ритмическая единица, меньшая или равная морфеме и состоящая из одного или двух слогов*. Структурные типы стопы в каранджан таковы: V, CV, C(V)TV, CVCV, CVC(V)TV, C(V)TVCV.

Признаками стопы в каранджан являются:

- а) ограничение инвентаря согласных, допустимых в начальной и срединной позициях;
- б) ограничение на сочетаемость первого и второго гласных внутри стопы;
- в) ограничение на сочетаемость тонов первого и второго слога (т.е. принадлежность к одной из стандартных тоновых схем). Несмотря на то, что этот критерий не применим для разделения понятий «стопа» и «слово», именно он позволяет выделить стопы в трёхсложных словах.

Дополнительным признаком стопы следует признать наличие ударения (только в стопах со структурой C(V)TV).

Список сокращений

бам. – бамана
крндж. – каранджан

Литература

- Выдрин В.Ф. 2001. Языки манде и теория языков слогового строя // VI-я международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25-28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докладов. СПб..
- Выдрин В.Ф. 2002а. Гуро: язык в процессе расщепления тонов // Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М. К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ. М.
- Выдрин В.Ф. 2002б. Методические рекомендации по описанию языка южной группы манде // Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот-д'Ивуар. К 50-летию К. Позднякова. СПб.
- Касевич В.Б. 2006. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Труды по языкознанию. Т.1.
- Creissels D. 1988. Éléments de phonologie du koyaga de Mankono (Côte-d'Ivoire) // Mandenkan, No. 16.
- Derive, M.-J. 1990. Étude dialectologique de l'aire manding de Côte-d'Ivoire. Paris.
- Konaté A., Vydrine V. 1989. Le système phonologique du dialecte bamanan de Bèlè-dugu // Mandenkan, No. 17.
- Le Saout J. 1979. Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuénoula). Nice.

Georgi Kapchits
Victor Porkhomovsky

SOMALI KINSHIP TERMS

Tol waa tolane.
'Kinsmen are sewn together'.
(Somali proverb)

0. Introduction

The present paper has been prepared within the general framework of the AAKTS – Afro-Asiatic Kinship Terms and Systems Project, cf. [Ibriszimow, Porkhomovsky 2001, 2005a, 2005b]. One of the authors began collecting the data on Somali kinship terms some fifteen years ago, when working on the typological study of kinship systems in Semitic (Modern South Arabian and Ethiosemitic) and Cushitic languages. In the course of several sessions with native speakers of Somali who were at that time students of Moscow University, a basic list of Somali kinship terms was compiled but for several reasons this data was not further analysed. For this study a new attempt to obtain more complete and reliable information has been undertaken. The authors express their profound gratitude to the Somali informants Cabdiraxmaan Faarax 'Barwaaqo' (Canada), Cabdulqaadir Nuur Salaad (USA) and Moxamed Moxamud Xandulle (Moscow) who answered their numerous questions, and to Sheila Andrzejewski who has revised their English writings. The collected data is characterized by a relatively high degree of variation and the responsibility for its selection and evaluation is ours.

1. Somali family and tribal structure

A Somali *xaas* (family) usually consists of a husband, one or sometimes several wives (the Somalis are Muslims and the Koran allows polygamy) and their children. Several closely related families, for example grown-up

sons with their wives and children, form a *reer*. The members of a *reer* keep their household in common, and tend and guard their herds together. A family and a *reer* are the lowest stages of the tribal organization of the Somali kinship system. Several *reers* which together go back to a common ancestor form a *jilib* (a knee). Several *jilibs* make up a *laf* (bone) and several *lafs* a *qabiil* (tribe). A tribe owns large herds of cows and camels defended from looting by an armed patrol. The tribe is headed by a chief, whose title (different in the various tribes) is handed down from father to son. If there is no successor one of the chief's relatives is chosen. The highest level of the kinship hierarchy of the Somalis is a union of tribes (a clan). There are five major clans – *Daarood*, *Isaaq* (in the North of the country), *Hawiye* and *Digil-Mirifle* (in the South), *Dir* (in the North and South).

A Somali knows exactly the place he occupies in the tribal structure, remembers the names of at least seven direct male ancestors¹ and is aware of the placing of all his innumerable nomadic relatives.

2. The Somali kinship terms system

Once upon a time Ina-Sanweyne ('Son-of-Big-Nose', a character in one of the extended cycles of Somali folktales), *had to settle a dispute between his seeddi* (sister's husband), *who had abducted a she-camel, and its owner, whom he had never seen before. After the plaintiff and the defendant had been listened to and the witnesses questioned, Ina-Sanweyne stood up and told his relative by marriage:*

¹ In Somali there is a number of terms designating this notion: *absaxan-ka*, *abuulan-ka*, *sullan-ka* and others. Somali kinship terms are nouns, which have the category of definiteness. An indefinite article is marked by zero, while a definite article is added to a noun as a suffix, and marks its gender. The variants of the definite article for masculine nouns are *-ka*, *-ga*, *-ha*, *-a*; the variants of the definite articles for feminine nouns are *-ta*, *-da*, *-sha*. The form of the article depends on the last phoneme of its stem. The phoneme *sh* is the result of the fusion between the final *l* of the stem and the consonant sound of the article *-ta*. We give the Somali terms together with their articles, separating them by a hyphen.

'Justice doesn't know a father-in-law and a brother-in-law, a relative by blood and a relative by marriage, a son and a daughter, a brother and a sister, a father and a mother, a maternal uncle and a paternal uncle, a distant relation and a close relation. Justice knows only Allah¹. Man, return the she-camel!'

Here is the Somali version of this fragment²:

[*'War, ninyohow, gari soddog ma taqaan oo seeddi ma taqaan oo tol ma taqaan oo xidid ma taqaan oo wiil ma taqaan oo walaal ma taqaan oo aabbe ma taqaan oo hooyo ma taqaan oo gabadh ma taqaan oo abti ma taqaan oo adeer ma taqaan oo shisheeye ma taqaan oo sokeeye ma taqaan e Ilaahay bay taqaan e ninyohow, hashii lagaa hel!'*]

In his short verdict the wise judge mentioned almost half the Somali kinship terms³:

1. *Walaal-ka* [brother, male sibling]; *abboowe-ha*, *abboow-ga*, *boowe-ha* [brother, elder brother; also polite form of address to any male person];
2. *Walaal-sha* [sister, female sibling]; *abbaaye-da*, *abbaayo-da* [sister; also in the religious sense⁴];
3. *Aabbe-ha/ aabbo-ha*, *adoo-ga* [father];
4. *Hooyo-da* [mother]; *habar-ta* [mother; also old woman];
5. *Adeer-ka* [paternal uncle – father's brother; husband of father's sister; stepfather; respectful form of address to a man];
6. *Abti-ga* [maternal uncle – mother's brother];
7. *Soddog-ga* [father-in-law – wife's father];
8. *Soddoh-da* [mother-in-law – wife's mother];
9. *Wiil-ka*, *inan-ka* [boy; son];

¹ A Somali proverb (see in [Kapchits 1998: 170]). A number of Somali 'kinship' paremias can also be found in [Kapchits 2002, 2005]).

² The full text of this tale ('Gari Ilaah bay taqaan') see in [Kapchits 2006: 88-80].

³ For the sake of simplicity and because of the lack of space we decided to present the Somali kinship terms in this paper without using the AAKTS Code System.

⁴ In Southern dialect.

10. *Inan-ta, gabar-ta/gabadh-a* [girl; daughter];
11. Several terms standing for ‘relatives by blood’: *Casabo-da, cashiiro-da, ehel-ka* or *ehelo-da, qaraabo-da, rixin-ta, xigaalo-da, xigto-da, sokeeye-ha* of which the last three can be understood as ‘close relation’, since the verbs *xig* and *sokee* from which they are derived mean ‘to be next to’ and ‘to be near’ correspondingly [cf. Zorc and Osman, 1993].
12. *Xidid-ka* means ‘relatives by marriage’;
13. *Tol-ka* means ‘distant relatives’, though in his speech the judge used the word *shisheeye(-ha)* with the meaning of ‘unrelated persons’.

The remaining kinship terms are as follows:

14. *Xaas-ka* [family (wife and children), man’s household, man’s dependants; spouse]; *afo-da* [wife, woman, lady (respectful)]; *marwo-da/murwo-da* [lady, honourable woman; wife; respectful term for woman]; *oori-da* [wife]; *naag-ta* [woman, wife]; *arad-da* [married woman]; *maranti-da* [wife]; *gaari-da* [good housewife, good woman];
15. *Dumaashi-da* [sister-in-law – brother’s wife; wife’s sister; husband’s sister];
16. *Ooryo-walaal-ka* (var. *ooriyo-walaal-ka*) [brother-in-law – husband of wife’s sister];
17. *Ina-adeer-ka* [first cousin – son of father’s brother (*adeer*)];
18. *Ina-adeer-ta* [first cousin – daughter of father’s brother (*adeer*)];
19. *Ina-eeddo-ha*¹ [first cousin – son of father’s sister (*eeddo*)];
20. *Ina-eeddo-da* [first cousin – daughter of father’s sister (*eeddo*)²];
21. *Ina-abti-ga* [first cousin – son of mother’s brother (*abti*) or father’s sister (*eeddo*)³];
22. *Ina-abti-da* [first cousin – daughter of mother’s brother (*abti*) or father’s sister (*eeddo*)⁴];

¹ In Southern regions – with a feminine article (*ina-eeddo-da*). In Northern regions also *ina-abti-ga*, the same as ‘son of mother’s brother’ (see 21).

² In Northern regions also *ina-abti-da*, the same as ‘daughter of mother’s brother’ (see 22).

³ See footnote 1 on this page.

⁴ See footnote 2 on this page.

23. *Habarwadaag-ga, ina-habreed-ka* [first cousin – son of mother’s sister (*habaryar*)];
24. *Habarwadaag-ta, ina-habreed-da* [first cousin – daughter of mother’s sister (*habaryar*)];
25. *Minyaro-da* [junior wife or last wife];
26. *Aayo-da/ aaye-da* [aunt – wife of paternal or maternal uncle¹; stepmother];
27. *Eeddo-da* [aunt – father’s sister; stepmother];
28. *Habaryar-ta*² [aunt – mother’s sister];
29. *Dangalo-da* [father’s second wife; stepmother³];
30. *Awow-ga, awoowe-ha* [grandfather – father’s or mothers’ father⁴; great-uncle; ancestor]; *abkoow-ga* [also great-grandfather];
31. *Ayeeyo-da* [grandmother – father’s or mother’s mother⁵; great-aunt; ancestress]; *abooto-da, macooyo/moyooyo-da* [also great-grandmother];
32. *Say-ga* [husband]; *nin-ka* [man; husband; spouse];
33. *Dumaashi-ga* [brother-in-law (of a woman) – husband’s brother; sister’s husband];
34. *Seeddi-ga* [brother-in-law (of a man) – sister’s husband; wife’s brother].
35. *Minweyn-ta* [senior wife].

3. Classificatory and descriptive terms

The Somali kinship terms system is characterized by a rather high number of polysemantic, i.e. classificatory terms. Thus, *dumaashi-da* means ‘brother’s wife’, ‘wife’s sister’ and ‘husband’s sister’; *dumaashi-ga* –

¹ To distinguish between them one may say: *aayada adeerka* (aunt, wife of paternal uncle) or *aayada abtiga* (aunt, wife of maternal uncle).

² Lit: a small mother.

³ See also 26, 27.

⁴ To distinguish between them one may say: *awowga aabbe* [paternal grandfather] or *awoga hooyo* [maternal grandfather].

⁵ To distinguish between them one may say: *ayeeyada aabbe* [paternal grandmother] or *ayeeyada hooyo* [maternal grandmother].

‘husband’s brother’ and ‘sister’s husband’. *Aayo-da* (or *aaye-da*) stands for ‘wife of paternal uncle’, ‘wife of maternal uncle’ and ‘stepmother’, *eeddo-da* – for ‘father’s sister’ and ‘stepmother’ as well; *awow-ga* (or *awoowe-ha*) may mean ‘grandfather’ (i.e. father’s or mothers’ father), ‘great uncle’ and ‘ancestor’. In the case of *abkoow-ga* all these meanings are supplemented by ‘great-grandfather’. The term *ayeeyo-da* conveys three meanings – ‘grandmother’ (i.e. father’s or mother’s mother), ‘great-aunt’ and ‘ancestress’, *abooto-da* and *macooyo-da* (or *moyooyo-da*) even four (in addition to the above-mentioned it is also ‘great-grandmother’). *Seeddi-ga* besides ‘brother-in-law’ (of a man) means ‘sister’s husband’ and ‘wife’s brother’. *Boowe-ha* means ‘brother’ and ‘elder brother’.

Some terms and their meanings vary from region to region (i.e. from dialect to dialect) – see, for example, those terms which stand for cousins: *ina-eeddo-ha* (19), *ina-eeddo-da* (20), *ina-abti-ga* (21) and *ina-abti-da* (22).

A peculiar feature of the Somali kinship terms system is the following: there are neither simple nor even descriptive terms for some important entries of the kinship system, such as ‘grandson’ and ‘granddaughter’, ‘nephew’ and ‘niece’. These notions are described by special formulas:

Grandson – *Inanka aan awoowga (ayeeyada) u ahay* [Lit: the boy for whom I am the grandfather (grandmother)];

Granddaughter – *Inanta aan awoowga (ayeeyada) u ahay* [Lit: the girl for whom I am the grandfather (grandmother)];

Nephew – *Inanka aan adeerka (abtiga, eeddada, habaryarta) u ahay* [Lit: the boy for whom I am the paternal (maternal) uncle/the paternal (maternal) aunt];

Niece – *Inanta aan adeerka (abtiga, eeddada, habaryarta) u ahay* [Lit: the girl for whom I am the paternal (maternal) uncle/the paternal (maternal) aunt].

4. Relatives by marriage

The vast majority of Somali kinship terms stand for relatives by blood. The much lower status of relatives by marriage (with the exception of husband and wife) has resulted in the existence of only a few corresponding terms:

Seeddi-ga – sister's husband or wife's brother;
Dumaashi-da – wife's sister or husband's sister;
Aayo/aaye-da – wife of paternal or maternal uncle;
Soddog-ga – wife's or husband's father;
Soddoh-da – wife's or husband's mother;
Dumaashi-ga – husband's brother or sister's husband;
Inanlayaal-ka – man who lives with his wife's clan¹.

All other relatives by marriage, for example, 'husband of mother's sister' or 'brother of husband's father' are usually called *xidid*, i.e. 'relative by marriage'.

5. The hierarchy of kinship

A Somali proverb goes: *Tol waa hal la qalay* – *Kinsmen are like [different] pieces of a she-camel's meat [some are good, i.e. important and some are bad, i.e. not important]*. In Somali traditional society with its dominant male lineage there are two prominent figures: a father and a paternal uncle. The latter plays an outstanding role in the upbringing of his nephews and takes the place of their father in the event of his death. The Somali custom *dumaal* directs him to marry his brother's widow, i.e. his sister-in-law (*dumaashi*). If the children's mother dies their father usually marries one of her younger sisters (*habaryar*). If all are married one of them takes the children into her family.

As for the 'value' of other relations it is well exposed in many pieces of Somali folklore. Here is one (English translation and the original text):

¹ Usually after marriage a husband takes his wife to stay with his clan.

Once there was a girl who wanted to learn the difference between her paternal brother, her maternal brother, her paternal cousin and her maternal cousin, so one day she suggested that they should all go to play at a place some way off. Halfway there she fell down and cried out that she had been bitten by a snake.

The boys stopped to decide what to do.

The paternal brother said: 'We aren't far from the place where we were going to play. Let's leave her here, play a while and then come back.'

The paternal cousin said: 'No, we have to take her home.'

The maternal brother said: 'We can't leave her here.'

The maternal cousin said: 'Let's carry her as close to the playground as we can and then come to see her from time to time.'

Having heard this the girl sprang to her feet and exclaimed:

'My paternal cousin takes good care of me

My maternal brother plays fair with me

My paternal brother thinks of play and not my care

My maternal cousin thinks the way's now here, now there!'

[Waxaa la yiri, gabadh baa damacday in ay kala ogaato walaaleheed iyo ina- adeerradeed.

– Ina kiciya, cayaarta ii raaca! – ayay ku tiri ina-adeerkeed, ina-aabbeheed, ina-hooyadeed iyo ina-abtigeed.

Meel dhexe markii la marayo ayay tiri:

– A - a - a - a, waa la i qaniinay! A - a - a - a, waa la i qaniinay!

Markaasay dhulka isku tuurtay.

Markaasaa wiilalshii isku jeesteen. Waxay yiraahdeen:

– War, see yeelnaa? Gabadhana kama tegi karno, cayaartiina waa dhowdahay.

Ina-adogeed aan ku habar ahayni wuxuu yiri:

– Aan kaga tagno meesha, intaan meel u dhow geyno aan u soo noqonno hadhow!

Ina-adeerkeed wuxuu yiri:

– Waxaasi hadal ma ahee gabadha aan qaadno.

Ina-hooyadeedna wuxuu yiri:

- *Marna yaynaan gabadha ka tegin, sina.*
- Ina-abtigeedna wuxuu yiri:*
- *Intaan qaadno oo meel u dhow cayaarta geynoo aan u soo noqnoqonno.*
- Gabadhana lama qaniinin e waxay rabtay in ay kala ogaato oo waa dhegaysanaysaa intaas hadalkooda. Markii danbe ayay inta iska kacday tiri:*
- *Ina-adeer, igama tage!*
- Ina-hooyow, ima huraan!*
- Ina-odow, oog-la-shiday!*
- Ina-abtow soo-noqnoqoy!]¹*

6. Vocative forms

It is interesting to note the existence in Somali of special forms of address between close kin belonging to different generations. While children address their father and mother in the usual way, calling them “*aabbe/aabbo*” (“father”) and “*hooyo*” (“mother”), the parents address their children using the same terms; thus the father calls his son and daughter “*aabbo*” (i.e. “father”), and the mother calls them “*hooyo*” (i.e. “mother”), usually together with their proper names. For example, a father can tell his son: “*Cabdi, aabbo, i sii waxan!*” [Lit: “Cabdi, father, give me this thing!”] and mother can appeal to her daughter: “*Shukri, hooyo, waxan ii qabo!*” [Lit: “Shukri, mother, keep it for me!”]. Sometimes “father” and “mother” are omitted and the name of the son is preceded by the word “*waryaa*”, which is used to get a man’s attention, while the name of a daughter follows the word “*naayaa*” which is used to attract a woman’s attention: “*Waryaa Cabdi, i sii waxan!*” [“Hey, Cabdi, give me this thing!”] or “*Naayaa Shukri, waxan ii qabo!*” [“Hey, Shukri, keep it for me!”]

Similarly, children call their grandparents “*awoow*” (“grandfather”) and “*ayeeyo*” (“grandmother”), but if there happen to be two members of this generation present (for example, father’s father and his brother, or

¹ [Kapchits 2006: 113-114].

mother's mother and her sister), a child, when addressing one of them, supplements "awoow" ("ayeeyo") with his or her name: "Awoow Yuusuf (Ayeeyo Maryam), waan baahan ahay!" ("Granddad Yuusuf /Granny Maryam, I am hungry!")

When addressing his grandson or granddaughter a grandfather calls them both "awoow", and a grandmother calls them both "ayeeyo". If there are several children, "waryaa" or "naayaa" and a proper name is used: "Naayaa Faadumo, ayeeyo, waxaan samee!" (Lit: "Hey, Faadumo, granny, do this!").

References

- Ibrizimow D., Porkhomovsky V. 2001. Towards a typology of kinship terms and systems in Afro-Asiatic (Hamito-Semitic): I. West Chadic and Modern South Arabian // *Afrika und Übersee*. Vol. 84. Pp. 161-184. [appeared 2003].
- Ibrizimow D., Porkhomovsky V. 2005. Etudes ethnolinguistiques en chamito-sémitique: termes et systèmes de parenté // Lonnet A., Mettouchi, A. (éds.). *Les langues chamito-sémitiques (afro-asiatiques)*. Vol. I. :Faits de langues, 26. Paris: Ophrys, 2005, pp. 269-290.
- Ibrizimow D., Porkhomovsky V. 2005b. Towards a Typology of Kinship Terms and Systems in Afro-Asiatic (Hamito-Semitic) – AAKTS II // *Studi Afroasiatici*. XI Incontro Italiano di Linguistica Camitosemitica. A cura di A.Mengozzi. Francoangeli. Milano.
- Kapchits G. 1998. *Qaamuuska maahmaahyada soomaaliyeed* {The Dictionary of Somali Proverbs}. Moscow.
- Kapchits G. 2002. *Hubsiiimo hal baa la siistaa* {To know something for sure one would even part with a she-camel}. *Somali Proverbs: A study in popularity*. Moscow.
- Kapchits G. 2005. *Sentence particles in the Somali language and their usage in proverbs*. Shaker Verlag. Aachen.
- Kapchits G. 2006. *Faaliyihii la bilkeyday* {A Soothsayer Tested}. *Somali Folktales*. Moscow.
- Zorc R. D., Osman M. M. 1993. *Somali-English Dictionary with English Index*. Kensington.

А. И. Коваль

«СИНЕЗИС» В ДИСКУРСЕ И ГРАММАТИКЕ ДИАЛЕКТА ФУЛЬФУЛЬДЕ-ДЖАМААРЕ¹

Цель настоящего сообщения – привлечь внимание к тому особому типу категоризации существительных по именному классу, который получил развитие в диалекте фульфульде-джамааре (восточная диалектная зона – Северный Камерун: Маруа и окрестные территории) и который не имеет точного аналога во всей массе диалектов языка пулар-фульфульде.

Как известно, ортодоксальным принципом именной морфологии пулар-фульфульде является регулярная выраженность категории именного класса в составе существительного: каждое имя, категоризованное по одному из именных классов, нормально получает соответствующую *аффиксальную* маркировку (точнее – маркировку *анлаутно-аффиксальную*, или *циркумфиксную*). Источником отхода от ортодоксальной ситуации являются заимствования, присутствующие, естественно, во всех диалектах пулар-фульфульде. И если с позиций грамматического канона можно говорить о «виртуальности» именного корня, практически не мыслимого вне аффиксальной оформленности, то заимствованные именные единицы способны выступать без материально выраженного показателя класса. Тем самым на фоне нормально оснащенных классными аффиксами имен встает проблема о грамматическом «врастании» внешних, заимствованных единиц в классификативную систему. Прежде чем сосредоточиться на специальном показе типологически примечательного случая в фульфульде-джамааре, где обнаруживается *особая стратегия* по соотносению безаффиксных инноваций с системой, вначале в обобщающем виде дадим представление об **общеязыковых** принципах интродукции («имплантации») заимствований в классификативную систему.

¹ Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой».

Для этого воспользуемся примером архаического (прослеживаемого во всех диалектах) лексического заимствования из (скорее, чем через) сараколе (сонинке) *kufne* 'головной убор, шапка-ермолка'. Пан-диалектное обобщение позволяет выделить три типовых маршрута адаптации:

- (A) *kufne*, класс **O** (pl. *kufnee-ji* **DI**) (с возможной версией *kufine* **O**, pl. *kufimee-ji* **DI**);
- (B) *kufna*, класс **KA** (с возможными версиями *kufna* **O**, *kufina* **KA** ~ **O**);
- (C) *huf(u)nee-re*, класс **NDE** (pl. *kuf(u)nee-je* **DE** ~ *kuf(u)ne* **DE**).

Напомним, что эти несовпадающие результирующие категоризации составляют не просто разные словарные характеристики существительного, но определяют его грамматико-дискурсное поведение, в том числе правила согласования и прономинализации. Так, следуя общим правилам функционирования классификативной системы, согласованная именная группа 'новая белая шапка' в диалектах принимает вид, соответствующий каждому из указанных типов классной локализации заимствования:

- (A) *kuf(u)ne* *danee-jo* *kes-o*
шапка белая-Cl.**O** новая-Cl.**O**;
- (B) *kuf(i)na* *ndanee-ha* *kes-a*
шапка белая-Cl.**KA** новая-Cl.**KA**;
- (C) *huf(u)nee-re* *ranee-re* *hes-re*
шапка белая-Cl.**NDE** новая-Cl.**NDE**.

Технически сложные (циркумфиксные) модели классооформления атрибутов при согласовании свидетельствуют об особой важности классификативного статуса вершинного имени (даже если таковое и не имеет выраженного маркера класса).

Сравнивая вид существительного, прошедшего в диалектах тремя разными адаптационными путями, видим, что в случае (A) осво-

енное слово наиболее приближено к форме источника и трактуется морфологически как безаффиксное, или, точнее, как форма с нулевым показателем класса (kufne-Ø). Следуя широко распространенной в языке (известной всем диалектам) стратегии безаффиксной адаптации заимствованных имен, формы с морфологической структурой <R-Ø> автоматически определяются по лично-сингулярному классу **О**. В роли главного «поглотителя» заимствований данный класс в принципе индифферентен к виду исхода слова. Участие лексической семантики в этом процессе ограничивается лишь тем, что заимствования, обозначающие человека, могут адаптироваться тем же путем. Что касается неличного **О**-подкласса, то он принимает самую разнообразную лексику, как конкретную, так и абстрактную. Таким образом, стратегию адаптации данного типа можно определить как *механистическую*.

При адаптационном типе (В) слово фонетически осваивается с конечной *..a*-огласовкой, что позволяет говорящим трактовать форму как относящуюся к классу **КА**. Единичные примеры грамматической категоризации заимствования на основании случайного сходства его конечного сегмента с показателем могут встретиться в разных классах, но для класса **КА** это особенно типично: практически во всех диалектах пулар-фульфульде этот класс выступает, в большей или меньшей мере, как средоточие имен на *..a*. Поскольку сегмент *..a* не является истинным аффиксом (на что в нашем примере указывает как его сохранение в плюралисе с наращением – вместо нормальной подстановки – плюрального показателя, так и возможность отмеченной альтернативной категоризации), данная адаптационная стратегия может быть определена как *квазиаффиксальная (осуществляемая через квазиаффикс, более узко – через КА-квазиаффикс)*.

Тип (С) показывает самую высокую степень морфологической адаптации – форма не только оснащена (конечным) классным аффиксом, но даже и отрегулирована по ступени корневого начального: начальный смычный подвергся (закономерной для класса **NDE**) фриктивизации, соотносимой – также закономерно – во множественном числе (класс **DE**) со степенью смычного. Такое подведение под морфонологический канон проходит, что характерно, не без участия се-

мантики: в нашем случае выбор конкретного сингулярного класса определяется доминантным семантическим **NDE**-признаком ‘*округлый*’ (поскольку речь идет о ‘ермолке’). Выбор принимающего класса, конечно, индивидуально зависит от конкретной лексемы, а в общем плане данный тип может быть определен как *морфологизующая стратегия адаптации*.

Все показанные типы стратегий – механистическая, квазиаффиксальная и морфологизующая – фиксируются в самых разных диалектах, и это говорит о том, что данные типы давно сложились и устоялись в языке пулар-фульфульде. С учетом этого общезыкового фона нам предстоит рассмотреть еще один тип, нашедший отражение в диалекте джамааре.

Рассматриваемые далее факты базируются на данных «Фульфульде-французского словаря» Доминика Ноа [Noye 1989]. Это весьма обстоятельный словарь (в объеме XV + 425 с.), выдержанный – что существенно – строго в рамках диалекта фульфульде-джамааре. Тотальный просмотр словаря выявил значительное число безаффиксных субстантивных единиц, разнообразно соотносимых с именными классами (при подаче диалектных фактов страницу источника указываем лишь в случаях затрудненного поиска примера по словарю).

Сразу отметим, что в диалекте фульфульде-джамааре показанные типы адаптационных стратегий, унаследованные от языковой общности, также находят свои проявления. Немалое число субстантивных лексем (в основной массе – заимствования из арабского) категоризируются по классам **О** и **КА**, например:

fajiri О ‘раннее утро, заря’,	dawa КА ‘чернила’,
hakke О ‘долг’,	haala КА ‘речь’,
lahan О ‘ошибка, ляпсус’,	barka КА ‘благословение’,
wakkati О ‘время, момент’ и др.;	diina КА ‘религия’ и др.

Формальные основания для разграничения классов (вид исхода слова) здесь, как видим, не расходятся с общезыковыми; то же можно сказать и о возможных альтернативах в определении класса,

допускаемых диалектной нормой (ввиду общей индифферентности класса **О** к исходу заимствованного слова), например:

daliila **О** или daliila **КА** ‘причина, основание’,
himma **О** или himma **КА** ‘рвение, усердие’ и др.

В то же время следует указать на некоторое снижение продуктивности моделей по адаптации заимствований через классы **О** и **КА**, что в целом объясняется тем, что в диалекте джамааре (как и в других идиомах восточной зоны) возникло *конкурирующее* средство по локализации заимствований – в виде местного сингулярного класса **NGA**, получившего широкое развитие начиная от центральной диалектной зоны (в области Масина **NGA** сохраняет способность свободно варьировать с прототипичным **БА**) и далее по всей восточной зоне до Судана включительно (где **NGA** практически вытесняет **БА**). На особенностях класса **NGA** мы здесь не останавливаемся, поскольку в целом его роль как реципиента («поглотителя») заимствований не имеет принципиальных отличий от упомянутых общефульских стратегий: в класс **NGA** определяются единицы с конечной *..a*-огласовкой (то есть через *квазиаффикс*, аналогично **КА**-категоризации¹), а также и разнообразные другие (индифферентно к исходу слова, аналогично общефульской **О**-категоризации). Ограничимся лишь единичными примерами данных подтипов:

leeda **NGA** (от английского *leather*) ‘пластиковый пакет, мешок’,
lamba **NGA** (от английского *number*) ‘номер; метка размера; дорожный знак’,
fawda **NGA** (от английского *powder*) ‘порошок, пудра’;
baruudu **NGA** (из арабского) ‘порох’,
sooso **NGA** (из хауса) ‘растительная губка, люфа’;
saafi **О** или **NGA** (из хауса) ‘магия’.

¹ Заслуживает внимания, что исследователь самого восточного – суданского диалекта фульфульде, сопоставляя интегрирование заимствований в классы **КА** и **NGA**, оценивает локализацию в классе **КА** существительных, оканчивающихся на *..a*, как феномен «старый» и «классический» [Abu-Manga 1986: 97, 103].

Специальный интерес для нас представляют те факты джаамааре, которые указывают, что норма этого диалекта допускает существование имен, не принимающих никакой формально-морфологической классной маркировки и в то же время категоризуемых по тому или иному из многочисленных именных классов. Сведение этих данных в единое поле исследования позволяет усмотреть роль *лексической семантики*, с опорой на которую осуществляется классификация «безаффиксных» существительных.

Отбор и группировку относящихся сюда фактов начнем с наименований *дней недели* (арабский источник). Выступая в контексте, требующем согласования по классу, имя дня недели ведет себя как существительное класса **NDE**; см. оформление согласованных причастий потенциального вида от глагола активного залога *war-/(n)gar-a* ‘прийти, приходить’:

Mi-don nukr-a dill-u-go **altine** *war-an-nde*
 я-COP полагать-Progr.Act пойти-Act-Inf **понедельник** прийти-Pot-Cl.**NDE**
 ‘Я предполагаю отправиться в будущий (букв. приходящий) понедельник’. [Noye 1989: 266]

Salaasa *war-an-nde* mi-don dill-a jahaangal
вторник прийти-Pot-Cl.**NDE** я-COP пойти-Progr.Act путешествие.NGAL
 ‘В будущий вторник я отправляюсь в путешествие’. [Noye 1989: 266]

В точности такое же согласование по классу демонстрируют и перфективные причастия от медиального глагола *saal-/caal-oo* ‘проходить, миновать’:

altine saal-ii-nde ‘прошлый (минувший) понедельник’,
altine saal-it-ii-nde ‘позапрошлый понедельник’ (производный глагол *saal-/caal-it-oo* ‘проходить второй раз’).

Вполне идентичный классификативный **NDE**-статус видим и у имен прочих дней недели, также не содержащих морфологического показателя класса, например: *alad warannde* ‘будущее воскресенье’,

alarba saaliinde ‘прошлая среда’, alarba saaliitiinde ‘позапрошлая среда’.

Источником **NDE**-классификации этих имен с несомненностью служит гипероним *nyannde* **NDE** ‘день’, по отношению к которому конкретные имена дней, составляющих неделю, являются гипонимами. Наследуемая от гиперонима классная категоризация при функционировании гипонимов в речи ярко проявляется, как мы видели, при согласовательном процессе. Имея в виду такой тип согласования, детерминируемого лексической семантикой контролера, а не его формой, здесь и используем – с известной мерой условности – термин «синезис» («согласование по смыслу»).

Аналогичная ситуация наблюдается и в другой группе календарной лексики: частные наименования *месяцев*, оставаясь морфологически не маркированными по классу, копируют грамматический статус гиперонима – общефульского *lewru* **NDU** ‘луна, месяц’ (pl. *lebbi* **DI** ‘месяцы’). Этот прием распространяется на обозначения месяцев как по лунному мусульманскому календарю, так и по календарю европейскому (юлианскому). Для терминов арабского происхождения, имеющих в фульбской среде более глубокую традицию, норма допускает альтернативную категоризацию – либо по классу **NDU** (семантический канал), либо по классу **O** (механистический канал). Двойственную классификацию имеет, например, имя девятого месяца мусульманского года – *suumaɲe* **NDU** vs. **O** ‘месяц поста, рамадан’, что соответственно отображается в допустимых согласовательных вариантах:

suumaɲe *waran-ndu* vs. *suumaɲe* *garan-do* ‘будущий (грядущий) рамадан’.

Такой же альтернативой классов помечен в словаре и ‘первый месяц’ – *haaram* **NDU** vs. **O**; симптоматично, однако, что гонорифические эпитеты этого месяца выдержаны в форме класса **NDU**, например, [*haaram*] *darjidiinaandu* ‘досточтимый [месяц харам]’ (перфективно-пассивное причастие *darj-id-in-aa-ndu* – при глаголе *darjidiin-a* Act ‘почитать’ – может также выступать и как субстанти-

вированное обозначение данного месяца). Судя по совокупности имеющихся данных, **NDU**-классификация носит преобладающий характер для имен месяцев; в частности, ряд наименований базируется на субстантивированных эпитетах в форме именно этого класса. Так, название седьмого месяца мусульманского года (трудно поддающееся точному переводу) включает потенциально-пассивное **NDU**-причастие – *suumeteendu* waawbe ‘предлагающий-пост могущим’, т.е. ‘[месяц] во время которого постятся те, кто могут’.

Что же касается наименований «европейских» месяцев (*yunaɣiɪr* ‘январь’, *febrayir*, *maaris*, *apriil*, *maayu* etc.), то они практически все в словаре Д. Ноа снабжены классификативной пометой **NDU** (отсутствие отдельной статьи «novembig» составляет, очевидно, лишь технический недочет – см. на стр. 223 статью LEWRU ‘луна // месяц’, где перечислены все «лунные» и все «европейские» месяцы в их календарном порядке).

Следует обратить особое внимание на то, что именные концепты, способные выступать в обозначенной роли гиперонимов, как правило, относятся к числу *общефульских* слов, обладающих высокой *классификативной устойчивостью* в диалектах. Этот принцип сохраняет силу и в случае наблюдаемых поверхностно-фонетических расхождений. Так, слово-концепт ‘звезда’ имеет в джамааре вид *hoorre* **NDE** (pl. *koode* **DE**), где находит отражение регрессивная ассимиляция на морфемной границе – в отличие от известной многим диалектам формы *hoodere* **NDE** (pl. *koode* **DE**), где морфемная граница обеспечена анаптистическим элементом *e*; классификативный же статус этой лексической единицы (**NDE**) повсеместно абсолютно устойчив. В фульфульде-джамааре *hoorre* **NDE** ‘звезда’ как гипероним сообщает свой статус безафиксным наименованиям *звезд*, а также и планет, чьи названия (из арабского) известны говорящим, сведущим в астрономии: *surifa* **NDE** ‘звезда созвездия Льва’, *udaridu* **NDE** ‘Меркурий’, *zupal* **NDE** ‘Сатурн’, *mustari* **NDE** ‘Юпитер’ и др. (Названия созвездий, как и следовало бы ожидать, чаще всего имеют морфологию класса **DE**, что мотивировано плюральным *koode* **DE** ‘звезды’, ср. отыменные номинации: *nyiiwaa-je* ‘Большая Медведи-

ца', букв. 'слоновьи [звезды]' от *nyiiwa* 'слон'; *yaagee-je* 'Скорпион', букв. 'скорпионовы [звезды]' от *yaage* 'скорпион').

В этом же лексическом поле следует рассматривать и многочисленные названия для определенных временных периодов – так называемых «лунных стоянок», или «домов луны» (*mansions lunaires*), обособление которых существенно для разграничения сезонов года и определения сроков сезонно-хозяйственных работ. Как покажут примеры, эти термины вполне последовательно используются без аффиксального показателя и при этом категоризируются по классу единообразно:

ngifir **NDE** (= *юлиан.* 22 сентября – 4 октября);
zamnaan **NDE** (= *юлиан.* 5 – 17 октября);
ikliil **NDE** (= *юлиан.* 18 – 30 октября);
kalba **NDE** (= *юлиан.* 31 октября – 12 ноября);
sawla **NDE** (= *юлиан.* 14 – 25 ноября) и др. под.

NDE-классификацию таких единиц можно относить за счет влияния со стороны *hoorre* **NDE** 'звезда', подтверждением чему служат определенные языковые факты. Так, иногда значения звезд и лунных периодов совмещаются в лексической единице (как в случае ранее упомянутого *surifa* **NDE**, обозначающего и звезду, и августовский период в начале *yaamnde* – сезона урожая). Существуют особые присловья, закрепленные за именами «лунных стоянок», и среди этих паремий встречаются такие, которые непосредственно включают слово *hoorre* 'звезда'. В частности, первое из приведенных имен, *ngifir*, сопровождается устойчивой коллокацией: *ngifir, hoorge pinndi* 'нгифир, звезда цветения' (о цветении хлопка, в частности); период *sawla*, связанный со звездами хвоста Скорпиона, которые видны в начале холодного сезона, иначе именуется перифрастическим *hoorge jaangol* 'звезда холода'. Следует еще отметить особую лексическую единицу того же именного класса – *sa'du* **NDE**, которая вообще обозначает ту или иную *звезду-знак* и в этом качестве участвует в именовании ряда периодов, как например: *sa'du jaabiha* (= *юлиан.* 22 декабря – 3 января), *sa'du bal'a* (= *юлиан.* 4 – 16 января) и др. Приве-

денные свидетельства говорят в пользу того, что лексикализуемые лунные периоды эмпирически увязаны с маркирующими (видимыми) звездами, ввиду чего лексико-грамматическое поведение имен данного ряда и опосредуется словом-понятием *hoogre NDE* ‘звезда’.

Не может не привлечь внимания обширная группа словарных единиц, с достаточной регулярностью помечаемая именным классом **NGOL**. Эту группу составляют названия арабских букв, адаптированные в фульфульде (отправляясь от арабских прототипов) в безаффиксном виде. Тот же класс получают и производные, обозначающие графические версии букв, см. примеры:

aliifi NGOL – буква *алиф* арабского алфавита;

siini NGOL – араб. *sīn* (s),

siinarra NGOL – та же буква в изолированном положении;

laamu NGOL – араб. *lām* (l),

laamarra NGOL – та же буква в изолированном положении,

laamlamu NGOL – удвоенная буква *lām*;

jiimi NGOL – араб. *jīm* (j),

jiimarra NGOL – та же буква в конечном или изолированном положении, etc.

NGOL-классификация этих единиц не ограничивается лишь декларативной постановкой метаобозначения класса при слове: в контекстах, требующих согласования, буквенные наименования ведут себя как обычные имена класса **NGOL**. Согласовательный процесс отображается, в частности, в специфицирующих (адъективных или причастных) определениях типа следующих:

aliifi balee-wol буквально ‘алиф черный’, что указывает на долготу /a/,

aliifi bodee-wol буквально ‘алиф красный’, что указывает на долготу /a/ и /e/

(участвуют адъективные основы *balee-* ‘черный’ и *wodee-* /*(m)bodee-* ‘красный’);

siini tob6u-**ngol** – араб. chīn (ch), в отличие от sīn (s)
 (ср. глагол tob6-a ‘капать; ставить диакритические точки’);
 laamu pel-**ngol** – араб. lām (l) с крюковидным элементом, показывающим удлинение
 (ср. глагол fel-/pel-a ‘отщеплять’).

Приведенные примеры свидетельствуют о тесной связанности графических обозначений с классом **NGOL**. Однако вопрос о гиперониме, сообщающем именам букв данный классификативный статус, не самоочевиден. Ввиду конфигурации арабских графических знаков приходится также отнестись скептически к возможному объяснению классификации как опирающейся на доминантный для класса **NGOL** семантический признак ‘длинный’ (примеры такого подтипа будут показаны позднее). Учитывая повышенную значимость арабской грамоты в культуре фульбе, представляется правдоподобным приписывать функцию гиперонима общефульскому **binn-dol NGOL** ‘письмо’, обозначающему и процесс письма, и его продукт – ‘нечто написанное, письмена’ (ср. глагол, также общефульский, winnd-/(m)binnd-a ‘писать’). Весьма вероятно, заметим, что к полю действия данного гиперонима относятся еще и безаффиксные имена, номинирующие *текст*, как например: jiido **NGOL** ‘первая сура Корана’, niisa **NGOL** ‘четвертая сура Корана’.

Здесь уместно подчеркнуть, что гипероним удовлетворяет не только уже упомянутому критерию, по сути формальному (*классификативная устойчивость* в диалектах), но еще и критерию *содержательному*: в общем случае гиперонимы, проявляющие способность сообщать свой статус гипонимным инновациям, обозначают важные для этнокультуры сущности; в первую очередь это отмеченные понятия, связанные с этническим миропониманием, и сущностные реалии, коренящиеся в этническом опыте. Соблюдение данного принципа прослеживается как в уже рассмотренных гиперогипонимических рядах, так и в тех фактах, которые будут приводиться далее.

Так, основными составляющими фульбского пищевого рациона являются *молоко*, *каша* (варево из зерновых), *соус* (подлива, сдabri-

вающая кашу). Исследование лексики джамааре показывает, что классная трактовка гипонимных имен из числа не имеющих формального маркирования обеспечивается их смысловой связью с общефульскими именами указанных «этнопищевых» составляющих: *kosam* **DAM** ‘молоко’, *nyiiṛi* **NDI** ‘каша’, *haako* **KO** – букв. ‘листва’, метонимически ‘соус [на зеленой основе]’, расширительно ‘соус’ вообще. Вот несколько примеров, иллюстрирующих, как видовое слово копирует класс родового, имеющего полноценную морфологию.

Гипероним (общеф.) *kos-am* **DAM** ‘молоко’ – ср. безаффиксные гипонимы:

kinndirmu **DAM** (из хауса) ‘кислое молоко, кефир’,
ndagasi **DAM** (из хауса) ‘молозиво’ (стр. 69)¹;

гипероним (общеф.) *nyii-ri* **NDI** ‘каша’ – ср. гипонимы:

basiise **NDI** ‘рисовая каша на молоке’,
cargam **NDI** ‘каша, похлебка из сорговой муки’;

гипероним (общеф.) *haako* **KO** ‘листва; соус’ – ср. гипоним:

selekiya **KO** ‘съедобные листья растения *Hibiscus articulatus*’.

Учитывая лексическую обособленность гиперонимных существительных, не приходится удивляться тому, что в одном именном

¹ Для обозначения ‘молозива (*colostrum*)’ словарь Д. Ноа приводит еще и другую форму – *kanndi* ‘colostrum, молоко первого дня после родов’ с атрибуцией по классу **DAM** и с указанием на заимствование из языка хауса [Noye 1989: 201]. Здесь, однако, решительно необходим уточняющий комментарий, фиксирующий исконный и общефульский характер лексемы *kanndi* (класс **NDI**) ‘молозиво’, которая имеет закономерную языковую форму, отражает закономерную семантику (в том числе и в классификативном отношении) и документируется во всех диалектных зонах пулар-фульфульде (см. более подробное обсуждение этого вопроса в [Коваль 2008: 352-354]). Таким образом, данная единица не имеет прямого отношения к обсуждаемой теме; что же касается «избыточного» заимствования *ndagasi* ‘молозиво’, то оно, следуя уже разработанной в диалекте семантической стратегии, получает свой классификативный статус по образцу общефульского *kosam* **DAM** ‘молоко’.

классе может наличествовать более одного гиперонима, детерминирующего классную принадлежность соответствующих имен-гипонимов. Такая ситуация нам уже встречалась при обсуждении двух лексических групп – имен *дней недели* и имен *звезд*: каждая из групп получала свой объяснительный гипероним, соответственно – **nyannde** ‘день’ и **hoorre** ‘звезда’ – при том, что тот и другой категоризованы идентично, по классу **NDE**. Ряд подобных примеров можно продолжить с привлечением новых данных. Так, наряду с только что показанным гиперонимным словом **nyiri NDI** ‘каша’, способность служить гиперонимами проявляют и другие общефульские имена того же класса:

njamndi NDI ‘железо, металл’ – ср. безаффиксные гипонимы **dalma NDI** (из хауса) ‘свинец’, **holo-holo NDI** ‘легкий металл, алюминий’;
lesdi NDI ‘земля, страна’ – ср. безаффиксное **Misra NDI** ‘Египет’.

В классе **NDU**, кроме рассмотренного **lewru** ‘луна, месяц’, как гипероним функционирует также общефульская лексема **henndu NDU** ‘ветер’, способная сообщать **NDU**-статус названиям ветров конкретного типа; примером этого может служить безаффиксное **kaaguwa NDU** ‘холодный ветер на исходе дождливого сезона, дующий с севера, но не несущий песчаного марева’.

Представляется небезынтересным проследить аналогичные процессы в именной лексике, категоризируемой по классу **DAM**. До сих пор мы упоминали категоризирующую роль слова **kosam DAM** ‘молоко’, но данные джамааре позволяют различать несколько безаффиксных групп, классификация которых мотивируется разными гиперонимами этого класса. Общее **nebbam DAM** ‘[растительное] масло’ несет ответственность за классификацию таких слов как:

mannja DAM (из хауса) ‘пальмовое масло’,
fumat DAM (от английского *pomade*) ‘мазь, помада’,
kalanjir DAM (от английского *kerosene*) ‘керосин’.

Понятийно-смысловая связь здесь очевидна, в том числе и в отношении последнего слова *kalanjir* ‘керосин’, отражающего связанность на уровне реалий (*керосин* пришел на смену *маслу* в традиционных светильниках-каганцах) и поддержанного полисемичностью самого гиперонима. При базовом значении *nebbam DAM* ‘растительное масло’ (см., например, генитивные словосочетания *nebbam biriji* ‘арахисовое масло’, *nebbam biyue* ‘хлопковое масло’) развивается еще и вторичное значение *nebbam DAM* ‘минеральное масло, керосин’. См. реализованную полисемию в контексте:

nebbam dam waalan mo ‘il a assez de pétrol pour la nuit’ (стр. 367) (пословно ‘керосина этого хватит-на-ночь ему’).

Еще одну **DAM**-группу (более проблемную) образуют следующие безаффиксные имена:

mannda DAM (из канури) ‘соль’,
sukkar DAM (из европейских языков) ‘сахар’,
kilbu DAM ‘сода, природный натр’.

Фиксируемые согласовательные контексты убедительно подтверждают заявленный классификативный **DAM**-статус, например: *kilbu laacii-jam* букв. ‘ворсистая сода’ (специфицирующий эпитет в форме класса **DAM** – производный от *laaci* ‘ворс, шерсть’), *kilbu kugoogi-jam* ‘порошковая сода’ (аналогично, от *kugoogi* ‘мука’). Также не вызывает сомнений и концептуальная связь членов лексической группы, подтверждаемая для джамааре особой устойчивой коллокацией для обозначения *сахара* – *mannda sukkar*, букв. ‘сахарная (сладкая) соль’. Однако в словаре джамааре не обнаруживается источник, мотивирующий классификацию этих имен по классу **DAM** (классу – напомним, – для которого типичен семантический признак ‘жидкое вещество’). Представляется, что роль гиперонима для данной группы безаффиксных следует приписать слову **lamdam DAM* ‘соль’ – слову исконному (ср. общефульский глагол *lamm*-а ‘стать/быть соленым, горьким, острым’) и имеющему самое широкое распростране-

ние в диалектах за пределами восточной зоны (в рамках нашей темы нет ни возможности, ни насущной необходимости обсуждать исторические мотивы, предопределившие данную локализацию слова в классной системе). В восточных диалектах (включая и фульфульде-джамааре), lamdām DAM как обозначение ‘соли’ оттесняется на периферию словоупотребления и постепенно стирается, будучи вытесняемо заимствованием mannda. Принимая данное объяснение, констатируем, что и «уходящий» гипероним может оставить свой след в актуально наблюдаемой классной категоризации заимствования.

Среди ядерной лексики класса **DAM** ведущее место принадлежит общему слову ndiyam **DAM** ‘вода’, обозначающему онтологически важнейшее понятие, вполне прозрачно отвечающее признаку ‘жидкий (= водообразный)’. В своем «вещественном» значении эта лексема (метонимически означающая также и ‘дождь’) кажется слабо задействованной в процессы гиперо-гипонимической категоризации, – ср., однако, случай alme **DAM** (от арабского ‘вода’) [‘тамариндовая] вода’ (в названии напитка alme arder – ‘сладкая приперченная вода, настоящая на стручках тамаринда’). В то же время необходимо принять во внимание присутствующую в словаре джамааре еще одну группу безаффиксных, обозначающих *алкогольные напитки*, в том числе:

mbal **DAM** (из канури?) ‘пиво; алкогольный напиток (вообще)’,
giya **DAM** (из хауса) ‘просяное пиво’,
samcam **DAM** ‘вид браги местного изготовления’.

Исходя из общих этнокультурных позиций, бесполезно искать в общефульском словаре гипероним, который бы обозначал *алкоголь*, и любые наименования алкогольных напитков представляют собой местные инновации – заимствования из контактирующих языков. Этот факт, однако, не снимает задачи осмысления причин, обуславливающих **DAM**-классификацию соответствующих терминов джамааре. Здесь напрашиваются две интерпретации, равно возможные: либо такие имена категоризируются (с эвфемистическим подтекстом) по образцу общего понятия ndiyam ‘вода’, либо их классификация

продиктована ориентацией прямо на доминантный классификативный признак ‘жидкость’.

Последняя версия находит косвенную поддержку в том, что словарь джамааре отражает и другие случаи классной категоризации безаффиксных заимствований с опорой непосредственно на семантические признаки классов – с тем условием, чтобы данный признак был бы если не абсолютным, то «сильным», доминирующим в лексическом пространстве класса. Это уже несколько иная стратегия интродукции, но близкая к гиперонимной, поскольку осуществляется она тоже с опорой на семантику. Классная категоризация безаффиксных имен по доминантному *семантическому* (классификативному) *признаку* действует в джамааре менее продуктивно, поэтому ограничимся лишь несколькими примерами.

Так, по доминантному для класса **NGOL** признаку ‘длинный’ к этому классу причисляются существительные, номинирующие предметы соответствующей формы (особенно тонкие или узкие), как, например, *landi NGOL* ‘красная нить’ или *lunngu NGOL* (из хауса) ‘узкий проулок, тесный проход меж двух стен’ (отметим, что для последнего примера норма допускает и аффиксальный вариант *lunngu-wol NGOL* – то есть форму, прошедшую стадию морфологизации). Подобным же образом «сильный» для класса **NDE** признак ‘округлой формы’ объясняет категоризацию арабизма *dirham NDE* ‘серебряная монета, талер’, а признак ‘растение ~ дерево’, преобладающий в классе **KI**, – категоризацию такого существительного как *baŋŋo KI* ‘индийская конопля (*Cannabis indica*)’. Чаще других классов в этом процессе участвует уменьшительный класс **NGEL**, который на общепульском уровне вообще не имеет собственной лексической конгломерации, а служит лишь средством порождения диминутивных форм, то есть производных имен с признаком ‘маленький’. Именно благодаря его доступности к участию в категоризации безаффиксных существительных, этот класс в восточной зоне накапливает лексику, которая формально не относится к производным диминутивам. В фульфульде-джамааре по данному классу могут категоризоваться заимствованные существительные, обозначающие *малые* сущности, как, например, европеизм *minti NGEL* ‘минута’, *guntu NGEL* (из

хауса) ‘клочочек, обрывок (ткани, бумаги), окурок’, ngalum NGEL ‘рыболовный крючок’ и другие.

Сообщенные факты в целом позволяют сделать вывод об особой *лексико-семантической* стратегии, которой следуют в диалекте фульфульде-джамааре *безаффиксные* заимствованные имена при их «встраивании» в принимающую грамматическую систему, конкретно – в систему именных классов. Наибольшую специфику диалекта составляет продемонстрированный способ *гиперо-гипонимической* адаптации, нацеленный на копирование классификативного статуса гиперонима. Чтобы иметь возможность полномерно оперировать субстантивным словом, не приобретшим формального морфокодирования, говорящий, владеющий словом, должен осознавать его причастность к надлежащей гиперо-гипонимической связи и держать это в памяти. Как следует из показанных данных джамааре, классификация по гиперониму охватывает либо лексически ограниченные поля, либо разрозненные единицы, соотносимые с гиперонимами различных классов. Объем относящегося сюда материала достаточно значителен (наш перечень примеров заведомо неполон и мог бы быть продолжен), как значителен и состав именных классов, причастных адаптации гиперо-гипонимического типа.

Заметная прогрессирующая тенденция в развитии этих процессов еще более усиливает контраст между ситуациями в джамааре и в других диалектах пулар-фульфульде, для которых в принципе не характерны приемы классификации безаффиксных путем копирования статуса гиперонима. Стоит немалого труда искать в других ареалах вполне аналогичные случаи, пусть даже и существующие в порядке исключения. Укажем лишь на один такой случай-исключение из другой – центральной диалектной зоны. В диалекте фульфульде-масина (Мали), где широко используются первоначально оговоренные *обшефульские* адаптационные стратегии, выделяется группа аффиксально не маркированных имен, единообразно категоризируемых по лексико-семантическому каналу – через смысловое соотнесение с гиперонимом *haako KO* ‘листва; соус’, а именно: *maafe KO* (из манден) ‘соус’, *hou KO* (из сонгай) ‘соус, приправа’, *faku KO* (из сонгай) ‘зеленой соус на основе растения *Corchorus* sp.’. Существенно, что

данная модель интродукции в систему стоит в диалекте масина особняком и на общем фоне производит впечатление скорее грамматической аномалии.

Обобщая, следует подчеркнуть, что описанные нами типы адаптационных стратегий – общеязыковые стратегии, с одной стороны, и диалектная, с другой – имеют весьма различный эффект, когда речь идет о погружении интродуцированного имени в речевой поток или текст. Подключение правил грамматического поведения существительного в том и другом случаях значительно различается по уровню сложности для носителя языка (а тем более – для изучающего язык). Текстовое поведение имен, которые следуют общеязыковым стратегиям адаптации, определяется в общем случае формальной морфологией интродуцированного имени: при механистической стратегии с нулевым классным показателем имя следует правилам класса **О** (vs. **NGA** в джамааре), при квазиаффиксе, в частности, при финальном **.a** – правилам класса **КА** (vs. **NGA** в джамааре), при полной морфо(но)логической адаптации имени – правилам класса, соответствующего приобретенному показателю.

Что же касается процедур, связанных с лексико-семантической стратегией типа джамааре, то для них не удастся сформулировать подобных экононых предписаний, поскольку здесь на выходе видим целый спектр возможностей с включением чуть ли не всех классов системы. Действительно, материальное отсутствие в именах классного маркера (а это единственная формальная черта, общая для имен, участвующих в таких процедурах) еще не решает проблемы их категоризации, а следовательно, не решает и вопроса о правилах их дискурсно-грамматического поведения. Категоризация разрешается лишь с учетом индивидуальной лексической семантики единицы и далее – через понятийную связь с именным классом, каковая в большинстве случаев опосредуется соответствующим репрезентативным именем. Опосредующее имя, тем самым, выступает в роли фактора, определяющего дискурсно-грамматическое поведение вводимого в систему слова. Материалы диалекта фульфульде-джамааре указывают на особую значимость связи интродуцируемого имени с обще-

фульским гиперонимом – устойчиво классифицированным и важным словом-понятием, в котором конденсирован этнический опыт, этническое мировидение и культурно-аксиологические представления фульбе.

Литература

- Коваль А. И. 2008. Классификативная семантика и деривация имен в пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.
- Abu-Manga Al-Amin. 1986. Fulfulde in the Sudan: Process of Adaptation to Arabic. Berlin.
- Noye D. 1989. Dictionnaire Foulfouldé — Français. Dialecte Peul du Diamaré, Nord-Cameroun. Paris.

Maria Konoshenko

TONAL SYSTEMS OF NOUNS IN GUINEAN AND LIBERIAN KPELLE

The Kpelle language belongs to the South-Western group of the Mande language family. When dealing with Kpelle, a problem arises: are we dealing with one or two languages? According to [Gordon 2005], the ethnic group of Kpelle is represented in Liberia (about 500,000 people) and in Guinea (about 300,000). As the Summer Institute of Linguistics puts it, Kpelle is a macrolanguage while Liberian and Guinean Kpelle should be considered as two separate languages [Gordon 2005]. According to Valentin Vydrin, Kpelle is a language continuum with smooth modifications [Vydrin 2006: 27]. In the present paper I am not going to deal with this problem. I will refer to Kpelle as one single language including Liberian and Guinean groups of dialects, in other words, Liberian and Guinean Kpelle.

Liberian Kpelle has been described quite well during the last forty years. There are numerous works by William Welmers, a manual for the US Peace Corps [Thatch & Dwyer 1981], and several modern dictionaries where tones are marked ([Winkler 1997], [Leidenfrost & McKay 2005], the latter includes a short sketch of grammar). As for Guinean Kpelle, one can find its descriptions in two grammars [Casthelain 1952] and [Lassort 1952], there is also quite a big dictionary [Leger 1975]. Unfortunately, none of the publications on Guinean Kpelle has tonal marks.

I am going to analyze basic tonal patterns of nouns found in Liberian and Guinean dialects of the Kpelle language. The Guinean data for this

article were collected by myself during a field trip to Guinea, organized by Valentin Vydrin, in January-March 2008¹.

Some notes on the terminology. One TONE is assigned to one SYLLABLE, except the case of a *floating tone* which has no segmental base, but affects the tonal pattern of the next morpheme. H stands for a high tone, L for a low tone, M for a mid tone, HL for a falling tone, hyphen for a syllabic boundary. However, not only tones *per se* are important for the phonological system in Kpelle, but also fixed tonal sequences, namely TONAL PATTERNS². I will also distinguish *contour* and *level* tones (and tonal patterns), where the former are characterized by a pitch change (for example, HL for tone and/or monosyllabic tonal pattern; H-HL for bisyllabic tonal pattern), while the latter are not (H, H-H, L-L).

All simple words (i.e. not compound, consisting of single morphemes which have mostly mono- or bisyllabic exponents) in Kpelle form several groupings according to the tonal patterns which are assigned to these words lexically. Such groupings will be referred to as TONAL CLASSES.

1. The Proto-South-West Mande tonal system

David Dwyer reconstructs 5 tonal classes in the Proto-South-West Mande language (PSWM):

(1). TONAL CLASSES IN PSWM

- 1). cǎ, cǎcǎ
- 2). cǎ, cǎcǎ
- 3). cǎ, cǎcǎ
- 4). cǎcǎ or cǎcǎ
- 5). cǎcǎ

[Dwyer 1978a; 1978b], cit. by [Vydrine 2002: 247].

¹ The current study is a part of a project “Integral description of the South Mande languages: Dictionaries, grammars, glossed corpora of texts” supported by a grant of the Russian Foundation for Human Studies (#08-04-00144a).

² However, a tonal pattern may consist of only one tone if it is assigned to a monosyllabic word.

Therefore, there were only two pitch levels in the Proto-South-West Mande, namely high and low. All the tonal patterns represented combinations of these two levels.

2. Tonal classes of nouns in the modern dialects of Kpelle

Just as in the Proto-South-West Mande language, there are 5 basic tonal classes of nouns in all three modern Kpelle dialects dealt with in this paper (the sixth one, L-H in the Guinean dialects and M-H in the Liberian ones, has less than 10 words and will not be considered here).

Despite the quantitative similarity, I have found remarkable qualitative differences, first, between the proto-language and the modern Kpelle dialects and, second, between Guinean and Liberian Kpelle.

2.1. The great majority of nouns in Guinean Kpelle fit into the following tonal classes (I follow Dwyer's order in numbering):

- (2). TONAL CLASSES OF NOUNS IN GUINEAN KPELLE¹
- 1). *cṽ*, *cṽcṽ* : *wúlú* 'tree',
 - 2). ***cṽcṽ-1*** : *yàlâ* 'lion',
 - 3). (*cṽ*)², *cṽcṽ* : *yòwò* (Gbali) / *yòwâ* (SGK) 'axe',
 - 4). *cṽcṽ* : *yîlê* 'dog',
 - 5). ***cṽcṽ-2*** : *gbònò* 'ring'.

It is necessary to note here that L+HL (class 3) and H+HL (class 4) tonal patterns are attested for disyllabic words only and thus cannot be represented otherwise than L-HL and H-HL. Furthermore, in all the modern Kpelle dialects under consideration, there is a remarkable interaction between parts of speech, tonal classes and number of syllables resulting

¹ Here and in most cases below, I will not take into consideration sequences that include double vowels (-cvv-) and the final nasal element (-cv(v)ŋ); it should be just kept in mind that their tonal behavior in Kpelle is often different from what is discussed here. For further discussion of their respective phonological statuses see [Konoshenko 2008a], [Konoshenko 2008b].

² Though in fact for Guinean Kpelle it doesn't matter whether to place the *cṽ* pattern into the 3rd or the 4th class.

in an impossibility of tones other than high for monosyllabic nouns and verbs. This is why this paper will deal only with disyllables.

At the first glance, one can think that the tonal system of nouns of the Guinean Kpelle counts 4 tonal patterns: high throughout, low throughout, low tone on the first syllable followed by high-low (I will call it falling tone) on the second one, high on the first syllable followed by falling on the second one. However, I have found several contexts which make it clear that reflexes of the second and the fifth proto-classes in the Guinean Kpelle can be still distinguished. Consider the following table:

(3). DIAGNOSTIC CONTEXTS FOR THE CLASSES 2 AND 5

Nº	Tonal pattern		+ -PL	[NP V] _{VP}
1	c'vc'v	wúlú 'tree'	wúlú-yáà 'trees'	ŋ̌ wúlú káà 'I saw a tree'
4	c'vcv̌	yílé 'dog'	yílé-yàà 'dogs'	ŋ̌ yílé kàà 'I saw a dog'
3	cvcv̌	yòwô 'axe'	yòwô-yàà 'axes'	ŋ̌ yòwô kàà 'I saw an axe'
2	cvcv̌-1	yàlà 'lion'	yàlà- yáà 'lions'	ŋ̌ yàlà káà 'I saw a lion'
5	cvcv̌-2	gbònò 'ring'	gbònò- yáà 'rings'	ŋ̌ gbònò kàà 'I saw a ring'

We can see that nouns (noun stems) belonging to the classes 2 and 5 affect the tone of the next morpheme differently¹. Two interpretations are possible here.

First, we can decide that the primary tone of the plural marker and the verbal form here is H-L¹. If the tone of the final syllable of the pre-

¹ It is interesting that such impact does not depend on the character of the boundary between the stem and the next morpheme: they may be separated by either morphemic or word boundary.

ceding word (stem) is falling, a low tone is assigned to the next morpheme, while the last tone of the stem becomes high (as for the words of the classes 3 and 4). In this case we have to postulate a floating low tone at the end of the class 5 words.

Another option is to postulate a low tone for the plural marker and the verbal form. According to [Thatch & Dwyer 1981] and [Leidenfrost & McKay 2005], in Liberian Kpelle verbs in analogue tense-aspect form are ALWAYS assigned a low tone². If we choose such an interpretation, words of the class 2 should be ascribed a final floating high tone which shifts to the subsequent element. Consequently, a question may rise: should we ascribe a final high floating tone to the class 1 as well? However, this decision seems unnecessary. In my opinion, the lesser evil here would be to reserve floating final high tone to class 2 words, but not to say that it moves to the next morpheme.

Accepting the whole model helps us to explain the development of the 2nd tonal proto-class in the history of the Guinean Kpelle. Thus, we can claim that its final ascending tone has been reinterpreted as low followed by floating high tone, while the L-L proto-tonal pattern of the class 5 has remained unaltered.

- (4). 2). * cṽcṽ > **cṽcṽ** : *yàlà* 'lion',
 5). * cṽcṽ > **cṽcṽ** : *gbònò* 'ring'.

2.2. In Liberian Kpelle, mid tone is one of the basic tones constituting tonal patterns:

(5). TONAL CLASSES OF NOUNS IN LIBERIAN KPELLE

- 1). cṽ, cṽcṽ: *wúrí* 'tree',
- 2). CṼCṼ: *yālā* 'lion',
- 3). cṼcṽ: *yūš* 'axe',
- 4). cṽcṽ: *yílà* 'dog',
- 5). cṽcṽ: *gbònò* 'ring'.

¹ Though it is quite a difficult question how to describe tonal patterns on double vowels, see [Konoshenko 2008a, b].

² As for the plural marker in Liberian Kpelle, it is *-ṇā*; the mid tone in the Liberian Kpelle corresponds regularly to the low tone in the Guinean Kpelle.

Apparently, the 2nd L-LH prototonal pattern has been reinterpreted in SLK as mid throughout, and the 3rd L-HL prototonal pattern has become M-HL:

- (6).2). * c̃vc̃ṽ > c̃ṼC̃Ṽ: *yālā* ‘lion’,
 3). * c̃vc̃v̂ > c̃Ṽc̃v̂: *yūḡ* ‘axe’,
 5). * c̃vc̃v̄ > c̃v̄c̃v̄: *gbònò* ‘ring’.

Another important observation is that, unlike Guinean Kpelle where high tone tends to trigger high – or “partly” high – tone on the following syllable avoiding H-L sequences and thus giving H-HL tonal pattern for the 4th class, Liberian Kpelle allows such a sequence and thus its 4th class has H-L pattern.

3. Conclusion

For the reader’s convenience I give the final table below:

(7). THE FINAL TABLE OF NOMINAL TONAL CLASSES

PSWM	Guinean Kpelle	Liberian Kpelle
1). c̃v̄, c̃v̄c̃v̄	1) c̃v̄, c̃v̄c̃v̄: <i>wúlú</i> ‘tree’	1) c̃v̄, c̃v̄c̃v̄: <i>wúrú</i> ‘tree’
2). c̃v̂, c̃v̂c̃v̂	2) c̃v̂c̃v̂’: <i>yālā</i> ‘lion’	2) C̃ṼC̃Ṽ: <i>yālā</i> ‘lion’
3). c̃v̂, c̃v̂c̃v̂	3) c̃v̂c̃v̂: <i>yḡwḡ / yḡwā</i> ‘axe’	3) c̃v̂, c̃Ṽc̃v̂: <i>yūḡ</i> ‘axe’
4). c̃v̄c̃v̂ or c̃v̄c̃v̂	4) c̃v̄c̃v̂: <i>yílé</i> ‘dog’	4) c̃v̄c̃v̂: <i>yílā</i> ‘dog’
5). c̃v̄c̃v̂	5) c̃v̄c̃v̂: <i>gbònò</i> ‘ring’	5) c̃v̄c̃v̂: <i>gbònò</i> ‘ring’

As opposed to the Proto-South-West Mande tonal classes, the modern Kpelle dialects tend to level their second tonal pattern either making it low throughout followed with a floating high tone, or fusing its ancient L-LH pattern and thus making it mid throughout. At the same time, the

core difference between the tonal classes of nouns in Guinean and Liberian Kpelle is that the latter uses mid tone as a basic suprasegmental unit, while the former does not.

List of abbreviations

H – high, HL – high-low, L – low, PSWM - Proto-South-West Mande

References

- Castelain J. 1952. La langue guerzé : Grammaire et dictionnaire. Dakar : Mémoires de l'IFAN, 20.
- Dwyer D. J. 1978a. What sort of tone language is Mende? // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 9 (2).
- Dwyer D. J. 1978b. Idiosyncratic, suprasegmental processes in Mende // *Studies in African Linguistics* (Los Angeles), 9 (3).
- Gordon R. (ed.). 2005. *Ethnologue: Languages of the World*, Fifteenth edition.
- [Konoshenko 2008a] – Коношенко М.Б. Фонологическая система гбали (северного диалекта языка кпелле). Курсовая работа. [Konoshenko M. The phonological system of Gbali (a northern dialect of Kpelle).]
- Konoshenko M. 2008b. Towards the problem of long vowels in Guinean Kpelle. Handout of a communication presented at the MANSA conference, Lisbon, 2008 June 24-27.
- Lassort P. 1952. Grammaire guerzé. Dakar : Mémoires de l'IFAN, 20.
- Leger J. 1975. Dictionnaire guerze. Nzérékoré
- Leidenfrost T. E., McKay J. S. 2005. Kpelle–English Dictionary with a Grammar Sketch and English-Kpelle Finderlist. Moscow (USA)..
- Vydrin V. 2002. Some hasty notes on the ways of the evolution of Mande tonal system // Nicolai R., Zima P. (eds.). *Lexical and Structural Diffusion*. Publications de la Faculté des Lettres, Arts et Sciences Humaines, Université de Nice et de la Faculté des Etudes Humaines, Université Charles de Prague.
- [Vydrin 2003] – Выдрин В.Ф. 2003. Тональные системы языков манде: краткий обзор // *Вопросы языкознания*, 2, с. 95-113. [Vydrin V. 2003. Tonal systems of Mande languages: Brief overview // *Voprosy jazykoznanija*, 2.]
- [Vydrin 2006] – Выдрин В.Ф. 2006. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Труды института лингвистических исследований*. Том 2, часть 2. СПб. [Vydrin V. 2006. Towards a reconstruction of the phonological type and the noun morphology of Proto-Mande. // *Acta Lin-*

- guistica Petropolitana. Transactions of Institute for Linguistic Studies. Vol. II, part 2. St. Petersburg.]
- Welters W. 1962. The Phonology of Kpelle // *Journal of African Languages* (London), 1 (1).
- Winkler E. 1997. *Kpelle-English Dictionary, with English-Kpelle Glossary*. Bloomington: Indiana University, 1997.

М. А. Косогорова

АНАЛИЗ ИМЕННЫХ СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ НА ФУЛЬФУЛЬДЕ

Исследование посвящено именному согласованию в языке фула, диалект фульфульде-масина (центральная группа диалектов Мали). Для проведения исследования использовался текст повести «Песня Даадо» («Gidam, banndo Lobburu»), написанный в 1980-х годах малийским литератором Ибрагимом Амаду Дикко, который в то время учился в Москве [Dikko 1990:136-173]. В ходе работы из этого литературного текста были взяты согласованные пары, а именно пары 'имя существительное + прилагательное' и 'имя существительное + причастие'. Важно, что использовался только один текст и только одного автора, поскольку употребление согласовательных моделей может варьировать от носителя к носителю и даже от текста к тексту в пределах речи одного носителя.

Прилагательные, или адъективы, чаще всего выступают в роли определения, согласуемого с существительным по категории именного класса, в которых выделяется адъективный корень, например:

класс NGEL: gellel pamar-el 'маленькое селенье';

класс O: debbo pamag-o 'маленькая женщина, адъективный корень fam-/ram-, основа famag-/pamag- 'маленький' (ср. отадъективный глагол fam-da 'быть маленьким').

Причастием же является согласуемое по классу определение, в котором выделяется глагольный корень (сопровождаемый аффиксами, образующими основу причастия), например:

класс O: suka sew-ø-do 'худой мальчик' (глагол sew-/cew-a 'стать/быть худым, тонким');

класс NDE: *yamnde* *yab6-i-noo-nde* ‘минувшая последождевая-пора’ (глагол *yab6-oo* ‘проходить, миновать’).

Также из текста были дополнительно взяты субстантивированные прилагательные и причастия, например:

класс O: *bajj-o* ‘единственный [ребёнок]’ (адъективный корень *wajj-/bajj-* ‘единственный’);

класс O: *dur-oo-wo* ‘пасущий, пастух’ (глагол *dur-a* ‘пасти’).

Основанием для этого дополнительного расширения данных является то, что морфологическое устройство субстантивированных и согласованных определений одинаково; различна только их синтаксическая роль. При субстантивации вершинное имя чаще всего опускается, и согласованный элемент частично принимает на себя значение вершинного. Так, например, *nap-o* ‘левая [сторона]’ (< *nap-* ‘левый’) может употребляться самостоятельно, хотя исходно имеет вершинный элемент *junngo* ‘рука’; ср. полную именную группу *junngo nap-o* (класс NGO) ‘левая рука’.

При анализе согласованных пар учитывались морфологические средства согласования. В фульфульде есть два таких средства – аффиксальный показатель класса в исходе словоформы и ступень чередования в анлауте корня. Аффикс в подавляющем большинстве случаев обязателен; имеется три ступени показателя – минимальная (*min*), альтернативная (*alt*) и максимальная (*max*) (например, соответственно, *-el*, *-wel*, *-ngel* для класса NGEL). Анлаут имеет всего три типа, распределенные по классам: некоторые классы требуют смычный, некоторые – несмычный, а некоторые – пренализированно-смычный анлаут. Поскольку тип анлаута напрямую связан с классом, теоретически уместен термин «классный циркумфикс» для обозначения *единого* показателя класса, в который входят и классный аффикс, и требуемый классом тип анлаута.

При классификации всего массива информации с точки зрения морфологических средств согласования, а затем и разнообразия причастных аффиксов были сформированы некоторые группы, которые

можно назвать типами согласования. Основная задача исследования состояла в том, чтобы проверить, насколько полноценна картина выявленных в одном тексте типов согласования.

Далее будут приведены некоторые примеры для каждого разряда (согласование причастий, согласование прилагательных). Эти примеры наглядно проиллюстрируют результаты исследования.

1. Аффиксальное согласование

1.1. Согласование прилагательных

1.1.1. Разряд собственно адъективов

Количество непроизводных прилагательных, образованных непосредственно от адъективных корней, в языке фула относительно невелико. Они обладают простейшей моделью словоформы – корень (R) + классный аффикс. Ниже приведён материал, иллюстрирующий эту модель. Следует обратить внимание, что в согласованной группе на первом месте всегда выступает субстантив, а на втором – согласуемый элемент (эквиваленты на русском языке не придерживаются этой последовательности). При указании на мотивирующую форму корень приводится, где это необходимо, в двух вариантах – со щелевым и со смычным анлаутами.

класс O (личный подкласс): neddo lobb-o ‘хороший человек’ (lobb- ‘хороший’);

класс NGE: nagge sol-e ‘пятнистая корова’ (sol-/col- ‘пятнистый’);
nagge ool-e ‘палевая корова’ (ool- ‘желтоватый’);

класс DI: taali dab6-i ‘сказки короткие’ (gab6-/dab6- ‘короткий’);

класс NGEL: gellel pamar-el ‘маленькое селенье’ (famar-/pamar- ‘маленький’).

В рамках данной модели существуют особые случаи, достойные внимания. В первую очередь это немногочисленные формы, обра-

зующиеся по *адъективной* модели, но соотносимые с когнатными глаголами:

класс О (личный подкласс): suka ki66-o ‘исправный мужчина’ (ср. когнатный глагол hi66-/ki66-a ‘стать/быть полным, совершенным’);
dag-o-dag-o ‘высокий [человек]’ (редуплицированная форма, когнатный глагол dag-oo ‘встать’);
deуу-o ‘молчун’ (когнатный глагол deуу-a ‘быть спокойным, молчать’).

Некоторые корни не являются, строго говоря, адъективными, однако при согласовании структурируются как адъективы:

корень *woot(t)/goot(t)*- ‘один’ –

класс О (личный подкласс): suka- debb-o goot-o ‘молодая девушка одна’;
класс NGO: junngo woot-o ‘одна рука’;

корень *wor-/gor* ‘мужской’ –

класс О (личный подкласс): gor-ko ‘мужчина’;
класс BE: sukaabe wor-be ‘молодые парни’;
класс NDU: fedendu wor-du ‘палец большой’;

корень *debb-/dew-/rew*- ‘женский’ –

класс BE: sukaabe rew-be ‘молодые девушки’;
класс NDU: laddeeru rew-ru ‘львица самка’;
класс KOY: cukaloy ndew-oy did-oy ‘дети девочки две’.

1.1.2. Разряд прилагательных с расширенной основой

В этом разряде основное место занимают прилагательные, в морфоструктуру которых, помимо адъективного корня и аффикса класса, входит ещё и расширитель основы –e(e)-. Корней, от которых могут образовываться такие формы адъективов, насчитывается всего несколько, среди них следующие:

класс NDI: ndamndi nayee-gi 'старый козёл' (nau(ee)- 'старый');
класс NGE: nagge wod-e 'красная корова' (wod-/god- 'красный')
 (возможно, изначально форма выглядела как wodēewe, а затем в силу фонетических причин сократилась?);
класс DE: gite balee-je 'чёрные глаза' (bal(ee)- 'чёрный');
класс KOY: nyiikoy ndane-woy 'беленькие зубки' (ran(e(e))-/dan(e(e))- 'белый').

1.1.3. Разряд производных прилагательных

При общей немногочисленности прилагательных в языке фула, существуют и производные прилагательные, разряд которых включает в себя образования, требующие модельного обособления. Такие прилагательные чаще всего образуются от существительных, включающих в себя показатель класса, и, следовательно, в производных формах допускается несоответствие правилам анлаутных чередований.

класс NDU: [rawaandu] laddee-gu 'лев' (букв. «собака лесная», от ladde NDE, 'лес, дикая местность'; перед -gu конечный гласный мотивирующего существительного подлежит удлинению; многократно встречается laddeeru как отдельно стоящий субстантиват-эвфемизм для обозначения льва);

[suudu] cekkee-gu '[хижина] из плетёных щитов' (от cekk-e DE 'плетёные щиты');

класс NGAL: malfal didi-wal 'двустволка' (букв. «ружьё двойное», от didi 'два');

класс DE: nokkuuje yogaa-je 'места некоторые' (от yoga-ø O 'некоторая часть').

Таким образом, согласуемые прилагательные, с учётом аффиксальной техники, подразделяются на три модели:

- Собственно адъективы, модель R+*min* (такой же морфоструктурой обладают подмодель с когнатными глаголами и некоторые несобственноадъективные корни);
- Прилагательные с расширенной основой, модель R+*alt*;

- Производные прилагательные, модель [R+C1¹]+*alt*.

Каждая из этих моделей встретила в тексте в объёме, примерно пропорциональном частоте этой модели в языке. При этом все модели были употреблены канонически, что может свидетельствовать в пользу того, что они активно используются в языке.

1.2. Согласование причастий

Причастия в пулар-фульфульде - это особый важный морфологический разряд, сочетающий в себе как именные, так и глагольные черты. В общем случае морфологическая структура причастия состоит из трёх основных компонентов: глагольного корня (чистого или с приосновным суффиксом), видо-залогового суффикса и аффикса именного класса. С видо-залоговой точки зрения причастия можно классифицировать на два вида – перфектив и потенциалис (в причастных формах прогрессив/хабитуалис и потенциалис не разграничиваются) – и три залога – актив, медий и пассив. Аффиксы, выражающие эту характеристику, приведены в таблице 1.

зalog \ вид	Перфектив (Perf)	Потенциалис (Pt)
Актив (Act)	-u/- ø-	-an- -oo-
Медий (Md)	-i(i)-	-otoo-
Пассив (Ps)	-a(a)-	-eteē-

Таблица 1. Видо-залоговые суффиксы в причастиях.

Стоит отметить особый подразряд причастий с ретроспективным суффиксом -поо-. Помимо включения таких причастий в список базовых примеров, их парадигма будет рассмотрена особо, хотя фор-

¹ C1 – показатель класса исходного слова. Возможен также вариант с нулевым показателем класса O; в случае, если адъектив образован не от существительного, модель уместнее записать как R+*alt*.

мально – с точки зрения согласования по классу – она не отличается от остальных причастий.

1.2.1. Разряд перфективных причастий

1.2.1.1. Подразряд перфективных причастий активного залога

Это одна из самых многочисленных групп причастий, использующая два варианта видо-залогового показателя: -u/-ø-. Их распределение не подчиняется какому-либо морфологическому правилу, что заставляет предположить, что причины такой вариативности фонетические (-u- реализуется после геминант и после консонантных групп). Сложно сказать, развился ли -u- как вокалическая вставка или выпал в результате каких-то изменений, оставив после себя -ø-, однако в настоящее время они используются равнозначно, поэтому в форме структурного представления данных вид суффикса не играет определённой роли.

класс О (личный подкласс): gorko ndonk-u-dø [soomude] ‘мужчина не-могуший [скрыть]’ (ronk-/donk-a ‘не мочь’);

класс NGO: seeno kuuf-u-noo-ngo ‘долина окружавшая’ (huuf-/kuuf-a ‘окружать’);

класс NGU: руссу iw-u-ngu ‘лошадь, вернувшаяся [с бегов]’ (iw-a ‘идти из, от’);

класс NGAL: kebal maw-ø-ngal ‘большой достаток’ (mawn-a ‘стать/быть большим’; с упрощением основы в причастии);

класс KI: noogaawi cukk-u-ki ‘дерево-нгорава густое’ (sukk-/cukk-a ‘стать/быть густым’).

1.2.1.2. Подразряд перфективных причастий медиального залога

Эта сравнительно небольшая группа причастий образуется путём включения видо-залогового показателя -i(i)- в основу. См.:

класс NGOL: koofol dar-ii-ngol ‘прямая линия-носа’ (dar-oo ‘встать’);

класс DE: balde cakit-ii-de ‘последние дни’ (sakkit-/cakkitt-oo ‘быть последним’);

kooyde peet-ii-de ‘ноги скрещенные’ (feet-/peet-oo ‘скрестить’);

класс DI: hoggooji pil-i-noo-dí ‘окужуавшие загоны’ (fil-/pil-oo ‘окужуать’).

1.2.1.3. Подразряд перфективных причастий пассивного залога
Причастия, принадлежащие этому подразряду, встречаются в тексте примерно с той же частотой, что и перфективные причастия медиального залога. Глагольная основа перфективно-пассивных причастий включает в себя видо-залоговый суффикс -a(a)-. Также примечательно то, что, как и в перфективных причастиях медиального залога, все причастия распределены по сравнительно небольшому количеству классов.

класс NGEL: cukalel nyilb-aa-ngel ‘сопливый мальчонка’ (nyilb-ee ‘быть сопливым’);

класс BE: jeyd-aa-be ‘родственники’ (jeyd-ee ‘иметь [родственную] связь’);

класс NGAL: malfal loow-a-noo-ngal ‘заряженное ружьё’ (loow-a ‘наполнять’).

Таким образом, разряд перфективных причастий, который является одним из самых многочисленных, при согласовании по всем подмоделям требует *максимальной* ступени аффикса показателя класса.

1.2.2. Разряд потенциалисных причастий

1.2.2.1. Подразряд потенциалисных причастий активного залога

В отличие от пассивного и медиального залогов, активный залог потенциалисных причастий имеет два подразряда, и соответственно, две разные подмодели Первый подразряд активного залога потенциалисных (или, иначе, не-перфективных) причастий образуется в диалектах фула с участием аффиксов -an-, -ay-, -at-, прибавленных к глагольному корню. Распределение этих аффиксов осуществляется по диалектам. Диалект автора анализируемого текста использует в данном случае аффикс -an-.

класс О (личный подкласс): mber-an- dɔ 'чемпион' (wer-/ber-a 'одерживать верх', букв. «побеждающий»);
класс ВЕ: aganee-be njannj-in-an-noo-be 'первые (пришедшие) развлекавшие' (janj-a 'развлекаться');
класс ДЕ: gite curt-an-noo-dɛ 'глаза излучавшие' (surt-/curt-a 'излучать, испускать');

Причастия второго подряда состоят из глагольного корня и особого видо-залогового суффикса -oo-.

класс О (неличный подкласс): burgu janj-in-oo-wo 'оживлённый луг' (janj-a 'развлекаться');
класс ВЕ: bat-oo-be 'свита' (bat-a 'быть около, сопровождать', букв. «окружающие люди»);
 dur-oo-be 'пастухи' (dur-a 'пасти' букв «пасущие»);
класс NGOL: konngol cinny-oo-wol 'дрожащий голос' (sinny-/kinny-a 'дрожать').

1.2.2.2. Подразряд потенциалисных причастий медиального залога
 Данный подразряд немногочислен, однако продуктивен. Причастия, включённые в него, образуются путём прибавления аффикса -oto(o)- к глагольной основе.

класс О (личный подкласс):
 pill-otoo-dɔ 'рассказчик' (fill-/pill-oo 'излагать', букв. «рассказывающий»);
 jag-otoo-dɔ 'торговец' (jaag-oo 'торговать', букв. «торгующий»);
класс ВЕ:
 hed-otoo-be 'слушатели' (hed-oo 'слушать', букв. «слушающие»);
 ndipp-oto(o)-noo-be 'отплясывающие' (ripp/dipp-a 'танцевать');
класс ДІ: nayi njin-otoo-dɪ 'коровы плавающие' (yin-/jin-oo 'плавать').

1.2.2.3. Подразряд потенциалисных причастий пассивного залога
 Модель причастий этого разряда базируется на глагольном корне и аффиксе -ete(e)-. Такая модель, как можно ожидать, должна обладать

продуктивностью, однако, судя по количеству примеров (их встретилось в тексте всего три, и все три образованы от одного корня), она не отличается употребительностью.

класс О (неличный подкласс): banŋe mbiy-etee-dŋo [...] ‘сторона называемая [...]’ (Act wiŋ-/biy-a ‘сказать’, Ps wiŋ-ee ‘быть сказанным, называемым’);

класс О (личный подкласс): debbo paŋaŋo mbiy-ete-noo-dŋo [...] ‘маленькая девочка, носившая-имя [...]’;

класс NGOL: jimol mbiy-etee-ngol [...] ‘песня называемая [...]’.

Итак, рассмотрев все четыре подмодели образования потенциальных причастий, можно сделать следующие выводы. Хотя вторая подмодель активного залога (-o(o)-) используется для образования причастий чаще (что можно видеть по количеству примеров), принятие первой модели в качестве основной в этом исследовании закономерно. Логично рассматривать три подмодели, требующие при согласовании *максимальной* ступени чередования аффикса, в качестве базовых, канонических, а ту подмодель, которая выбивается из этого единства, требуя *альтернативной* ступени, – в качестве исключения. Однако справедливости ради стоит заметить, что диалектная вариативность первой подмодели активного залога не способствует поддержанию продуктивности и, как следствие, употребимости модели, тогда как пандиалектное единство и структура аффикса второй подмодели способствует росту её популярности у говорящих (особенно активно ей используют для деривации субстантивов личных классов О и ВЕ).

1.2.3. Подмодель с усложнённой глагольной основой

Как уже было сказано выше, подмодель с усложнённой глагольной основой (подмодель с -ноо-) является особым случаем образования причастий. Ретроспективный суффикс -ноо- при образовании причастий находится, согласно нашим данным, после видо-залоговой морфемы, в отличие от других аффиксов глагольной основы, которые находятся до маркера видо-залога. Кроме того, этот суффикс в

принципе сочетается с разными причастными формами вне зависимости от вида и залога, не нарушая требований по ступени аффикса. Вот некоторые примеры таких причастий в согласованной именной группе:

класс NDE: yamnde yaʔbʔ-i-noo-nde ‘минувшая последождевая-пора’ (yaʔbʔ-oo ‘проходить, миновать’);
класс DE: gite curt-an-noo-dɛ [...] ‘глаза излучающие [...]’ (surt-/curt-a ‘излучать, испускать’).

2. Анлаутное согласование

Как можно было заметить, в предыдущей части речь шла о первом средстве согласования – финально-аффиксальном. Исследование использования в тексте анлаутно-корневого согласования принесло неожиданный результат. В целом, если делать выводы по задействованным классам (по классам NDI, BA~NGA, NGU, NGAL, KA, DAM, KAL, либо примеров не оказалось вообще, либо фиксируемые формы имеют в андауте согласный, вообще не участвующий в системе общефульских чередований начальных согласных), идиом носителя (автора) не всегда корректно использует систему анлаутных чередований. В ходе работы встретилось некоторое количество исключений, о них стоит упомянуть особо, так как большинство из них явно направлены в сторону предпочтительной преназализации анлаута, а остальные имеют глухой смычный анлаут, то есть, они также реализуют ступень преназализации, но глухость мешает это увидеть. См. примеры, отражающие авторские реализации, с одной стороны удовлетворяющие анлаутным правилам, с другой – нарушающие таковые:

Удовлетворяют:	Не удовлетворяют:
<u>класс NGOL (требует <i>смычного</i> анлаута):</u> koofol dar -ii-ngol ‘прямая линия-носа’; konngol k okk-oo-wol [...] ‘тон, дающий [понять]’;	jimol mbi y-etee-ngol [...] ‘песня называемая [...]’ (преназализация анлаута);
<u>Класс NGO (требует <i>целевого</i> анлаута):</u> junngo w oot-o ‘одна рука’;	seeno k uuf-u-noo-ngo ‘долина окружавшая’ – ступень преназализации не очевидна при глухих начальных.

Можно говорить о тенденции к начально-корневой преназализации при ряде классов, а именно, по показаниям анализируемого текста, при сингулярных NGO и NGOL и плюральном DI (1-2 примера исключений из общих правил) и особенно при личных классах O и BE (порядка 10 исключений в каждом классе). Принимая во внимание определённую морфоконтекстуальность этих исключений (встречаются только в *причастных* формах), можно выдвинуть гипотезу, способную объяснить их источник. Вероятно, на норму автора влияют процессы образования финитных глагольных форм: в спрягаемых по лицам формах глагола в пределах одной видо-залоговой парадигмы может встречаться разный анлаут корня, а именно при предглагольном субъекте единственного числа он несмычный, а при постглагольном – смычный с преназализацией:

Ps Pt: o wiy-etee ‘его (её) зовут...’, но
mbiy-etee-mi ‘меня зовут...’;
 Act Perf: o sell-ii ‘он выздоровел’, но
cell-u-mi ‘я выздоровел’.

Данная аналогия объясняется структурным сходством форм глагола, где словоформу завершает личное местоимение, и причастий, где роль прономинального элемента в конце словоформы выполняет классный аффикс.

Обобщим полученные результаты.

Сопоставив две техники согласования в пределах одного текста, можно утверждать, что обе они, хоть и в неравной степени, используются автором в целом корректно. Рассмотрев аффиксальную технику, можно выделить следующие модели согласования:

- Собственно адъективную;
- Адъективную с расширителем основы;
- Адъективную для производных прилагательных;
- Перфективную модель;
- Потенциалисную модель (в случае активного залога моделей две);
- Особую подмодель с ретроспективным аффиксом.

Первые три модели, как следует из их названий, относятся к согласованным прилагательным. Собственно адъективная модель, которая распространяется и на такие несобственноадъективные корни как 'один', 'мужской' и 'женский', включает в себя корень и классный аффикс на *минимальной* ступени. Во второй модели к адъективному корню нему добавляется расширитель основы, а в третьей модели сам корень не является собственно адъективным. Как вторая, так и третья модели требуют *альтернативной* ступени классного аффикса.

Четвёртая, пятая и шестая модели относятся к согласованным причастным формам. Структура этих моделей более сложна, но все они (за одним исключением) объединены *максимальной* ступенью показателя класса. Четвёртая и пятая модель подразделяются на три базовые подмодели – активную, пассивную и медиальную, - которые отвечают, соответственно, согласованным причастиям разных залогов. При этом потенциалисные причастия активного залога могут образовываться по двум подмоделям – по базовой и дополнительной, которая, хотя и более употребима, но выбивается из общей картины, так как требует *альтернативной* ступени классного показателя.

Особая модель с ретроспективным суффиксом -поо- отражена в примерах из всех шести причастных подмоделей также с максимальной степенью суффикса класса (примеров на сочетаемость –поо- с дополнительной активно-потенциалисной моделью исследованный текст не содержит).

Что касается анлаутной техники согласования, то здесь в тексте существует одно отклонение от общезыковой нормы, которое может свидетельствовать об аналогии, проводимой автором между причастными анлаутами и анлаутами финитных форм глаголов, от которых образованы эти причастия. Автор частично отдаёт предпочтение глагольной модели чередования анлаутов, поэтому именное анлаутное согласование хоть и используется автором, не реализуется вполне последовательно.

Также в ходе исследования была предпринята попытка ответить на вопрос, как влияют внутренние дискурсно-жанровые различия текста на количество употребляемых в нём согласованных групп. Для этого были взяты четыре отрывка текста примерно одинаковой длины (10 клауз) разных субжанров, и для каждого них было подсчитано количество согласованных групп и отдельно количество субстантивированных прилагательных и причастий. Результаты можно увидеть в Таблице 2.

Жанр	Описание природы	Описание битвы	Описание человека	Повествование (бытовое)
Согласованных групп	6	2	4	7
Субстантиватов	4	4	6	5

Таблица 2. Распределение согласованных имён на 10 клауз

Результаты подтверждают логичное предположение, что при описании динамичных событий у говорящего ускоряется темп речи и не остаётся времени на составление сложных согласованных групп. А при детальном описании человека и природы остаётся достаточно времени для составления таких групп. Что касается субстантиватов,

то при описании человека их используется больше из-за продуктивности модели.

Итак, как следует из анализа, при порождении текста автор активно (и в целом корректно, за исключением тенденции к преназализации анлаута в причастиях) использует обе техники согласования. Применённый компонентный подход позволил подтвердить факт использования циркумфиксной техники согласования. В ходе исследования были выявлены шесть основных моделей аффиксального согласования адъективов и причастий в диалекте фульфульде-масина и объяснены случаи их использования. Таким образом, результат анализа одного авторского текста на фульфульде позволяет как выявить принципы именного согласования в языке, так и показать достаточно высокий уровень использования согласовательных групп в речи автора.

Литература

- Corbett G. G. 1984. Agreement: a Partial Specification Based on Slavonic Data // Barlow M., Ferguson A. (eds.). Agreement in Natural Language. Stanford.
- Dikko I. A. 1990. Gidam, bannndo Lobburu // Коваль А.И. Эпос и литература фульбе: К исследованию литературных форм младописьменного языка. М.
- Seydou C. 1998. Dictionnaire pluridialectal des racines verbales du peul. Paris.
- Зубко Г. В. 1980. Фула-русско-французский словарь. М.
- Коваль А. И. 1997. Именные категории в пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания: Именные категории. М.
- Коваль А. И. 2000. Морфемика пулар-фульфульде // Виноградов В. А. (ред.). Основы африканского языкознания: Морфемика. Морфонология. М.
- Коваль А. И., Зубко Г. В. 1986. Язык фула. М.
- Траоре Б. А. 1989. Структура и функция причастий как поликатегориального разряда слов. Дисс. ... канд. филол. наук. М.

*А. Д. Луцков
М. Р. Урб*

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ЗУЛУ И В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ НГУНИ

У каждого лица, принадлежащего народу зулу, должно быть три имени: *igama lasekhaya* (личное, или «домашнее», имя), *igama lesilungu* («европейское» имя, т.е. получаемое при крещении, их могло быть более одного) и *isibongo* (родовое имя, используемое теперь в качестве фамилии).

Согласно зулусским традициям свое имя ребенок получает в течение первых недель после рождения. Это как раз и было тем «домашним» именем, которым в дальнейшем пользовались его родители. Зулусские имена такого рода часто были связаны с каким-то известным событием или же с тем, что случалось в данной семье. Сюда входили и ласкательные имена, которые ребенку давали их матери, а также так называемые «хвалебные» имена, даваемые дедушками своим внукам и внучкам с поощрительной целью. Разумеется, в официальных документах указывались только три имени, названные вначале. Так, у нынешнего посла ЮАР в России есть следующие имена: *Bheki Winston Joshua Langa*, т.е. одно «домашнее», два европейских и одно родовое или клановое, служащее фамилией.

Личные («домашние») имена зулусов указывают на положение данного лица в семье и в более широком кругу родственников, отражают отношение между братьями и сестрами, а также между родителями и детьми. Имена могут содержать призыв следовать лучшим образцам общественного поведения. В отличие от выбора имен детям европейцев, зулусы не называют своих детей в честь своих предков.

Случайных имен у зулусов не бывает и, как уже говорилось, все они имеют отношение к конкретному событию и выражают определенную идею. Так, радость по поводу появления ребенка на свет вы-

ражена именем uJabulani (радуйтесь!); uPhumula (отдыхай) относится, скорее, к матери, которая родила уже четвертую дочь.

Имя uBuyiswa (возвращение, возврат) соотносится с целой ситуацией: это имя девочки, которое намекает на тот факт, что отец получит возмещение своего брачного выкупа, когда дочь выйдет замуж и он сам получит выкуп от своего зятя.

Имя uSibusiso (благословение) дается мальчику в том случае, если до этого у матери было уже два мертворожденных ребенка.

Имя uOnke (uWonke) (все!) дают шестому ребенку в семье, указывая этим, что это уже последний и больше детей не нужно.

Имя Mhlabunzima (мир жесток) было дано мальчику, родившемуся в период беспорядков в «туземном» пригороде с применением актов насилия.

Мужское имя uNdaba (< indaba «дело», в том числе и судебное) могут дать ребенку, если у семьи в это время происходит судебная тяжба. Имя uNgamunameva происходит от двух слов: ungamu «дикорастущее дерево со съедобными плодами» и ameva «колючки, шипы», что, по-видимому отражает особенности характера ребенка.

Имя uZintathu < thathu «три» дается третьей по счету девочке в семье.

Образование личных имен в зулу соответствует основным словообразовательным моделям, существующим в языке. Самым продуктивным является морфологический способ образования существительных (они составляют значительную часть имен) и новые слова образуются от основ глаголов, прилагательных, релятивов, а также путем словосложения.

Слова, образованные от глагольных основ и обозначающих деятеля, принимают префикс именного класса и окончание -i, а название объекта действия (или результата) принимают окончание -o: umculi «певец», iculo «пение» < cula «петь»; umsize «помощник», usizo «помощь» < siza «помогать».

От прилагательных и релятивов образуются в основном существительные с абстрактным, собирательным и иным значением, принимающие префикс ubu- и ulu- (u-), а также другие префиксы: ububanzi «ширина» < banzi «широкий»; ulusha «молодость» < sha

«молодой, новый»; iningi «множество; большинство» < ningi «многочисленный».

Для образования существительных используются также следующие модели:

глагол + существительное

indizamshini «самолет» < ndiza «летать», umshini «машина»;
impumalanga «восток» < phuma «выходить», ilanga «солнце»;

прилагательное + существительное

undunankulu «первый министр» < induna «начальник военного отряда», -khulu «большой»;

существительное + существительное

intabamlilo «вулкан» < intaba «гора», umlilo «огонь»;

пассивная форма глагола, оформленная именным префиксом

isithunywa «посланец, делегат» < thunywa «быть посланным»;
ikholwa «верующий» < kholwa «обладать верой».

Многие личные имена у зулусов образуются согласно приведенным выше моделям, самый же простой способ заключается в изменении класса существительного, которое вместо прежнего принимает префикс u-, но иногда происходит препрефиксация (все имена в примерах мужские): **uMandla** < **amandla** «сила, мощь»; **uThemba** < **themba** «надежда»; **uHleko** < **u(lu)hleko** «громкий смех, хохот»; **uGatsha** < **igatsha** «ветвь, ветка»; **uSenzo** < **isenzo** «поступок, деяние»; **uMasuku** < **amasuku** «дни»; **uBafana** < **bafana** «парни, ребята»; **uSikhotha** < **isikhotha** «стелющаяся трава»; **uLwazi** < **ulwazi** «знание»; **uMpendulo** < **impendulo** «ответ»; **uSifiso** < **isifiso** «желание».

Среди мужских имен преобладает форма деятеля, а также результата действия:

uVusi < vusa «будить», uBheki < bheka «глядеть, наблюдать», uSipho < isipho «дар, подношение».

Есть также среди этих имен составные слова и имена в форме императива ед. и мн. числа:

uZwelihle < izwe «страна, земля», elihle «красивая», uPhila < phila «живи, здравствуй», uJabulani < jabulani «веселитесь», uBongani < bongani «благодарите, прославляйте», uSizani < sizani «помогайте», uThokozani < thokozani «радуйтесь».

Есть составные имена и среди женских имен, например, uNtombinde < intombi «девушка», ende «высокая»; есть много имен в виде перфектной и стативной формы глагола, имена с формой деятеля (с суффиксом -i), а также с союзной частицей na + существительное: uJabulile < jabulile «обрадовалась», uLindile < lindile «дождалась», uFikile < fikile «пришла, появилась», uThandi < thanda «любить», uThandeka < thandeka «быть любимой».

Женские имена с частицей na- составляют особую группу и выражают идею обладания каким-то качеством или свойством: uNonhlanhla < na + inhlanhla «со счастьем, удачей», uNobunhle < na + ubuhle «с красотой», uNomthandazo < na + umthandazo «с молитвой».

В книге американского врача, работавшего при протестантской миссии среди зулусов, упоминается случай, когда у женщины, страдавшей каким-то физическим недостатком, был по этой причине с детства скверный характер и имя у нее было соответствующее: Nolaka < ulaka «злоба, злость». После успешно проведенной операции ее характер в корне изменился и пришлось сменить ее имя. Она стала называться Nomusa, т.е. na + umusa «доброта, доброжелательность».

Значительную группу среди женских имен составляют имена с использованием пассивной формы прошедшего времени: uNikiwe «дарованная, преподнесенная» < nikiwa «быть подаренным», uKhehiwe «избранная» < kethiwa «быть избранным», uBusisiwe «благословенный» < busisiwa «быть благословенным», uLindiwe «ожидаемая» < lindiwa «быть ожидаемым».

В последние годы отмечается тенденция к вытеснению «европейских» имен, даваемых при крещении, исконно зулусскими, так как последние чаще всего являются именами значащими, содержащими определенный смысл, что является более важным доводом при их выборе.

Н. В. Макеева

МОДИФИКАЦИИ В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН¹

Модификацией, согласно [Мельчук 2000, 2001], называется знак, означающим которого является регулярная элементарная подстановка, применяемая к одному или к цепочке сущностных означающих таким образом, что результат этой подстановки тоже является означающим и разность означаемых тех знаков, частью которых являются операнды, не является лексическим значением. Модификации делятся на два класса операций – повторы и апофонии, – оба из которых представлены в языке кла-дан.

1. Апофония

Апофонией называется элементарный знак, означающим которого является чередование. В языке кла-дан представлена словоизменительная супraseгментная тональная апофония, маркирующая глагол в конструкциях, выражающих то или иное видо-временное значение, а также в конструкциях, которые употребляются в сопряжённых предикациях.

1.1. Апофонии в базовой фактативной конструкции

Словоизменительная апофония

$$\langle \text{'фактатив'}; X \rightarrow \text{УН}; \sum = V \rangle,$$

¹ Материалы данной работы были собраны в ходе ежегодной экспедиции в респ. Кот-д'Ивуар, организованной в рамках проекта "Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов", при поддержке Российского Государственного Научного Фонда (грант № 08-04-00144а). Данные получены в результате работы с Кпосо Саи Бамба, родившимся в деревне Кпо 3 и проживающим в настоящее время в г. Ман.

где X – лексический тон глагола, УН - ультранизкий тон, имеет место в базовой фактативной конструкции, в комплексе значений которой объединены хабитуалис и пунктив, реализующиеся «в зависимости от семантического типа предиката и обстоятельств» [Выдрин, рукопись]. Фактативная конструкция образуется по схеме “S (EXI) + V”. Если подлежащее выражено местоименной группой, то используется местоимение экзистенциальной (первой) серии, если подлежащее выражено именной группой, то имеется местоименная реприза в виде местоимения этой серии.

- (1) yě gũää (←gũää) bĩ gð yĩĩ ká
 3sg.EXI дарить.подарки.FCT человек PP улыбка с
 ‘Он дарит подарки с улыбкой.’
- (2) yě bàä (←bàä) yááľĩ
 3sg.EXI наряжаться.FCT вчера
 ‘Она была хорошо одета вчера.’

Фактативная конструкция может выражать и значение «вечной истины»:

- (3) lĩ lĩ wò kľ (←kľ) kplěé ká
 ребёнок PL 3pl.EXI делать.FCT взрослый с
 ‘Дети становятся взрослыми.’

Та же апофония имеет место в ретроспективной конструкции, производной от фактативной конструкции и выражающей значение действия, предшествовавшего некоторому другому действию в прошлом, а также значение аннулированного результата. Эта конструкция образуется по схеме “S (EXI) + kâ + V”, где kâ – показатель ретроспективного сдвига.

- (4) (6ʷ/6ð) kðð dð wú!
 2sg.IMP калёбаса один разбить
 ‘Разбей калёбасу!’

(5) [Что произошло перед тем, как я пришёл?]

ɲ kà kɔ̃ɔ̃ dɔ̃ wɔ̃
1sg.EXI RETR калёбаса один разбить.FCT
'Я разбил калёбасу.'

В примере (4) представлена императивная конструкция, где глагол *wí* 'разбить' сохраняет свой лексический тон, в примере (5) – ретроспективная конструкция, значение которой маркировано в глаголе тональным чередованием. В примере (6) ретроспективная конструкция выражает значение аннулированного результата.

(6) yè kà lɔ̃ (←lɔ̃)
1sg.EXI RETR приходить.FCT
'Он приходил.'

1.2. Апофонии в сопряженной конструкции

Апофонии

<'сопряжённость'; УВ, В, Н→Н; $\sum = V>$,

<'сопряжённость'; УН→УН; $\sum = V>$,

<'сопряжённость'; Н-УН→УН-УН; $\sum = V>$,

<'сопряжённость'; Н-Н-УН→УН-УН-УН; $\sum = V>$,

где УВ, В, Н, УН – ультравысокий, высокий, низкий и ультранизкий тоны соответственно, применяются в сопряженной конструкции. Использование той или иной апофонии полностью определяется тональной, а также сегментной структурой глагола: *bú*→*bù* 'гнить', *býý*→*bùù* 'высыхать', *kúúú*→*kùùù* 'резать'; *wú*→*wù* 'разбивать'; *là*→*là* 'рожать', *tràà*→*tràà* 'чернеть'; *kà*→*kà*/*kà* 'делать', *lì*→*lì*/*lì* 'плодоносить', *gìè*→*gìè*/*gìè* 'проходить'; *kpà*→*kpà* 'стряпать'; *sàà*→*sàà* 'плавить'; *blòó*→*blòó* 'давить (фрукты)'; *bàà*→*bàà*/*bàà* 'искать', *gbìèè*→*gbìèè*/*gbìèè* 'тащить'.

Факультативные третья и четвёртая апофонии применяются к глаголам, тональный контур которых является модулированным падающим, т. е. Н-УН или Н-Н-УН. Глаголов, имеющих другие типы падающих тональных контуров, например, В-УН или УВ-УВ-УН, в наших материалах не оказалось. Глаголов, имеющих тональный контур Н-Н, в нашем распоряжении всего два, они имеют разную сегментную структуру с точки зрения вокалического наполнения: один из них имеет две идентичные гласные, другой – две разнородные гласные. Не имея в распоряжении других глаголов с такой же тональной структурой, мы можем утверждать, что именно это различие лежит в основе их различного морфологического поведения в конструкциях с субъектным местоимением сопряжённой серии. Такое утверждение основано на том предположении, что стопы с разнородными гласными интерпретируются по отношению к некоторым процессам как стопы с однородными гласными, число которых равно числу идентичных гласных в стопах первого типа, а именно: $CV_1V_2=CV_2$, $CV_1V_2V_2=CV_2V_2$. Так, как уже было отмечено выше, глаголы с тональным контуром Н-Н-УН ведут себя так же, как глаголы с тональной структурой Н-УН, а именно: они либо подвергаются нулевой апофонии и выступают со своим лексическим тональным контуром, либо подвергаются факультативной апофонии, выравнивающей их контур до последовательности двух или соответственно трёх ультра-низких тонов. На фонетическом уровне это проявляется в консонантизации первых гласных /i/ и /u/ в стопах с разнородными гласными, где они реализуются как глайды [y] и [w] соответственно. При этом среди глаголов, имеющих лексический низкий тон, есть два глагола-исключения, подвергающихся факультативной апофонии Н→УН, то есть апофонии, аналогичной факультативной апофонии Н-Н→УН-УН, которой подвергается глагол *gîd* ‘проходить’.

Сопряжённая конструкция используется «для выражения связи данной предикации с предшествующим (а иногда и с последующим) контекстом» [Выдрин, рукопись]. Такая конструкция используется, в частности, в нарративном контексте и в релятивной клаузе. Субъект (либо местоименная реприза при субъекте, выраженном именной группой) выражается местоимением особой субъектной серии II, от-

личной от субъектной экзистенциальной серии I и называемой сопряжённой:

	SG			DU	PL			
лицо	1	2	3	Incl.	1 Excl.	1 Incl.	2	3
I экзистенциальная	ḡ	ḡ/ò	yè	kò	ì	kùà	kà	wò
II сопряжённая	í	ḡ/ó	yá/á	kó	í	kúá	ká	wá

Местоимения этой серии, исключая местоимение 3 ед., характеризуются тем же сегментным составом, что и местоимения экзистенциальной серии. Однако в то время, как для серии I характерен низкий тон для местоимений-локуторов и ультра-низкий для местоимений-нелокуторов, в сопряжённой серии тональное противопоставление локуторов и нелокуторов нейтрализуется – все местоимения имеют высокий тональный контур. Сопряжённое местоимение 3 ед. имеет два варианта, различающиеся своей сегментной базой. На данном этапе исследования можно предположить, что *á* является факультативным комбинаторным вариантом¹ *yá*: вариант без консонантного начала встречается только в неначальной позиции в предложении, однако, возможно, позиция в предложении является не единственным фактором, определяющим распределение этих вариантов. Так, для языка дан-бло местоимения 3 ед. соответствующей серии *yḡ* и *ḡ* распределены следующим образом: форма без начального сонанта «употребляется только в неначальной позиции», она предпочтительнее в логофорическом контексте, тогда как форма с начальным сонантом «более вероятна в тех контекстах, где её антецедент фокализован» [Эрман 2002: 171].

Нарративная конструкция используется при перечислении некоторого числа последовательно совершившихся событий. Использование нарративной конструкции сигнализирует о том, что «временная соотнесённость соответствующей глагольной формы идентична

¹ Термин принадлежит Н.С.Трубецкому, который понимает под факультативным комбинаторным вариантом позиционный вариант, находящийся в соответствующей позиции в отношении свободного варьирования с основным вариантом [Трубецкой 1960: 55-56].

временной соотнесённости той формы, которая предшествует ей в тексте» [Плунгян 2003: 30]. В нарративной цепочке, как правило, «первый предикат «полноценно» маркирован в отношении видо-временных характеристик», благодаря чему временная соотнесённость остальных предикатов может быть вычислена «на основании исходного предиката в цепочке» [Плунгян 2003: 30]. Эти обстоятельства и позволяют говорить о конструкции, применяемой в нарративной цепочке, как демонстрирующей сопряжённый статус составляющих её непервых предикаций.

- (7) gbé yè kà bǝ tǝ sùù guí yèlè
 собака 3sg.EXI RETR входит курица укрытие в Conj
 yá tǝ lǝ tǝ
 3sg.JNT курица PL на
 ‘Собака ворвалась в курятник и напала на кур.’

В кла-дан, однако, и в первой предикации нарративной цепочки может употребляться нарративная конструкция, не содержащая каких-либо обстоятельств, которые эксплицитно указывали бы на время описываемой ситуации. В таком случае она относится к плану прошлого.

- (8) yá lò guàà bǝ yèlè yá là
 3sg.JNT уходит.JNT женитьба на Conj 3sg.JNT рожать.JNT
 lǝ dò ká
 ребёнок один с
 ‘Она вышла замуж и родила ребёнка.’

Клаузы связываются между собой союзом *yèlè*, который предположительно маркирует следование событий во времени либо причинно-следственную связь между ними.

- (9) làŋ guí lǝ yá trǝ trǝ yèlè trǝ
 небо внутренняя.часть место 3sg.JNT чернеть.JNT Conj ветер

yá
3sg.JNT

‘Небо стало чёрным, и подул ветер.’

Апофония ‘сопряжённость’ применяется также и в других контекстах, содержащих предикации с зависимым статусом. Одним из таких контекстов является сложноподчинённое предложение с придаточным относительным:

- (10) bɛ̃ kɛ̃ yá yɛ̃ píɛ̃ ʔbʔ báálá ká
человек Conj 3sg.JNT заканчивать.JNT рано 3sg.POSS работа с
yɛ̃ tʃɲ plál kʌ ʔbʔ ɓɪlɪ ká
3sg.EXI время много делать.FCT 3sg.POSS люди с
‘Люди, которые рано заканчивают работать, проводят много времени со своей семьёй.’

В двустопных глаголах оба типа апофоний – фактативная и сопряжённые – применяются к тональному контуру лишь второй стопы.

- (11) bɛ̃ bá yɛ̃ kà Zǎ bʔ ɓɓbí kɛ̃ yáálí
человек ART 3sg.EXI RETR Зан POSS машина портить.FCT вчера
‘Кто-то испортил вчера машину Зана.’

Среди подобных двустопных глаголов – глаголы со значением изменения положения в пространстве, образованные с помощью суффикса *-lɪ̃*: *dúáálɪ̃* ‘останавливаться’ (← *dɔ̃* ‘ставить; прекращать’), *ʒíɛ̃lɪ̃* ‘вешать’ (← *zɪ̃* ‘висеть’), *wáálɪ̃* ‘ложиться’ (← *wɔ̃* ‘лежать’), *yáálɪ̃* ‘садиться’ (← *yà̃* ‘сидеть; класть’).

- (12) [- Работает ли он? - Нет,]

yɛ̃ wáálɪ̃ yì gbʔ sɛ̃ tʔ
3sg.EXI ложиться.FCT день весь циновка на
‘Он всё время лежит на циновке.’

- (13) yá gbɛ̃ dɔ̃ yɛ̃ yɛ̃lɛ̃ yá dúáálɪ̃
3sg.JNT собака один видеть.JNT Conj 3sg.JNT останавливаться.JNT
‘Он увидел собаку и остановился.’

2. Редупликация

В качестве определения редупликации возьмём определение этого явления, предложенное в работе [Рожанский, рукопись], сократив его до потребностей нашего описания: «Редупликацией называется языковой механизм, состоящий в повторе слова или его части (независимо от её размера) и удовлетворяющий следующим условиям:

1. этот повтор не является случайным (то есть не происходит из случайного стечения одинаковых фонем или кластеров).

2. этот повтор может быть проинтерпретирован с семантической точки зрения (то есть можно говорить об определённой семантике или функциональной нагрузке, связанной с этим повтором)».

Разные типы редупликации, применяемые в языке кла-дан, противопоставлены по следующим признакам.

а) Языковой уровень, к которому принадлежит повторяемый сегмент: фонемная ~ морфемная редупликация:

glúúglù ‘круглый’ → *glúúglùù* ‘очень круглый’ ~ *kpáá* ‘сухой’ → *kpáákpáá* ‘очень сухой’. Фонемная редупликация в кла-дан представляет собой повторение одного гласного, морфемная – повторение корня.

б) Число повторений: собственно редупликация ~ трипликация.

tì ‘чёрный’ → *tìì* ‘очень чёрный’ ~ *tì* ‘чёрный’ → *tììì* ‘чрезвычайно чёрный’

в) Полнота: полная ~ частичная редупликация (область применения и редупликанд нетождественны).

flúúsù ‘пустой’ → *flúúflúúsù* ‘пустой’ ~ *lěědǎ* ‘мучительный’ → *lělědǎ* ‘очень мучительный’. Это противопоставление нерелевантно для случаев фонемной редупликации, так как фонема линейно неделима.

г) Точность: точная ~ неточная редупликация (редупликанд и его образ нетождественны).

tǎǎsù ‘мокрый’ → *tǎǎtǎǎsù* ‘очень мокрый’ ~ *kláá* ‘сильный’ → *klááklá* ‘очень сильный’.

Редупликация, представленная в языке кла-дан, является прогрессивной, она может сопровождаться незначущей апофонией, ко-

торая затрагивает по большей части супraseгментный уровень, а на сегментном уровне – только гласные.

В кла-дан широко представлена редупликация прилагательных, как грамматическая, так и присутствующая в отдельных лексемах немотивированная редупликация. Грамматическая редупликация служит показателем квазиграммем «интенсивная степень признака» и «суперинтенсивная степень признака». Тип применяемой редупликации обусловлен, во-первых, её семантикой, во-вторых, тем, является ли прилагательное производным или нет, а в-третьих, фонотипом прилагательного, что релевантно только для производных прилагательных.

2.1. *Непроизводные прилагательные*

Для описания механизмов применения редупликации на множестве производных прилагательных оказывается релевантным понятие фонотипа. Фонотипом мы будем называть фонологический тип лексемы, определяемый особенностями её сегментной и супraseгментной структуры, где сегментная структура описывается в терминах стопы.

Фонотип 1.

Данный фонотип представлен немотивированно редуплицированными прилагательными. Их интенсивная форма образуется путём фонемной редупликации гласного второй стопы. Данный фонотип включает в себя несколько подтипов. Ядро его представлено прилагательными структуры C(l)VVC(l)V с тональным контуром УВ-УВ-УН, они составляют 47,5% от общего количества входящих в него прилагательных: *fǝǝfǝ* ‘лёгкий, слабый’ → *fǝǝfǝǝǝ*, *gblǝǝgblǝ* ‘твёрдый и сухой’ → *gblǝǝǝgblǝǝ*. Ближе к периферии этого фонотипа находятся два класса прилагательных, обнаруживающих сходство в своём морфологическом поведении с прототипическими представителями фонотипа, но демонстрирующих некоторые отклонения в своей исходной сегментной (а) либо тональной (б) структуре:

а) прилагательные структуры CV₁V₂V₂CV₁V₂, где V₁ представлен гласным /u/ или /i/; Тональный контур этих прилагательных сов-

падает с тональным контуром прототипических представителей фонотипа, но реализуется не на двусложной и односложной, а на трёхсложной и двусложной стопах соответственно, то есть УВ-УВ-УВ-УН-УН: *bǔǎǎbǔǎǎ* ‘глупый’ → *bǔǎǎbǔǎǎ*, *pǐǎǎpǐǎǎ* ‘мягкий и густой’ → *pǐǎǎpǐǎǎ*.

б) прилагательные, имеющие каноническую для данного фонотипа сегментную структуру, но отличающиеся тональным контуром первой стопы. Это модулированный контур, представляющий собой последовательность тонов В-УН: *gbǎǎgbǎǎ* ‘приземистый’ → *gbǎǎgbǎǎ*, *zǒǒzǒǒ* ‘глупый’ → *zǒǒzǒǒ*.

В языке кла-дан существует ещё два класса немотивированно редулицированных прилагательных, не различающихся между собой по сегментной структуре. Это прилагательные типа CVηCVη с тональными структурами УВ-УВ-УН-УН или В-УН-УН-УН: *krǒǒkrǒǒ* ‘сладкий’, *klǎǎklǎǎ* ‘длинный и худой’, *gbǔǔgbǔǔ* ‘пухлый (о женщине, о части тела)’, *glǎǎglǎǎ* ‘длинный и толстый’. Прилагательные этих двух классов не имеют интенсивной формы. Это объясняется тем, что правила образования интенсивной формы для прилагательных данного фонотипа сталкиваются с запретом на определённую структуру стопы: фонемная редулициация вызвала бы появление стоп структуры CVηη, но последовательность двух велярных элементов в стопах с консонантным началом в кла-дан не встречается.

Данный фонотип характеризуется большой степенью общности входящих в него прилагательных не только на морфологическом, но и на фонологическом и семантическом уровнях. Так, в семантике немотивированно редулицированных прилагательных кла-дан представлены оба класса значений, выделяемых многими исследователями редуликации как демонстрирующих иконичность знака редуликации. Это значение множественности и значение отклонения от нормы. Прилагательные, характеризующие объект по таким параметрам, как физическое состояние, характер и умственные способности, демонстрируют отклонение от нормы по отрицательной шкале: неприятный характер, плохое физическое состояние, отсутствие ума – изнурённый, медлительный, апатичный, слабый, тусклый,

недозрелый (на грани созревания), тупой (незаточенный, затупившийся), вздорный, глупый, бесполезный, никчёмный, грустный, робкий (как женщина), надоедливый (о человеке). Среди значений прилагательных, относящихся к сфере величины (высоты, ширины, объёма), оценки материала объекта по твёрдости/мягкости, много таких, которые характеризуют объект одновременно по нескольким параметрам, то есть демонстрируют в определённом смысле множественную семантику: твёрдый и сухой, мягкий и густой, низкий и толстый, длинный и толстый, длинный и худой.

Фонотип 2.

Ещё один фонотип прилагательных, образующих интенсивные формы путём фонемной редупликации, имеет в качестве ядра одностопные прилагательные структуры CV. По семантике эти прилагательные – наименования цветов и основных оценочных характеристик. Морфологическая особенность данного фонотипа заключается в том, что именно он включает в себя почти все (за одним исключением) немногочисленные прилагательные, которые имеют форму суперинтенсива – третьей степени интенсивности признака. Наиболее прототипические представители – прилагательные *pí* и *tì*, которые образуют форму суперинтенсива с помощью фонемной трипликации: *pí* ‘белый, чистый’ → *píí* (Int.), *pííí* (Superint.); *tì* ‘чёрный’ → *tìì* (Int.), *tììì* (Superint.). Для прилагательного же *yà*, вопреки ожиданиям, формы интенсификации и суперинтенсификации противопоставлены как образованные с помощью фонемной и корневой редупликации: *yà* ‘плохой’ → *yàà* (Int.), *yàya* (Superint.) (но не **yààà*).

Прилагательные следующих двух фонотипов образуют интенсивные формы с помощью полной корневой редупликации.

Фонотип 3.

Ядро третьего фонотипа составляют прилагательные структуры C(l)VV с ровным тональным контуром: *zì* ‘старый, поношенный’ → *zìzì*, *gbì* / *gbè* ‘длинный, глубокий, высокий’ → *gbìgbì* / *gbègbè*. В этот же фонотип входят также прилагательные структуры Ci/uVV с ровным тональным контуром, который во всех случаях оказывается УН-УН-УН: *tì* ‘хороший’ → *tìtìtì*, *dù* ‘грязный’ → *dùdùdù*. Эту же словоизменительную модель имеют двустопные не-

производные прилагательные с одинаковым тоном на обеих стопах: *gbɛ̃lɛ̃* ‘длинный, глубокий, высокий’ → *gbɛ̃lɛ̃gbɛ̃lɛ̃*, *dʒʒlɪ* ‘немного’ → *dʒʒlɪdʒʒlɪ*.

Фонотип 4.

Второй фонотип прилагательных, подвергающихся полной корневой редупликации, представлен всего лишь двумя словами, имеющими трёхсложную сегментную структуру CiVV с тональным контуром УВ-УВ-УН. Редупликация этих прилагательных сопровождается незначительной ассимиляцией ультранизкого тона редупликата предшествующему ультравысокому тону, то есть выравниванием тона на первой стопе: *sɪ̃lɪ* ‘горячий (о воде)’ → *sɪ̃lɪsɪ̃lɪ*, *jɪ̃lɪ* ‘горький’ → *jɪ̃lɪjɪ̃lɪ*. Та же ассимиляция сопровождает полную корневую редупликацию при образовании интенсивной формы от двух однокоренных производных прилагательных, которые имеют тот же тональный контур, но на двусложной стопе: *yɛ̃ɲsɪ̃* / *yɛ̃ɲdɪ̃* ‘злой’ → *yɛ̃ɲyɛ̃ɲsɪ̃*, *yɛ̃ɲyɛ̃ɲdɪ̃*.

Необходимо упомянуть о том, что фонемная и корневая редупликации применяются также к нескольким прилагательным, не входящим в вышеописанные фонотипы и представляющим, таким образом, исключения. Так, например, фонемная редупликация используется также при образовании интенсивной формы прилагательного *kpɪ̃* ‘большой’ → *kpɪ̃ɪ̃* и интенсивной и суперинтенсивной форм прилагательного *sɛ̃ɛ̃lɪ̃* ‘маленький’ → *sɛ̃ɛ̃ɛ̃lɪ̃* (Int.), *sɛ̃ɛ̃ɛ̃ɛ̃lɪ̃* (Superint.). *tɔ̃sɪ̃* ‘спелый’ является единственным производным прилагательным, образующим интенсивную форму с помощью фонемной, а не полной корневой редупликации: *tɔ̃sɪ̃* → *tɔ̃ɔ̃sɪ̃*. С помощью полной корневой редупликации строятся интенсивные формы следующих прилагательных: *gbɔ̃* ‘мягкий’ (→ *gbɔ̃gbɔ̃*), *klɪ̃ɲ* ‘ленивый’ (→ *klɪ̃ɲklɪ̃ɲ*), *gbà̃ɲ* ‘большой, взрослый’, для которого редупликация сопровождается тональной апофонией УН-УН→Н-Н: *gbà̃ɲ* → *gbà̃ɲgbà̃ɲ*.

В кла-дан зафиксирована также частичная корневая редупликация, однако она применяется только к пяти прилагательным, два из которых являются производными. В то же время мы сталкиваемся здесь с несколькими разновидностями частичной редупликации: она

может не сопровождаться никакими незначащими сегментными и супraseгментными апофониями (*jíěědǎ* ‘колючий’ → *jíěějíědǎ*), а может сопровождаться меной тона (*klǎǎ* ‘сильный’ → *klǎǎklǎ*), удлинением гласного (*vǎ* ‘толстый’ → *vǎǎvǎ*), выпадением внутрислового согласного (если он есть) и усечением второго гласного редуликации (*drǎǎ* ‘длинный’ → *dǎǎ*, *lěědǎ* ‘болезненный, мучительный’ → *lělědǎ*).

2.2. Производные прилагательные

При описании словоизменения производных прилагательных, на наш взгляд, неуместно прибегать к понятию фонотипа. Все изменяемые производные прилагательные (за исключением одного вышеупомянутого) подвергаются полной корневой редуликации, независимо от своей сегментной и тональной структуры. Среди них встречаются различные одностопные сегментные и тональные типы: CV (*búsǔ* ‘гнилой’ → *bǔbúsǔ*), CIV (*flǔsǔ* ‘лживый, обманчивый’ → *flǔflǔsǔ*), CVV с ровным тональным контуром (*fěěsǔ* ‘беспорядочный; шумный’ → *fěěfěěsǔ*), CVV с модулированным тональным контуром (*yěǎsǔ* ‘злой’ → *yěǎyěǎsǔ*), CIVV с ровным тональным контуром (*ǎǎǎdǎ* ‘уважаемый’ → *ǎǎǎǎǎdǎ*), CIVV с модулированным тональным контуром (*kplěédǎ* ‘взрослый’ → *kplěékplěédǎ*), CVǎ с ровным тональным контуром (*kǎǎsǔ* ‘сутулый’ → *kǎǎkǎǎsǔ*), CIVǎ с ровным тональным контуром (*glěǎsǔ* ‘умный’ → *glěǎglěǎsǔ*), CiVV и CuVV с ровным тональным контуром (*tǎǎǎdǎ* ‘хороший’ → *tǎǎǎtǎǎǎdǎ*, *fǎǎǎsǔ* ‘бедный’ → *fǎǎǎfǎǎǎsǔ*), CiVV и CuVV с модулированным тональным контуром (*ǎǎǎsǔ* ‘выгнутый’ → *ǎǎǎǎǎsǔ*, *bǔǎǎdǎ* ‘бродячий’ → *bǔǎǎbǔǎǎdǎ*).

Представим в виде таблицы соотношение форм и значений редуликации в языке кла-дан.

Список сокращений

B – высокий тон
H – низкий тон
UB – ультравысокий тон
UH – ультранизкий тон
ART – артикль
Conj – союз
DU – двойственное число
EXI – экзистенциальная серия местоимений
Excl. – эксклюзивное местоимение
FCT – фактатив
IMP – императивная серия местоимений
Incl. – инклюзивное местоимение
Int. – интенсивная форма
JNT – сопряжённая конструкция, сопряжённая серия местоимений
LOC – локативная форма существительного
PL – множественное число
POSS – посессивная серия местоимений, показатель посессивной связи
PP – послелог
RETR – показатель ретроспективного сдвига
SG – единственное число
Superint. – суперинтенсивная форма

Литература

- Выдрин В. Ф. Рукопись. Восточный якуба (дан-гуэта) // Языки мира. Языки манде.
- Мельчук И. А. 2000; 2001. Курс общей морфологии. ТТ. III, IV. М. – Вена.
- Плунгян В. А. 2003. Африканские глагольные системы: Заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.
- Рожанский Ф. И. Рукопись. Редупликация как особый языковой механизм (материалы к типологии).
- Трубецкой Н. С. 1960. Основы фонологии. М.
- Эрман А. В. 2002. Субъектные местоимения в дан-блво и модально-аспекто-темпоральные значения // Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар. К 50-летию К. Позднякова. СПб.

Н. С. Найденова

ТЕРМИНЫ РОДСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ СТРАН ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

В семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры и ментальности конкретных народов. Языковые различия, обусловленные несхожестью культур, заметнее всего в лексике и фразеологии конкретного языка, поскольку номинативные средства наиболее непосредственно связаны с внеязыковой действительностью, и именно лексика описывает реалии, социальные особенности, представления и верования того или иного народа. По мнению В.Г. Гака [Гак 2000: 54-55], отбор языковых элементов в процессе организации высказывания показывает, какие элементы действительности, какие их свойства и отношения имеют приоритетное значение в речевом сознании говорящих на данном языке людей. Всякий объект имеет множество признаков, сторон, аспектов, каждый из которых может актуализироваться в речи и послужить основой для речевой номинации. Несовпадение мотивации при номинации свидетельствует об отражении в лексике и терминосистемах различных вариантов языка особенностей «умостройства» социума, говорящего на данном языке. Таким образом, в различных вариантах языка один и тот же объект может получить несколько речевых обозначений, и наоборот, одна и та же лексическая единица может иметь разные значения вследствие несовпадения когнитивной концептуализации сознанием внешнего мира, присущей носителям языка из различных ареалов его распространения.

Различия социокультурного плана могут сказаться в том, что в нескольких вариантах языка слова, совпадающие по денотату (с одинаковой предметной соотнесенностью), могут иметь неравнозначную коннотацию (т.е. эмоциональные и оценочные оттенки).

В настоящей работе, на материале французского языка в странах Тропической Африки, была предпринята попытка систематизировать

смысловые и коннотативные изменения лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю «Семья». Они разделены на три основные группы: полный лексико-семантический дивергент, частичный лексико-семантический дивергент, коннотативный дивергент.

Под полным лексико-семантическим дивергентом, вслед за В.Т.Клоковым [Клоков 2000: 18], мы понимаем смещение семантики исконно французской лексической единицы, обусловленное африканской фоновой спецификой. При оперировании французскими словами африканцы вкладывают в них свое специфическое культурное содержание, что приводит к полному изменению значения слова. В качестве примеров можно привести лексическую единицу *capitaine*, имеющую традиционное значение «капитан», а в Тропической Африке получившее значение «полигам, имеющий трех жен», и *leiutenant*, имеющую европейское значение «лейтенант», а в Тропической Африке служащее для обозначения полигама, имеющего двух жен.

Частичный лексико-семантический дивергент представляет собой частичное изменение семантики общефранцузских лексических единиц, заключающееся в появлении дополнительного значения, сужении/расширении уже существующего значения, или энантиосемии.

Говоря о сужении и расширении значения, мы будем иметь в виду так называемую лексическую синекдоху (см. [Ахманова 1969: 405]), которая уже не является тропом в собственном смысле слова, т.к. она приобрела характер довольно устойчивого языкового значения отдельного слова или выражения в определенном ареале распространения языка.

Как видно из приводимой ниже таблицы, большая часть лексических единиц подверглась расширению значения. Это, безусловно, объясняется тем, что системы родственных связей в Европе и в Тропической Африке лишь отдаленно напоминают друг друга. Как пишет Л.-С. Сенгор, «семья в Тропической Африке как базовая единица общества понимается не как союз мужа и жены с детьми (*famille réduite*), а гораздо шире, как "большая семья", т.е. как все живущие и

покойные потомки единого Предка по мужской или женской линии (*famille étendue*). Африканское общество образуется из концентрических расширяющихся кругов, расположенных друг над другом, накладывающихся один на другой и сформированных по образу и подобию семьи... Семья – это микрокосм, проекция которого в увеличенном виде составляет племя, а затем и государство. <Таким образом>, глава государства – лишь отец большой семьи» [Senghor 1964: 205]. Кроме того, в Тропической Африке существуют так называемые *fraternités d'âge* (возрастные союзы), *corporations de métiers* (союзы по профессиональному признаку) и *confréries à rites secrets* (тайные союзы). В Европе в данных случаях о родственных отношениях не может быть и речи, поэтому в Тропической Африке французские термины родства порой употребляются для обозначения социальной реалии, вообще отсутствующей в Европе.

Например, как отмечает исследовательница Генриетт Вальтер, в Тропической Африке «брат – это гораздо больше, чем брат» [Walter 1998: 143]. Так, в Камеруне слово *frère* (брат) может использоваться в следующих контекстах:

frère du village – двоюродный брат, собственно фр. аналог *cousin*

frère de famille – сводный брат, собственно фр. аналог *demi-frère*

frère même père – единокровный брат (родной брат по отцу), собственно фр. аналог *demi-frère par le père*

frère même mère – единоутробный брат (родной брат по матери), собственно фр. аналог *demi-frère par la mère*

frère même père même mère – родной брат, собственно фр. аналог *frère consanguin*.

Африканцы, принадлежащие к одному поколению, стране, этносу, называют друг друга *frère* (брат) и *sœur* (сестра). Людей старшего поколения называют *père* (отец) и *mère* (мать). Очень характерны и верны в этом плане высказывания главного героя романа А. Лопеса «В поисках Африки» конголезца Андре о камерунце, которого он видит впервые и с которым он даже не знаком: «Брат начал свое объяснение сначала <...> И брат вновь заговорил о расизме в колониях» [Lopes 1990: 36]. И далее о родственных связях африканцев: «Все

африканцы – родственники...», «Быть африканцем – вопрос не цвета кожи, а родословной», «Отцом и матерью мы называем всех людей, относящихся к поколению наших родителей» [Lopes 1990: 202; 217; 295].

Лексические единицы, служащие для обозначения членов семьи, претерпели расширение значения во французском языке стран Тропической Африки и в силу влияния арабо-мусульманской традиции, так как государственной религией многих стран Тропической Африки является ислам, а арабский язык имеет статус государственного, в частности, в Джибути и Чаде. Примером такого рода могут служить общефранцузские термины родства *frère* (брат) и *sœur* (сестра). Под воздействием арабских риторических параметров, предполагающих обращение к незнакомым людям почти как к родственникам (см. [Шагаль 2001: 265]), а также в результате установления постоянной смысловой связи с арабскими эквивалентами, эти французские лексические единицы, расширив объем своего значения, стали употребляться как общепринятые формы обращения.

Примером сужения значения может служить слово *parent*, обозначающее во Франции любого родственника, а в Тропической Африке используемое для обозначения родственника только по материнской или отцовской линии.

Проблема энантиосемии является весьма сложной. Существует немало мнений по этому вопросу. Мы разделяем точку зрения Л.А. Новикова, который характеризует энантиосемию как «особую, непродуктивную разновидность антонимии, представляющую собой противоположность значений внутри одного и того же слова, находящую внешнее выражение в контексте, в характере синтаксических и лексических связей слова (в его разных, противоположных значениях) с другими словами» [Новиков 1982: 251]. Примером энантиосемии может служить термин родства *maman*, который во Франции обозначает родную мать, а в Тропической Африке может использоваться в отношении как родной матери, так и неродной, являющейся второй женой отца-полигама.

Коннотация, являющаяся, как справедливо отмечает В.Н. Телия, «одним из наиболее диффузных лингвистических концептов» [Телия

1986: 3], понимается в рамках лингвистического направления в изучении этой проблемы, а именно его страноведческого, или культурологического ответвления, рассматривающего коннотацию как «"семантическую долю"» значения, дополняющую сведения об объективно существующей реалии сведениями о национальной ее специфике» [Телия 1986: 3]. Именно эту долю значения, которая может быть мелиоративной, нейтральной или пейоративной, и содержит коннотативный дивергент. Как совершенно верно отмечает В.Н. Телия, «эмотивно-оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа-носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки, а также универсальностью оценочного суждения, обязывающего "соблюдать" соизмерение ценности объекта с некоторыми стереотипами или стандартами по некоторой шкале, отображающей общественно сложившиеся нормы представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы» [Телия 1986: 39].

Так, слово «предок» (*ancêtre, aïeul*) оказывается во французском языке стран Тропической Африки положительно заряженным, т.к. именно предок является основателем рода и его главой, и все его потомки постоянно поддерживают с ним связь. Не случайно, что обращение к предкам звучит в государственных гимнах ЦАР, Камеруна, Того, Бурунди: «A l'union <...> ô Togolais, nos *ancêtres* nous appellent. La paix <...> ô Togolais, nos *aïeux* nous l'ordonnent» [Memo Larousse 1990: 467].

Таким образом, французский язык стран Тропической Африки по-своему отражает реальные связи, существующие между различными явлениями действительности, а также отношение его носителей к ним, в силу чего семантическая структура общефранцузских слов не остается неизменной под влиянием специфических африканских ментальных и социокультурных черт.

Фрагмент лексико-семантического поля «семья»

Тип модификации	Процесс	Лексическая единица	Традиционное (европейское) значение лексической единицы	Африканское значение лексической единицы
Полный лексико-семантический дивергент		capitaine	капитан	полигам, имеющий трех жен (Троп. Афр.)
Частичный лексико-семантический дивергент	Сужение значения	parent	любой родственник	родственник только по материнской линии или только по отцовской линии (Троп. Афр.)
	Расширение значения	beau	beau-père – тесть, свекор, отчим	beau – свояк (Троп. Афр.)
			beau-frère – свояк	beau – тесть, свекор (Буркина-Фасо, Кот д'Ивуар, Того, Сенегал)
			beau-fils – зять	beau – зять (Буркина-Фасо)
				beau – родственник по линии супруга или супруги (Кот д'Ивуар)
Энантиосемия	maman	мама (родная мать)	beaux (beaux-parents) – родственники (родители) супруга или супруги (Буркина-Фасо)	
Коннотативный дивергент	Мелиорация	ancêtres	мама (родная мать)	родная мать, неродная мать (Троп. Афр.)
	Нейтрализация	belle-mère	предки (нейтр.)	предки, родоначальники (мелиор., Того)
	Пейорация	bâtard	мачеха (пейор.)	приемная мать (нейтр., Троп. Афр.)
			внебрачный ребенок (нейтр.)	ублюдок (пейор., Буркина-Фасо)

Литература

- Ахманова О. С. 1969. Словарь лингвистических терминов. М.
- Гак В. Г. 2000. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М.
- Клоков В. Т. 2000. Французский язык в Африке: Лингвокультурологическое исследование. Саратов.
- Новиков Л. А. 1982. Семантика русского языка: Учебное пособие. М.
- Телия В. Н. 1986. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.
- Шагаль В. Э. 2001. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М.
- Lopes H. 1990. Le Chercheur d'Afriques. Paris.
- Memo Larousse. 1990. Encyclopédie générale visuelle et thématique. Paris.
- Senghor L.-S. 1964. Liberté I. Négritude et humanisme. Paris.
- Walter H. 1998. Le français d'ici, de là, de là-bas. Paris.

ОРИЕНТАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ МУАН¹

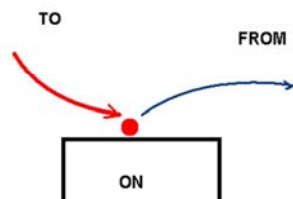
1. Выражение элементов категории ориентации: эссив, аллатив, аблатив

«Языки, в которых пространственные адлоги или падежные аффиксы никогда не используются для формального различия локализации, источника движения и направления движения, обычны в Африке к югу от Сахары, в особенности в языковой семье Нигер-Конго. В этих языках конструкции с локативным значением (адложная группа, именная группа в соответствующем падеже или локативное наречие) сами по себе не дают указания на то, играют ли они роль локатива, источника или направления движения» [Creissels 2003].

С кодированием локативных семантических ролей прямым образом связана категория ориентации. «Эта шифтерная категория является по преимуществу глагольной; она весьма близка к категории дейксиса ... и включает в наиболее простом варианте три логически очевидных элемента: *сюда – отсюда – нейтральность (отсутствие ориентации)*» [Мельчук 2004: 55]. Назовем эти элементы традиционно: соответственно *аллатив – аблатив* и *эссив*.

on	эссив
to	аллатив
from	аблатив

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов» № 08-04-00144а).

Известно, что не только в африканских, но и не во всех европейских языках именные и адвербиальные группы с локативным значением формально разграничивают все три указанные роли. Как указывает Д. Крессельс, существует пять возможностей не-глагольного маркирования элементов категории ориентации.

эссив **vs** аллатив **vs** аблатив
 эссив + аллатив **vs** аблатив
 эссив + аблатив **vs** аллатив
 эссив **vs** аллатив + аблатив
 эссив + аллатив + аблатив

В европейских языках представлены, главным образом, две стратегии: 1) маркирование всех трех элементов; а также 2) маркирование аблатива (источника) как противопоставленного эссиву и аллативу, которые маркируются сходным образом.

1) английский: *I go to London; I am in London; I come from London*

русский: *в Москве; в Москву; из Москвы*

2) французский: *à Paris* 'в Париже, в Париж'; *de Paris* 'из Парижа'.

При этом во многих языках существуют и дополнительные стратегии, которые находятся на грани допустимости (ср. приводимое Т. Никитиной, в русском языке: *ключи лежат на столе – возьми ключи на столе – положи ключи на столе* [Nikitina 2006]).

Во французском языке Кот д'Ивуара реализуется не характерная для европейских языков стратегия неразличения указанных ролей:

Эссив: *La cuvette est sur la table.* 'Миска – на столе'.

Аллатив: *J'ai mis la cuvette sur la table.* 'Я поставил миску на стол'.

Аблатив: *J'ai pris la cuvette sur la table.* 'Я взял миску со стола'.

В ситуации формального неразличения эссива, аллатива и аблатива в локативной именной или наречной группе кодирование семантических ролей оказывается глагольным. В этой ситуации основными стратегиями будут глагольная сериализация либо разграничение глаголов по направлению действия, ими обозначаемого.

Кодирование семантических ролей эссива, аллатива и аблатива через глагольную сериализацию чрезвычайно распространено в африканских языках к югу от Сахары. Ср. пример из языка бауле (< акан < Нигер-Конго):

- (1) Wàndí kò bɛ̀ bò
бежать идти 3Pl Loc
'Беги к ним!' [Creissels 2003]

Эту же стратегию использует гаитянский креол:

- (2) Maman rivé sòt lavil
мать возвращаться выходить город
'Мать вернулась из города'.

В (1) и (2) глагольная сериализация кумулятивно выражает как ориентацию действия относительно ориентира и относительно наблюдателя, так и семантические роли локативных конструкций: в (1) – аллатива, в (2) аблатива.

Вторая стратегия – семантика глагола включает в себя значение направления действия по отношению к ориентиру и наблюдателю – является преобладающей в языках группы манде.

Такая стратегия также встречается в большинстве языков мира, ср. русские *уйти* – *прийти*, *приводить* – *уводить*. Как показал И.А.Мельчук, она последовательно выражена во французском языке, ср. пары: *venir* – *aller* 'идти', *revenir* – *retourner* 'возвращаться', *amener* – *emmener* 'вести', *apporter* – *emporter* 'нести', где первая лексема выражает перемещение сюда, а вторая перемещение отсюда» [Мельчук 2004: 56]. Более подробную классификацию существующих стратегий выражения направления действия и их формаль-

ного выражения приводит в своей работе Ф.И. Рожанский [Рожанский 1992].

Ф.И. Рожанский показал, что глаголы перемещения могут быть ориентированы относительно точки в пространстве (ориентир) и/или относительно наблюдателя. Во многих случаях следует говорить о двух ориентирах L_1 и L_2 : соответственно начальной и конечной точке движения [Рожанский 1992: 7-8]. В приводимых И.А. Мельчуком парах глаголов это различие не выражено. Ср. в русском языке:

(3) Он пришел в магазин. – Он ушел из магазина.

(4) Он ушел в магазин. – Он пришел из магазина.

Для примеров (3) положение наблюдателя по отношению к ориентиру нерелевантно (он может находиться или не находиться в точке L_1). Для примеров (4) положение наблюдателя определено – он находится вне ориентира (в ином ориентире L_2). Подробнее об этом см. [Рожанский 1992].

2. Категория ориентации в языке муан

Язык муан относится к южной ветви языков семьи манде (нигеро-конголезская макросемья), на нём говорит около 20 тысяч человек, живущих в центральных районах республики Кот д'Ивуар (супрефектура Конгассо). Носители языка муан проживают компактно, на востоке от них живут носители языка уан, а на юге носители языка гуро.

Муан – тональный язык, в нём имеется три уровневых тона (высокий, средний и низкий). Тональные различия являются смыслоразличительными, тон может также играть роль грамматического маркера. Муан относится к аналитическим языкам с элементами флексии и агглютинации. Порядок следования элементов в предложении строго фиксированный – как в предложении в целом, так и внутри именной, глагольной и адъективной синтагм. Порядок слов в предложении: SOV для переходных глаголов и SV – для непереходных. Косвенное

дополнение стоит после глагола, обстоятельства – либо в самом начале, либо в самом конце предложения. Все синтаксические позиции должны быть заняты, эллипсис невозможен. Опускание субъекта сигнализирует о пассивной трансформации (объект действия становится субъектом). Введение прямого объекта в предложение с непереходным глаголом сигнализирует о каузативной трансформации (ложиться / заставлять лечь, укладывать).

В муан, как и в других языках манде, для формального различения элементов категории ориентации «статическое положение в пространстве» и «движение “к”» и «“от” такого положения» используются только соответствующие глаголы или предикативные конструкции со связкой.

2.1. Непереходные глаголы движения

В языке муан эксплицитно выражается как направление по отношению к ориентирам L_1 и L_2 (точки в пространстве, обозначающие начало и цель движения), так и по отношению к наблюдателю. Ср. следующие примеры, где движение совершается относительно ориентиров L_2 «контора» и L_1 «не-контора»:

- (5) é nū nū-lē bìlòò é lâ èè?
 2Sg Fut приходить-Spn бюро Art под Q
 ‘Ты придешь в контору?’ (движение к ориентиру L_2 , наблюдатель находится в L_2 , агенс находится в L_1)
- (6) é gē-lè bìlòò é lâ èè?
 2Sg уходить-Mod бюро Art под Q
 ‘Ты собираешься идти в контору?’ (движение к ориентиру L_2 , наблюдатель и агенс находятся в L_1)
- (7) yòò zā bìlòò é lâ èè?
 1Sg.Cop зад бюро Art под Q
 ‘Ты вернешься в контору?’ (движение к ориентиру L_2 , наблюдатель находится в L_2 , агенс – в L_1)

- (8) é nīnà-lé bìlòò é lâ ɛ̀ɛ̀?
 2Sg возвращаться-Mod бюро Art под Q
 ‘Ты (уйдешь и) вернешься в контору?’ (движение к ориентиру L₂, наблюдатель и агенс находятся в L₁);
- (9) é dā-lè bìlòò é lâ ɛ̀ɛ̀?
 2Sg возвращаться-Mod бюро Art под Q
 ‘Ты вернешься из конторы?’ (движение к ориентиру L₁, наблюдатель находится в L₁, агенс находится в L₂, куда он некоторое время назад переместился из L₁)

В примерах (5), (6) и (7) дополнительно выражается значение возвратного действия, т. е. агенс какое-то время назад совершил обратное перемещение. Сравним примеры (8) и (9). Как мы видим, муан различает глаголы *nīnà* ‘возвращаться в’ и *dā* ‘возвращаться из’. В обоих случаях речь идет о возвратном движении, в обоих случаях наблюдатель находится в L₁ (вне конторы), однако в (8) движение направлено от наблюдателя, а в (9) к наблюдателю. Эти же глаголы кодируют соответственно аллатив («в контору») и аблатив («из конторы»).

Они противопоставлены конструкции *ò zā* ‘возвращаться в’ (букв. ‘быть назад’) – здесь наблюдатель находится в L₂ (в «конторе»), действие происходит по направлению к наблюдателю, при этом кодируется аллатив («в контору»):

	наблюдатель	агенс	движение из L ₁ в L ₂	движение из L ₂ в L ₁
<i>ò zā</i>	L ₂	L ₁	+	
<i>nīnà</i>	L ₁	L ₁	+	
<i>dā</i>	L ₁	L ₂		+

Заметим, что все указанные значения выражены только в глаголе. Именная локативная синтагма выражает лишь указание на ориентир: *bìlòò é lâ* ‘в конторе’, ‘в контору’, ‘из конторы’. Эта ситуация делает возможным существование в муан локативов, особого подкласса существительных, которые сами по себе без послелогов обо-

значают «локус» в эссиве, аллативе или аблативе, но при этом сохраняют и номинативную функцию. К локативам относится большинство топонимов. Например, локатив *Fr̥z̥zĩ* означает: ‘Франция’, а также ‘во Франции’, ‘во Францию’, ‘из Франции’.

2.2. Переходные глаголы

До настоящего момента речь шла о непереходных глаголах движения. Однако аллатив и аблатив требует различения локативных конструкций и с переходными глаголами, в ситуациях манипуляции предметами. В этом случае также используются разные глаголы. Для кодировки аллатива и аблатива используются, главным образом, следующие глаголы.

Выражают аллатив:

kṛá ‘класть (на что-л., во что-л.)’, ‘ставить (на что-л.)’ – о мелких предметах;

dulâ ‘ставить (на поверхность)’;

dɔ ‘класть, ставить (на неплоскую или не горизонтальную поверхность)’;

bɔ ‘класть, ставить (внутри чего-л., вокруг чего-л.)’ – о крупных предметах.

Выражают аблатив:

sí ‘брать откуда-то, уносить’;

gɔ ‘убирать, вынимать, уносить и т.п.’.

Ср. следующие примеры:

(10) Gḁḁ bē é yòḁ sēnè é yí

Кола орех Art 3Sg.Cop корзина Art в

Орех кола – в корзине (эссив).

(11) Ĩ gḁḁ bē kṛàà sēnè é yí

1Sg кола орех класть.Prf корзина Art в

‘Я положил орех кола в корзину’ (аллатив).

(12) Ĩ gḁḁ bē é sià sēnè é yí

1Sg кола орех Art брать.Prf корзина Art в

‘Я вынул орех кола из корзины’ (аблатив).

- (13) Cīēnè ò tàbàlì é lâ
 корзина Cop стол Art под
 'Корзина – под столом' (эссив).
- (14) Lē é cīēnè dūláá tàbàlì é lâ
 женщина Art корзина ставить.Prf стол Art под
 'Женщина поставила корзину под стол' (аллатив).
- (15) Lē é cīēnè é gwà tàbàlì é lâ
 женщина Art корзина Art убирать.Prf стол Art под
 'Женщина убрала корзину из-под стола' (аблатив).

3. Пространственные послелогои в языке муан

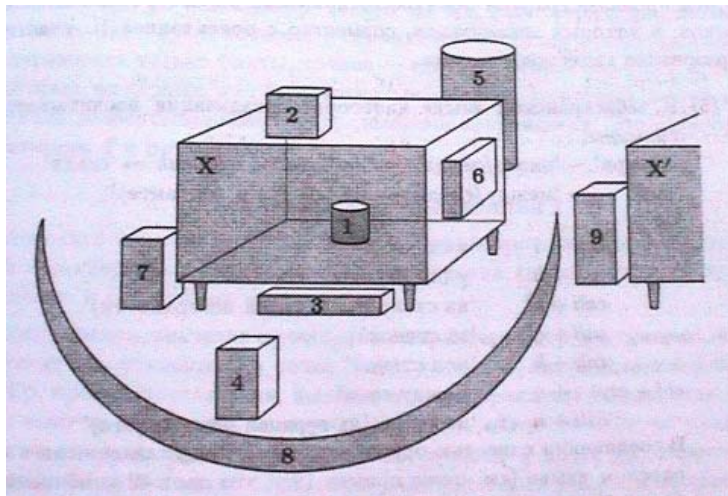
3.1. Послелогои, выражающие основные локализации

Мы видим, что пространственные послелогои указывают только на положение объекта относительно другого (локализация), однако не несут информации о направленности действия относительно этого локуса (ориентация). Следовательно, ориентация и локализация выражаются не кумулятивно, а напротив, их выражение не связано.

Основным средством выражения положения Объекта в пространстве являются послелогои. Этимологически послелогои муан делятся на три класса: 1) образованные от имен, обозначающих части тела одушевленных существ; 2) образованные от имен, обозначающих «геометрические» параметры предметов; 3) послелогои с непрозрачной этимологией. Послелогои последнего класса не выражают пространственных значений.

Остановимся на выражении в муан основных локализаций. Для исследования использовалась схема, предложенная И. Мельчуком:

Схематическое представление основных возможных локализаций [Мельчук 2004: 53].

Поскольку категория ориентации послелогоми не выражается, примеры будут даваться на одну из возможных семантических ролей. Начнем с положения номер 2.

Положение 2. Объект расположен на поверхности другого объекта. Чаще всего выражается послелогом *tā* 'на', 'на поверхности', 'сверху' (от существительного *tā* 'верхняя поверхность').

- (16) *Tásá é dūlā-le ò tábàlí é tā*
 миска Art стоять-Nom Cop стол Art на
 'Миска стоит на столе'.

Положение 3. Объект расположен под другим объектом. Выражается послелогом *lā* 'под' (от существительного *lā* 'пространство под чем-л.'¹). См. примеры (13)-(15). Этот послелог может вы-

¹ Форма *lā* является тональным вариантом послелога *lā* в положении после слова, несущего высокий тон.

ражать также в некоторых случаях локализацию внутри объекта (примеры 6-10), о чем ниже.

Положение 4. Объект расположен перед другим объектом. Выражается послелогом *léé* ‘впереди’, ‘перед’ (от существительного *léé* ‘пространство впереди чего-л.’).

- (17) Gwlānè kpē é gwà fě é léé
 старик стул Art убирать.Prf дом Art перед
 ‘Старик убрал стул из пространства перед домом’.

Положение 5. Объект расположен позади другого объекта. Выражается сложным послелогом *zàtā* ‘сзади’, ‘позади’, ‘за’ (от существительного *zàtā* ‘спина, на спине, на спину’, которое в свою очередь является локативом, образованным от существительного *zà* ‘зад’ с послелогом *tā*).

- (18) Fě-угē dwà fě é zātā.
 мыться-место ставить.Prf дом Art за
 ‘Душ находится за домом’.

Положение 6. Объект расположен на боковой поверхности другого объекта. Выражается послелогом *mā* ‘под’ (от существительного *mā* ‘боковая поверхность чего-л.’).

- (19) Gblànè fòtòò kpàà fě é mā
 девушка фото класть.Prf дом Art на
 ‘Девушка повесила фотографию на стену’.

Положение 7. Объект расположен рядом с другим объектом, однако не касается его. Выражается послелогом *dīj* ‘у’, ‘около’, ‘рядом’ (от существительного *dīj* ‘пространство рядом с чем-л.’).

- (20) È cēnè é sià tàbàlí é dīj
 3Sg корзина Art брать.Prf стол Art рядом
 ‘Она взяла корзину, которая находилась у стола’.

Положение 8. Объект располагается вокруг какого-то объекта. Выражается послелогом *zī* 'вокруг', имеющим также значение 'вдоль, по' (от существительного *zī* 'дорога').

- (21) Ò jásá bwà fě é zī
 3Pl забор ставить.Prfl дом Art вокруг
 'Они поставили забор вокруг дома.'

Положение 9. Объект расположен между двумя объектами. Выражается послелогом *plēḡ* 'между', 'среди' (от существительного *plēḡ* 'пространство между или среди чего-л.').

- (22) Cīēnè ò fě é pēgée kpáá é plēḡ
 корзина Cop дом Art и навес Art между
 'Корзина находится между домом и навесом.'

3.2. Послелог со значением «внутреннее пространство»

Остановимся на локализации объектов во внутреннем пространстве (положение 1). Здесь оказываются релевантными параметры ситуации, обычно не находящие эксплицитного выражения в европейских языках. Число пространственных послелогов, способных выражать значение «положение внутри, весьма значительно:

- yì* (ср. существительное *yì* 'содержимое контейнера');
- līí* (ср. существительное *līí* 'рот');
- kréé* (ср. существительное *kréé* 'живот');
- bā* (ср. существительное *bā* 'часть однородной среды');
- lā* 'под' (ср. *lā* 'пространство под чем-л.');
- zī* (ср. *zī* 'внутренняя поверхность предмета', 'дорога');
- plēḡ* (ср. существительное *plēḡ* 'пространство между двумя предметами');
- pḡḡ* (ср. существительное *pḡḡ* 'место').

Значения этих послелогов распределены следующим образом.

yì – наиболее абстрактный из указанных послелогов, указывает на нахождение внутри контейнера, обычно незамкнутого, не имею-

щего чёткой формы, или абстрактной сущности: *gbā é yí* ‘на поле’, *tásá é yí* ‘в миске’; *í flé yí* ‘в моем теле’; *bò yí* ‘в саванне’; *tùàbù wí yí* ‘на французском языке’; *ò wlé yí* ‘в их лицах’; *lòmíń yí* ‘в апельсине’; *wáátí là yí* ‘в то время’; *gbēyā lá yí* ‘в такой манере, таким образом’; *srǒǒ yí* ‘в колдовстве’.

zī указывает на нахождение внутри полого контейнера или контейнера, который видится как рамка: *vè gòmà zī* ‘в дупле сейбы’; *mēē ńí zī* ‘у человека в носу’; *kāā é zī* ‘в реке Кан’.

bā указывает на нахождение объекта внутри однородной среды или среди идентичных предметов: *yì bā* ‘в воде (в толще воды)’; *māā mū é bā* ‘среди кур’; *kǒó bā* ‘у нас дома’; *mēē yrè bā* ‘у человека в глазу’; *jàmàtī bā* ‘у вождя деревни’; *dāā yì é bā* ‘в сок каучуконоса’.

líí употребляется по отношению к предмету, который расположен внутри пространства лишь частично (часть предмета видна, другая скрыта): *gāyū lì* ‘в ловушке’; *zò líí* ‘в пасти панголина’.

kréé обозначает нахождение внутри замкнутого закрытого пространства. Употребляется с весьма узким классом имен: *wà kréé* ‘в деревне’ (при также возможном *wà tā* ‘в деревне’).

là может употребляться для локализации внутри объекта, имеющего выраженный «верх»: *fé é là* ‘в доме’, *bilòò é là* ‘в конторе’.

plēń обозначает нахождение между двумя предметами, но иногда и нахождение среди однородных предметов: *é né mū sīt ó plēń* ‘позови своих детей к нам’.

nǒǒ имеет очень узкую сферу употребления, выступая, главным образом, со словом *yrē* место: *yrē dō nǒǒ* ‘в одном месте’; служит основным средством номинализации глагола в целевом значении:

(23) ń dē jà wī dē yrē nǒǒ
1Sg отец уходить.Prf мясо убивать место в
‘Мой отец ушёл на охоту (чтобы охотиться)’.

Список сокращений

Art – определенный артикль
Cоп – связка
Fut – будущее
Imp – имперфектив
Neg – отрицание
Prf – перфектив
Prog – прогрессив
Q – показатель общего вопроса
Spn – супин

Литература

- Мельчук И. А. 2004. Общая морфология. Т. II. М.
Рожанский Ф. И. 1992. Глагольные конструкции с пространственными аргументами. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М.
Creissels D. 2003. Encoding the distinction between localization, the source of motion and the direction of motion: a typological study // Proc. of Colloque international Space in languages: linguistic systems and cognitive categories, Ecole Normale Supérieure d'Ulm, Paris, France, 7-8 février 2003.
Nikitina T. 2006. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: A study of the Source/Goal ambiguity. Draft.

*В. А. Плунгян
А. Ю. Урманчиева*

СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ НАРРАТИВА В ЯЗЫКАХ БАНТУ

II. Фокусные и нефокусные формы^{*}

В данной работе, продолжающей серию статей, начатую работой [Плунгян, Урманчиева, в печати], мы вновь обращаемся к вопросу об использовании глагольных форм для структурирования нарративных текстов. В предыдущей статье мы рассмотрели материал языка дабида, достаточно хорошо коррелирующий с такой стратегией организации нарратива, которая ориентирована на грамматическое маркирование дискурсивной функции каждой предикации в рамках всего текста (напомним репертуар основных дискурсивных функций: секвентная, интродуктивная, фоновая, ретроспективная и функция комментария). Однако такая стратегия организации нарратива не является единственно возможной. В данной статье рассматривается иная дискурсивная стратегия, ориентированную в меньшей степени на выражение дискурсивной функции предикаций и в большей степени – на фокусное выделение «кульминационных» моментов повествования.

Интересно, что две обозначенных стратегии могут сосуществовать в одном и том же языке – начнем данную статью с данных языка дабида, на материале которого была построена и первая статья данной серии.

1. «Фокусная» нарративная стратегия в языке дабида

До сих пор, анализируя нарративные стратегии в дабида, мы опирались на фольклорные нарративы следующей структуры: ситуации

^{*} Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-04-00209а.

основной линии повествования маркируются формами с префиксом *ka-*, тогда как ситуации, не принадлежащие к основной линии повествования (интродуктивные, ретроспективные и фоновые) маркируются формой *S_{III}-re-R-ie-ghe*. Очевидно, что при реализации такой нарративной стратегии удельный вес форм с префиксом *-ka* существенно выше, чем удельный вес форм *S_{III}-re-R-ie-ghe*. Тем не менее, есть примеры текстов дабида, где количественное соотношение этих двух форм принципиально иное: в этих текстах в численном отношении преобладают формы *S_{III}-re-R-ie-ghe*, что заставляет предположить, что в дабида возможно существование и другой нарративной стратегии.

Ниже мы приводим такой текст, также взятый из [Рябова 2000] – в дальнейшем будет сделана попытка проанализировать реализованную в нем дискурсивную стратегию:

(1) 1. Ko kala **korekoghe**₁ na mzuri muka **orekoghe**₂ na *ɓaruna* ɓa ɓaka ɓasanu na uo moni ni wa karandadu. 2. Irina jake **oreɓangwagha**₃ Irandadu. 3. Nao ija irina *ndejeremboiagha*₄ anduangi. 4. Hata iji **oreɓuriege**₅ mzuri, *ukaɓilaghira*₆ ɓadumiki ɓake andu *ijimndungi waghora*₇ ilagho iji ja “*irandadu*” uɓwagho₈ shwa ɓori. 5. Na matuku agho nyamandu rose **rerekoghe**₉ rikideda₉ sa ɓadamu. 6. **Korekoghe**₁₀ na mbisi imu ikalie **erechieghe**₁₁ na **kukaya**₁₂ a chienyi kwa uo mzuri muka nayo **erekumbieghe**₁₃ mavingo arandadu gha magho. 7. Na iji **ereɓonieghe**₁₄ nyamandu ingi ikiida **ereizerieghe**₁₅. 8. “*Nakuvoya*₁₆ kuche₁₇ aha kunitesi₁₈ kutala₁₉ mavingo ghapo”. 9. Na iji nyamandu ingi **erechieghe**₂₀ na **kutala**₂₁, “*Jimweri, aɓi, adadu, ana, asanu, arandadu*”, mbisi **eredimieghe**₂₂ kuiɓwada na **kuija**₂₃ karakara na momu ghwa mzuri. 10. Mbisi **erejieghe**₂₄ nyamandu nyingi kwa chia ihi. 11. Ituku jimu mbisi **erekwaneghe**₂₅ na nguku ikalie, 12. angu iji mbisi **ereizerieghe**₂₆ iche₂₇ itesi₂₈ kutala₂₉ mavingo, nguku **erechieghe**₃₀ na **kuseria**₃₁ ivingo jimu; 13. niko **ikatala**₃₂ huɓu: “*Jimweri, aɓi, adadu, ana, asanu na jimu najiseria*₃₃”. 14. Mbisi **ereizerieghe**₃₄ nguku itale₃₅ indo ja kaɓi, na nguku **ikatala**₃₆ karakara sa imbiri. 15. Na sena **ikaizera**₃₇ itale₃₈ indo ja kadadu, na nguku **ikatala**₃₉ ɓoruɓo koni. 16. Aho niko mbisi **erejokeloghe**₄₀ ni machu na **kuizera**₄₁ nguku, 17. “*ɓelee, koka kuseichi*₄₂ kutala₄₃ ado? Tala₄₄ huɓu: “*Jimweri, aɓi, adadu, ana, asanu, arandadu*”. 18. Na iji mbisi

*ereghorieghe*₄₅ “arandadu” shwa βori masikari gha mzuri *ghikaibwagha*₄₆
19. Uko niko kutua kwa io mbisi.

Приведем перевод этого текста¹:

1. Жила-была₁ царица, и было₂ у нее пять сестер, а сама она – шестая. 2. И имя ее было₃ – Шесть. 3. И это имя ей совсем не нравилось₄. 4. И когда она стала₅ царицей, она приказала₆ своим слугам, чтобы любой, кто скажет₇ слово «шесть», был бы тут же убит₈. 5. В те дни все звери умели₉ говорить₉, подобно людям. 6. В том месте жила₁₀ одна гиена, она пришла₁₁ и села₁₂ на дороге во владениях царицы Шесть и бросила₁₃ на дорогу шесть камней. 7. И когда она видела₁₄ какого-нибудь зверя, идущего мимо, она говорила₁₅ ему: 8. «я тебя прошу₁₆ чтобы ты подошел₁₇ сюда и помог₁₈ мне сосчитать₁₉ мои камни». 9. И когда кто-нибудь из зверей подходил₂₀ и считал₂₁: «один, два, три, четыре, пять, шесть», гиена могла₂₂ схватить его, подобно царице Шесть, и съест₂₃ его. 10. Так гиена съела₂₄ много зверей. 11. Однажды гиена повстречалась₂₅ с хитрой курицей. 12. Потому что, когда гиена сказала₂₆ той, чтобы она пришла₂₇ и помогла₂₈ ей сосчитать₂₉ камни, курица пришла₃₀ и села₃₁ на один из камней. 13. И тут она сосчитала₃₂ так: «один, два, три, четыре, пять и еще один, на котором я сижу₃₃». 14. Гиена сказала₃₄ курице, чтобы она пересчитала₃₅ еще раз, и курица сосчитала₃₆ так же. 15. Она опять сказала₃₇, чтобы курица сосчитала₃₈ в третий раз, и курица опять сосчитала₃₉ так же. 16. Тут гиена рассвирепела₄₀ и сказала₄₁ курице: 17. «Эй, ты что же, считать₄₃ не умеешь₄₂?! Считай₄₄ так: один, два три, четыре, пять, шесть». 18. И как только гиена сказала₄₅ «шесть», воины царицы тут же убили₄₆ ее. 19. Вот конец этой гиены.

¹ Для краткости здесь и в дальнейшем при цитировании значительных по объему фрагментов текста мы опускаем глоссинг. В этом случае – для того, чтобы читателю легче было соотнести бантуский текст и перевод – мы нумеруем глагольные формы в оригинале и в переводе.

Как можно видеть, в приведенном тексте форма с префиксом *ka-* встречается всего шесть раз, тогда как форма *S_{III}-re-R-ie-ghe* (либо следующая за ней форма инфинитива) – 23 раза, употребляясь в подавляющем большинстве предложений. Прокомментируем употребление этих форм, двигаясь от начала текста к его концу. В части контекстов употребление формы *S_{III}-re-R-ie-ghe* вполне ожидаемо. Так, глагольные формы 1 и 2 употреблены в интродуктивном фрагменте, а глагольные формы 10 (возможно, и 11, 12 и 13) и 25 – в промежуточной интродукции; глагольная форма 9 употребляется в предложении, выполняющем функцию комментария. Объясним также употребление этой формы в достаточно часто встречающихся в этом тексте временных придаточных, вводимых союзом *iji* ‘когда’. Однако в первом абзаце глагольные формы 15, 22, 23, 24 представляют собою уже собственно нарратив, описывая ситуации основной линии повествования – тем не менее, это формы *S_{III}-re-R-ie-ghe*, а не формы с префиксом *ka-*. Можно было бы предположить, что в данном случае употреблению форм с префиксом *ka-* препятствует аспектуальная характеристика описываемых ситуаций: все они являются имперфективными – а именно, итеративными. Однако в других текстах итеративный характер описываемой ситуации не мешает употреблению форм с префиксом *ka-*, ср.:

(2) Uo o=re-ko-ghe na toza o=re-limie-ghe
 DemI I_{III}=RE-быть-GHE с трубка.IX I_{III}=RE-пахать-GHE
 mbuʒa ya viro, ela sasa i=ka-cha na
 поле.IX Poss.IX знак.VIII однако дикобраз.IX IX_I=KA-прийти и
 i=ka-ja viro v=ake.
 IX_I=KA-есть знак.VIII VIII=его
 ‘Человек-с-трубкой возделывал поле злаков, однако дикобраз приходил и ел его злаки.’¹

¹ То, что речь идет о незавершенном неоднократном действии, доказывается дальнейшим изложением: хозяин поля раздобыл копье и сел ночью в засаду, чтобы подстеречь дикобраза, в очередной раз наведавшегося на его поле.

Ср. также в следующем примере, где дуративный характер ситуации передается конструкцией со вспомогательным глаголом, а роль предикации в дискурсе маркируется все тем же, уже знакомым нам показателем *ka-*:

- (3) U = ka-kaia u = ki-βi = lombia ma-tuku ma = lazi...
 I₁=КА-пребывать I₁-KI-II_{Obj}=молиться VI-день VI=многий
 ‘Она молилась за них в течение многих дней...’

Таким образом, как показывают примеры (2) и (3), итеративный характер описываемой ситуации сам по себе не может служить тем фактором, который безусловно запрещает употребление формы с префиксом *ka-* в нарративной функции.

Вернемся к анализу текста, приведенного в примере (1). Во втором абзаце мы встречаем еще более несомненные случаи употребления формы *S_{III}-re-R-ie-ghe* в нарративной функции – вхождения данной формы №№ 30, 31, 34, 40, 41 употребляются для описания единичных завершенных ситуаций, относящихся к основной линии повествования. В то же время, в этом фрагменте текста в нарративной функции появляются и формы с префиксом *ka-*. Любопытно, в частности, что в совершенно идентичном контексте могут употребляться и та, и другая форма: ср. глагол *-zera* ‘сказать’ в контексте ‘попросила сосчитать во второй / в третий раз’: в предикации 34 он употребляется в форме *S_{III}-re-R-ie-ghe*, в предикации 37 – в форме с префиксом *ka-*.

Итак, приведенный в примере (1) текст иллюстрирует возможность ведения нарративного повествования с использованием по преимуществу формы *S_{III}-re-R-ie-ghe*. Попытаемся определить теперь функции тех предикаций, в которых в этом тексте все-таки возникает форма с префиксом *ka-*. Все предикации, содержащие глагольные формы с префиксом *ka-* (в оригинальном тексте и в переводе они, напомним, выделены подчеркиванием), относятся к основной линии повествования. Поэтому очевидно, что им нельзя приписать какой-то иной дискурсивной функции, за исключением нарративной. Иначе говоря, противопоставление формы с префиксом *ka-* и формы *S_{III}-re-*

R-ie-ghe является, очевидно, реализацией каких-то более тонких семантических оппозиций, резграничивающих ситуации основной линии повествования.

На наш взгляд, в данном тексте избрана такая стратегия изложения, при которой основное повествование ведется в форме *S_{III}-re-R-ie-ghe*, тогда как ключевые моменты, существенные для всего сюжета в целом, маркируются при помощи формы с префиксом *ka-*. Напомним, что в данном тексте это:

а) единственная форма в начале, служащая фактически завязкой истории и называющая то ключевое обстоятельство, благодаря которому оказалось возможным возникновение сюжета в целом ('царица повелела убивать всякого, кто произнесет слово «шесть»');

б) «скопление» форм с префиксом *ka-* в финальном фрагменте текста – в той его части, где описывается развязка истории.

Как кажется, такая перебивка монотонного ряда глагольных форм *S_{III}-re-R-ie-ghe* другими грамматическими формами призвана поместить грамматически маркированные ситуации в фокус внимания. Образно говоря, такую нарративную стратегию можно уподобить одноцветной нити, на которую время от времени нанизываются цветные бусины. Возможно, в данном случае можно усматривать особый «художественный» эффект, достигнутый благодаря смещению функций двух основных форм, чередование которых обеспечивает структурирование нарратива в дабида. А именно, рассказ строится с использованием формы *S_{III}-re-R-ie-ghe*, ассоциированной с пониженной степенью ассерции. Таким образом, нейтрализуется противопоставление между ситуациями, относящимися vs. не относящимися к основной линии повествования. За счет этого формы с префиксом *ka-*, в «традиционной» нарративной стратегии являющиеся стандартным средством обозначения ситуаций основной линии повествования, при таком «сдвиге» получают маркированное прочтение, и оказываются ассоциированы с кульминационными моментами, на которых фокусируется внимание слушающего.

Можно сказать, что в дабида две различные нарративные стратегии очень изящно построены на чередовании всего лишь двух глагольных форм – с опорой на варьирование в тексте их частоты по

отношению друг к другу. Действительно, именно частотность этих форм определяет в данном случае их прочтение: в обеих стратегиях, реализующихся в фольклорных нарративах дабида, мы находим только формы *S_{III}-re-R-ie-ghe* и формы с префиксом *ka-*. При реализации первой стратегии ситуации основной линии повествования описываются при помощи форм с префиксом *ka-*, которые в данном случае количественно доминируют по отношению к формам *S_{III}-re-R-ie-ghe*. Соответственно, всякое употребление этой последней формы оказывается маркированным, обозначая отход от основной линии повествования (интродукция vs. ретроспекция vs. фоновая информация). Напротив, в рамках второй стратегии, когда количественно абсолютно превалирует форма *S_{III}-re-R-ie-ghe*, маркированными оказываются формы с префиксом *ka-*, обозначающие ключевые моменты повествования. В обеих стратегиях форма *S_{III}-re-R-ie-ghe* ассоциируется с пониженной степенью ассерции, а форма с префиксом *ka-* – с повышенной степенью ассерции. То есть «абсолютное» соотношение этих форм является неизменным – но меняется «относительное» соотношение этих форм: в рамках первой нарративной стратегии маркированной оказывается форма с пониженной степенью ассерции, в рамках второй – форма с повышенной степенью ассерции. Графически это можно передать при помощи следующей схемы, на которой прагматически маркированные формы обозначаются при помощи черных кружочков (•), а прагматически немаркированные формы – при помощи пустых кружочков (◦):

Таким образом, для помещения той или иной ситуации в фокус внимания в дабида не используются никакие специальные морфологические или лексические средства, ориентированные на выражение прагматического фокуса (хорошо известно, что наличие подобных форм в принципе не является типологическим раритетом). В языке дабида для достижения того же эффекта используется очень интересная дискурсивная техника: за счет варьирования частотности двух основных глагольных форм, за которыми закреплены вполне определенные дискурсивные функции, рассказчику удастся манипулировать фокусом внимания, перенося его на менее частотные формы.

Схема 1. Соотношение маркированных и немаркированных форм в нарративных стратегиях дабида

		Первая нарративная стратегия		Вторая нарративная стратегия	
степень ассерции	высокая =	oooooooooooooooooooo			
	низкая =			oooooooooooooooooooo	
	формы с префиксом <i>ka-</i>				
	формы <i>S_{III}-re-R-ie-ghe</i>				

Отметим, что в рамках первой нарративной стратегии в дабида секвентная функция противопоставлена «пучку» всех прочих дискурсивных функций (интродукция vs. ретроспекция vs. фоновая информация), объединенных тем, что все они описывают ситуации вне основной линии повествования. Это противопоставление нейтрализуется в рамках второй стратегии – предикации, имеющие секвентную функцию, никак не противопоставлены предикациям с интродуктивной, ретроспективной и фоновой функцией. Морфологически маркированными оказываются только находящиеся в фокусе предикации. Подобная нарративная стратегия с нейтрализацией основных дискурсивных противопоставлений является достаточно редкой. Более частотным является случай, когда категория фокуса «накладывается» на основные дискурсивные противопоставления. Такая система представлена в языке аква. К рассмотрению материала этого языка мы сейчас перейдем.

2. Дискурсивные функции и фокус в языке аква

Дискурсивные употребления глагольных форм аква рассмотрены на корпусе из 40 сказочных текстов (см. [Аксенова, Топорова 1997]). В этом языке дискурсивные функции маркируются за счет противопос-

тавления четырех глагольных форм: (в скобках приводятся для примера формы от основы *-kan-* ‘класть’):

1) форма с суффиксом *-i* (*-kan-i*)

2) форма с суффиксом *-a* (*-kan-a*)

и соответствующие им формы с предшествующим суффиксом итератива *-Vg-*, гласный которого ассимилируется гласным финального суффикса:

3) форма с суффиксами *-ig-i* [из *-Vg-i*] (*-kan-ig-i*).

4) форма с суффиксами *-ag-a* [из *-Vg-a*] (*-kan-ag-a*)

Дискурсивные функции распределяются между этими четырьмя формами следующим образом.

2.1. Секвентная функция

Предикации с секвентной функцией маркируются в аква формой с суффиксом *-i*.

(4) 1. Ibaka **itubi** opana, **ikendi** **ekwa** osika
V-нож V=пробить-I III-дерево V=идти-I INF-падать далеко

wango.

там

2. Okonzi **atemi** te, **abwe** aboko, **abini**,
I-вождь I=встать-I стоймя I=бить-I II-рука I=танцевать-I

abini, kabi **atokiti**.

I=танцевать-I kabi atokiti

3. Bato ba mboga **babwe** asimba.
II-человек II=Poss деревня.IX II=бить-I II-барабан

4. Okonzi **ayetisi** mwāna ambene.
I-вождь I=звать-Caus-I I-ребенок Poss.3Sg

5. **Abonisi** ne momi ambene.
I=видеть-Caus-I она I-муж Poss.3Sg

‘1. Нож пробил дерево насквозь и улетел далеко-далеко.

2. Вождь поднялся, стал хлопать в ладоши, и ну танцевать – аж вспотел. 3. Жители деревни били в барабаны. 4. Вождь позвал дочь.

5. Подвел к ней ее супруга.’

2.2. Фоновая функция

Описание фонового действия, как правило, связанное с описанием обстоятельств, в которых разворачивается основное действие, осуществляется в аква при помощи формы с суффиксом *-a*:

- (5) 1. Mwānà-a-Ngubu ovusu ohega ombisa.
 ИС впереди I-раб сзади
2. Ebedi n'ebedi o bongo **efuga** ba,
 VII-место и-VII-место в саванна.IX **IX=появиться-A** они
 nzia **edibumwa** yango omē. <...>
 путь.IX **IX=закреть-Pass-Revers-A** IX=Pron сам <...>
3. Ipana byango ime **bikusina**
 VIII-дерево VIII=Pron VIII=сам **VIII=наклонять-Recipr-A**
 ni nzia.
 в путь.IX
4. Opana ohogo odibi Mwānà-a-Ngubu nzia.
 III-дерево III=один III=закреть-I ИС путь.IX
 '1. Сын Бегемота впереди, раб сзади. 2. Временами, когда они
входили в саванну, путь сам **открывался** им. <...> 3. Деревья сами
склоняются на их пути. 4. Одно дерево закрыло сыну Бегемота
 путь.'
- (6) 1. Vuna ohogo Isamu akendi dzando.
 день.XIV XIV=один Исаму I=идти-I базар.IX
2. Asombi ayaga na mali-a-mbia na tsu.
 I=купить-I II-маниока и VI-масло-Poss-пальма.IX и рыба.IX
3. Isamu alegi na mbongo tugu, asombi mede
 Исаму I=быть-IGI и деньги.IX много I=купить-I VIII-вещь
 bitidi-bitidi ngala be.
 VIII=малый-VIII=малый корзина.IX полный
4. Vuna meni mose **oba** oyeli ka.
 день.XIV этот III-солнце **III=сиять-A** III-ум NEG

5. Isamu asomi omba Onduma enwa mwana
Исаму I=войти-I к Ондума INF-пить маленький
kobo-a-ma.

стакан.IX-Poss-вода.VI

‘1. Однажды Исаму пошла на базар. 2. Она купила маниоку, пальмовое масло и рыбу. 3. У Исаму было много денег, она купила всего понемногу – полную корзину. 4. В тот день солнце **грело** не-возможно жарко. 5. Исаму зашла к Ондуме выпить стакан воды.’

2.3. Ретроспективная функция

Это значение может выражаться двояко: формами с суффиксом *-a* и формами с суффиксами *-i-gi*. Различие между этими двумя формами в ретроспективной функции, как кажется, состоит в том, что форма с суффиксом *-a* вводит некоторую новую с точки зрения повествования информацию (см. примеры 7 и 8), тогда как форма с суффиксами *-i-gi* отсылает к ситуации, названной в предтексте и, таким образом, не вводит новой информации (см. примеры 9, 10 и 11).

- (7) 1. O mboga ohogo okonzi ohogo alaga na
в деревня.IX IX=один I-вождь I=один I=быть-AGA и
bana atugu.

II-ребенок II=много

2. Baná-a-bama basaga balegi batidi,
II-ребенок-Poss-II-мужчина II=Retard-AGA II=быть-IGI II=маленький
wa-mwana alegi ayεge w'one.

I=Poss-I-женщина I=быть-IGI I=стать I=большой

3. Ekono enyani edibia okonzi, ayεge
VII-болезнь VII=прийти-I INF-настичь I-вождь I=стать
n'awa.

FOC-I=умирать-A

4. Okonzi alaga na bola Ekonza.

I-вождь I=быть-AGA и брат.Ia Эконза

5. Ekonza **aboda** akeda, Monya na Mwwa.

Эконза I=**родить-A** II-близнецы III-огонь и дождь.IX

- (10) 1. Te, anyani ediba mwa, abomi, akeni
 тогда I=прийти-I INF-схватить жена.Ia I=убить-I I=отрезать-I
 modu, atusi, ato otede atongi be, akani.
 III-голова I=бросить-I I=взять III-корзина I=делать-I так I=класть-I
 2. Mwa woyugu, ombisa ne'ayigi mwa be.
 жена.Ia RelI=остаться-I прежде это-I=оставить-IGI жена.Ia так
 3. Atongi nzia, abedi ni itugu, ayinya.
 I=делать-I путь.IX I=класть-I в V-плечо I=Incer-идти-A
 '1. Тогда он подошел к ней, схватил ее, убил, голову отрезал и
 бросил, потом взял корзину и тело положил в нее. 2. Голова жены
 осталась там, где он ее **бросил**. 3. А сам он отправился в путь — по-
 ложил на плечо корзину и пошел.'

- (11) 1. Te anyani efuga mboga meni.
 Так II=прийти-I INF-достичь деревня.IX этот
 2. **Bayisigi.**
II=прятать-IGI
 3. Bahe bango bya – badze, badze nzani ka
 II=дать-I II=Прон VIII-вещь II=есть-I II=есть-I но NEG
 momi su o ndago ye.
 I-муж тоже в дом.IX Dem1.IX
 '1. Так они дошли до той деревни. 2. Там **прежде приютили**
 Нголи. 3. Дали им еды, но не сказали, что их муж находится в том же
 доме.'

2.4. Интродуктивная функция

Если в интродуктивном фрагменте употребляется экзистенциальный глагол (который, как правило, не находится в фокусе внимания, так как в таких предложениях вся информационная нагрузка приходится на актанты бытийного глагола), он оформляется сочетанием суффиксов *-ag-a* (ср. глагольную форму *alaga* // a=l-ag-a // I=быть-AG-A в первом предложении примера 7). Если же в интродуктивном фрагменте употребляется однозначный глагол, он оформляется, так же, как и предикат, имеющий секвентную функцию, при помощи суф-

фикса *-i* (ср. глагольную форму *akendi* // *a=kend-i* // *I=идти-I* в первом предложении примера 6).

2.5. Фокусная форма в нарративе аква

В нарративе аква используется еще одна форма – в грамматике [Аксенова, Топорова 2002] она названа фокусной – когда глаголу предшествует частица *ne*. Эта частица, достаточно частотная в текстах, употребляется практически исключительно с формами с суффиксом *-a*. В корпусе из 40 текстов нам встретилось всего два случая сочетания этой частицы с формой с суффиксом *-i*. Оба этих случая встретились в тексте одной сказки, который мы приводим полностью, так как по этому тексту можно также проследить основные случаи употребления частицы *ne* с формами с суффиксом *-a*.

(12) *Ikagani amba mwa na elimo*

1. *Mwànà ohogo ne na mwānā bakegi etoga*. 2. *Ekendi ba etoga bakeni mwāna ba*. 3. *Ba meni ma balega ndi tse tse tse – bati*. 4. *Ne na teme nakege etada itongo o ongo wango*. 5. *Anyani ebaga itongo*. 6. *Ayitoga, ayitoga anyani ebo modo ohogo afugi na ngombi*. 7. *Modo meni ato ngombi ayi n'opepele*. 8. *Ale na ne*: 9. «*Ha mwānā amono woni ng'ibeda*». 10. *Mwànà meni, ahe ne mwānā – ne abedi*. 11. *Modo meni aho na mwànà meni*: 12. «*Edi nò notoga, yogo oboni nga misu adi hoho, nzani ng'idi ni twa*. 13. *Yogo oboni nga misu podo-podo nzani ng'idi mongo*.” 14. *Ale ne*: «*Etoga no ha, n'oyemba ne*»:

<непереводимая песня>

15. *Ayembi, ayembi, ayembi – etongo meni eyinya n'ewa_[1]*. 16. *Awudi etoga*. 17. *Etongo meni enyani ewa*. 18. *Aso atsu, abagi atsu batugu*. 19. *Abagi ambodo na ande*. 20. *Atsu ndenge na ndenge*. 21. *Bayi ambodo na pe, ayanga na pe, atsinga na pe, abongo na pe*. 22. *Mwànà meni ato atsu akanigi ni ngala ato tsinga wone wo ababigi o monya*. 23. *Ato akendi ebanda modo meni ni abogo*. 24. *Ato mwānā amene akodigi n'okodo ato nzia hi*. 25. *Ayinya ato na ngombi amba modo meni ayinya n'eduma_[2] na yango*. 26. *Ne adumi, adumi, adumi*. 27. *Any-a efuga ebedi elegi ne nakeni_[3] liti be, ba liyege line*. 28. *Aboni moma ohogo nahemba n'eso o tsie wango*. 29. *Ayedi*

moma meni: 30. “Moro teni, moro teni, yaka ekoba nga e.” 31. Modo meni ne: 32. “Bo! Ekege no etoga atsu n’odzegwaga ni nga.” 33. “Nya woni ng’iwi”. 34. Modo meni adugi te, te, te anyani eto ne. 35. Ato na ngombi amb’elima meni na mwāná wolaga n’abedi_[4]. 36. Elimo wango nanya n’eyemba:

37. Aduma nga na ngombi nzele ngombi.

38. Ngombi y’okinda nzele ngombi.

39. Ngombi y’onganga nzele ngombi.

40. Bakenisi mwana meni. 41. Elima meni elegi eyege tudu n’edibia_[5] ne.

42. Mwana meni ayiyemba:

43. Nyaga ekoba nga mboro eleni.

44. Nyaga ekoba nga mboro eleni.

45. Asayi ikara mboro eteni.

46. Atayi amboro mboro eteni.

47. Mboro eteni n’atada_[6] eto ne. 48. Elima meni ateme hanga. 49. Bango bayege otode a ba. 50. Elima o ongo. 51. Bango bakeni hanyani mboga. 52. Ne anyani na ngombi be. 53. Ngombi esaga efuga ndago be ndago y’etage ey’efuga, mede itso biyege o iko.

54. Mbanda abadigi be ka: 55. “Nga mbi nidugwa opa edi mbanda amanga ahumi etoga?” 56. Mbanda anyni eduga, bango aba: 57. “A, mbanda, i no ohumi etoga owe?” 58. Ne ne: «Ng’ihumi etoga o ongo wango ikeni mwana okio wotisi be. 59. Ni ewudina okio woyege wo ne. 60. Ng’iyikoso modo ohogo abeda nga. 61. Modo wo ayibeda nga – be ng’iye epinwa ngombi ye n’elima. 62. Tsa eyege yango.» 63. Mbanda abagidi be ndago amene wango na momi eyege ipinde-ipinde, obia ayibaga mede, ayibaga ango na bānā bindele. 64. “Ne na boda ka ayibaga na bānā!” 65. Mbanda abagidi be, ne nga n’ke. 66. Ato ngala amene abwe n’okodo akendi. 67. Ayinya, ayinya, anyani su ekena mwana okio woti akeni ongo. 68. Atogi, atogi, atogi, i modo meni anyani efuga na ngombi kima. 69. Ale ne: «A mwānā n’otoga. 70. Ha mwānā woni ng’ibeda.» 71. Ne ahe mwānā. 72. Elima ale na ne. 73. «Etoga n’o, notoga, n’oyemba. 74. Otogaga bengu.» 75. Ne ay’itoga. 76. E-tongo meni elaga su yeti bé, atsu babonuma n’iko bé. 77. Ne anyani edibia atsu, abomi. 78. Modo ne: «Yogo oboni nga misu adi ho nzani idi twa. 79. Yogo adi podo-podo nzani idi mongo.» 80. Mwānā meni ato tsinga wone ababigi o monya. 81. Abandigi modo meni n’ebogo. 82. Ato mwānā amene

akodigi n'okodo – anyani n'atsu amene. 83. Nwe ayiyemba. 84. «Kege, kege.» 85. Mwana meni asundisi ngala, na mwàná ayi ebina. 86. Nwe n'ayemba_[7], ne n'abina_[8]. 87. Elimà meni eyege n'etuda_[9] ne. 88. Nwe n'ayemba_[10], ne n'abina_[11]. 89. Duma e duma e kenge akwala, duma kenge akwala, duma... 90. Ne wa n'abina_[12] ndi ebina. 91. Elimà wango n'alondo_[13] ne. 92. Asundisi mwana n'abina_[14]. 93. Elimà meni eyege tudu na ne. 94. Ne afuga ba be, awud'eyeda mboro eteni. 95. < = 43-46 > 96. Banyani edibia ne, babomi, ne awi ndi ewa.

Сказка о женщине и злом духе¹

1. Одна женщина с ребенком пошла ловить рыбу. 2. Когда они шли – перешли через небольшую речушку. 3. Воды в этой речушке – нет ничего, совсем мало. 4. Пошла она на другой берег искать пруд. 5. Нашла пруд. 6. Стала рыбачить и увидела, что появился какой-то человек с нгомби². 7. Человек этот взял нгомби, положил в сторонку. 8. Говорит ей: 9. «Давай ребенка, я подержу». 10. Она дала ему ребенка, он взял. 11. Говорит ей: 12. «Станешь *рыбачить*, – если увидишь, что у меня глаза открыты – значит, я сплю. 13. Если увидишь, что глаза закрыты – значит, бодрствую.» 14. Говорит ей: «Будешь рыбачить – будешь так *петь*: <непереводимая песня>.»

15. Пела она, пела, пела – и вот пруд стал пересыхать_[1]. 16. Она вновь принялась рыбачить. 17. Пруд совсем высох. 18. Выбрала она рыбу, наловила много-премного. 19. Были там и мбодо, и другая рыба. 20. Всякой рыбы полным-полно. 21. И мбодо, и янга, и тсинга, и бонго. 22. Эта женщина взяла рыбу, сложила в корзину, взяла большую тсинга и закоптила ее на костре. 23. Взяла, и пошла склеила этому человеку руки. 24. Взяла ребенка, привязала на спину и пошла своей дорогой. 25. И нгомби этого человека прихватила и пустилась с ним бежать_[2]. 26. Она бежала, бежала, бежала. 27. И вот добралась до реки, и что же – переходила-то_[3] она маленькую реку, а она раз-

¹ В переводе подчеркиванием отмечены формы с частицей *ne* в нарративе, курсивом – внутри прямой речи.

² Музыкальный инструмент.

лилась широко. 28. Увидела – человек идет рыбачить вниз по реке. 29. Она позвала его: 30. «Человек, эй, человек, приди заberi меня!» 31. А он ей: 32. «Ага! А когда ты шла рыбачить – *помнила* ты разве обо мне?» – 33. «Заberi же меня, я погибну!» 34. Человек плыл долго, долго, и пришел-таки забрать ее. 35. Взял он и нгомби злого духа, и ребенка, которого прежде она сама несла^[4]. 36. Злой дух к ним приближается и поет:
 37. Бежит она от меня с нгомби, красивым нгомби
 38. Нгомби к людям несет, красивый нгомби
 39. Волшебный нгомби, красивый нгомби.
 40. Переправляются они с женщиной. 41. А злой дух почти уже схватил^[5] ее. 42. Женщина запела:
 43. Приди, заberi меня, человек,
 44. Приди, заberi меня, человек,
 45. Возьми икара, человек,
 46. Возьми мбодо, человек!
 47. Человек хочет^[6] забрать ее. 48. А злой дух встал там. 49. А они уже на середине реки. 50. А дух – на другом берегу. 51. Переправились они, пошли в деревню. 52. она пришла с нгомби. 53. Как только нгомби появился в деревне – большой дом, в несколько этажей, наполнился добром доверху.
 54. Соперница смотрит с завистью: 55. «Как *бы* мне *узнать* место, куда моя соперница рыбачить ходила?» 56. Пошла спросила у них: 57. «Подруга, куда это ты рыбачить ходила?» 58. Та ей говорит: «Я перешла речушку, она была совсем небольшая. 59. А как обратно возвращаться – река стала большой. 60. Я умолила одного человека перенести меня. 61. Этот человек понес меня, и я унесла нгомби у злого духа. 62. Вот как дело было.» 63. Соперница посмотрела: дом ее и мужнин – ну чисто помет птичий, а у другой-то и добра навалом, и даже дети-то у нее со светлой кожей. 64. «Эта ведь и не рожая детей заполучила!» 65. Решила она – ну, раз так, и я *пойду*! 66. Взяла корзину, положила на спину и пошла. 67. Шла, шла – пришла к маленькой речушке, перешла ее. 68. Сидит, ловит рыбу, и вдруг показался этот человек, с другим нгомби. 69. И говорит: «А, женщина, ты тут *рыбачишь*. 70. Давай мне ребенка, я подержу.» 71. Она отдала

ребенка. 72. Злой дух говорит ей: 73. «Когда рыбачишь – ты *рыбачь* и *пой*. 74. Так вот и рыбачь.» 75. Она стала рыбачить. 76. Пруд этот тоже обмелел, рыба показалась на поверхности. 77. Она собрала рыбин, умертвила их. 78. Он ей говорит: «Если увидишь, что у меня глаза открыты – значит, я сплю. 79. Если увидишь, что глаза закрыты – значит, бодрствую.» 80. Женщина взяла большую тсинга и закоптила ее на костре. 81. Склеила этому человеку руки. 82. Взяла ребенка, привязала на спину и пошла со своим уловом. 83. Тут птица запела: 84. «Иди, иди!» 85. Женщина положила корзину, ребенка и стала танцевать. 86. Птица поет_[7], а она танцует_[8]. 87. Злой дух преследует_[9] ее. 88. Птица поет_[10], а она танцует_[11]: 89. «Беги-убегай смотри, Беги смотри, убегай.» 90. А она знай себе танцует_[12]. 91. Злой дух преследует_[13] ее. 92. А она оставила дитя и танцует_[14]. 93. Злой дух приблизился к ней. 94. Она добралась до реки, а там снова этот человек. 95. < = 43-46> 96. И тут пришли, схватили ее, убили, она и умерла.

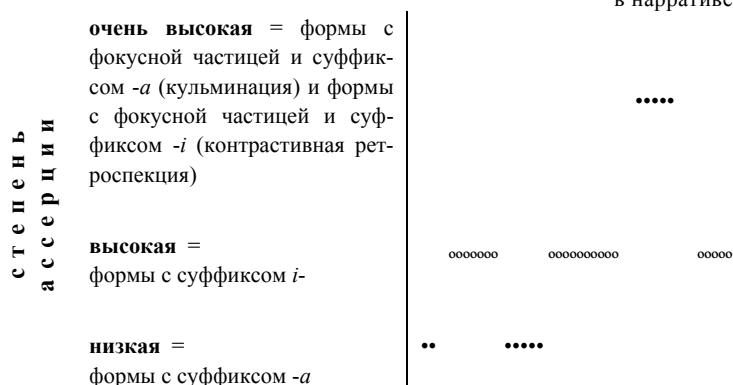
В обоих случаях сочетания формы на *-i* с частицей *пѣ* (предикации 3 и 4) нарушается последовательность изложения и акцентируется противопоставление прежде описанной ситуации (которая – подчеркнем – составляет одно из звеньев сюжетной цепи и не является фоновой или удаленной во времени) и той ситуации, которая описывается в данном фрагменте.

Как уже говорилось, во всех остальных случаях эта частица употребляется с формами на *-а*. Какова функция этих форм в сказочных текстах?

В предикации 1, 2, 5 и 9 частица *пѣ* употреблена с инфинитивом, и тенденции употребления инфинитива с этой частицей или без нее не будут обсуждаться сейчас, поскольку они не имеют непосредственного отношения к интересующей нас теме. В предикации 6, а в особенности в предикациях 7—14 в рассказе действие попеременно переходит от одного действующего лица к другому, и последовательное изложение сменяется *панорамой* действий всех протагонистов. Это панорамное описание является кульминацией сюжета.

В кульминационных фрагментах текста фокусная частица, как уже говорилось, сочетается с формой с суффиксом *-a*. ТАМ-характеристики этой глагольной формы в аква – презентное и имперфективное грамматические значения. Выбор презентно-имперфективной формы может обуславливаться в данном случае двумя факторами: а) поскольку данная форма обладает презентным прочтением, возможно, что ее употребление сходно с употреблением так называемого «настоящего исторического»¹; б) употребление цепочки имперфективных форм в кульминационном фрагменте, вероятно, сигнализирует о том, что описываемые события невозможно упорядочить строго линейно. Действительно, при панорамном взгляде цепочка последовательных ситуаций сменяется рядом параллельных ситуаций, и употребление секвентных форм кажется не здесь не вполне уместным.

Схема 2. Употребление глагольных форм с суффиксами *-a* и *-i* в нарративе аква

¹ Впрочем, как кажется, в организации нарратива аква большую значимость имеют не темпоральные, а аспектуальные характеристики глагольных форм. так что, возможно, упомянутый фактор не играет решающего значения.

Нам представляется, что можно найти некоторое объяснение тому, почему одна и та же форма употребляется в аква и для описания фоновых событий, и для описания кульминационных событий – хотя, казалось бы, по своим прагматическим характеристикам эти два типа контекстов являются полной противоположностью друг другу. Приведем цитату из работы С. Флейшман [Fleischman 1995]:

«Помещение информации в дискурсе на передний или задний план коррелирует и с понятием визуального фокуса, которое, как я предположила во введении, также мотивирует связь имперфектива с ирреалисом. Обобщая, можно сказать, что информация, которую говорящий выдвигает на передний план, представлена как находящаяся в фокусе, в то время как фоновая информация выведена из фокуса. <...>

В блестящей работе о противопоставлении претерита и имперфекта в испанском Лунн [Lunn 1985] противопоставляет эти две категории прошедшего в испанском в терминах *conferring vs. withholding of focus*. Она пишет, что существует две точки зрения, при взгляде из которых отсутствует фокус. С одной стороны, в том случае, когда наблюдатель находится в той точке, взгляд из которой держит в фокусе передний план, позиция наблюдателя слишком удалена от фона, вследствие чего он не может также находиться в фокусе. Это объясняет условную (*conventional*) связь имперфектива с фоновой информацией. С другой стороны, имперфективные формы используются также для описания тех событий, которые слишком близки – физически и/или психологически для того, чтобы четко находится в фокусе. <...>

Взгляд изнутри ситуации также исключает понятие фокуса, что обуславливает выбор наблюдателем имперфективных форм при описании таких ситуаций. Это происходит, например, в том случае, когда объектом описания становится не внешняя по отношению к наблюдателю ситуация, а его собственное сознание...» [Fleischman 1995: 539-541].

Таким образом, множество ситуаций, изображение которых как бы расплывчато, является двухчастным, слагаясь из области ситуаций слишком отдаленных (именно они и соответствуют фону), а также – из области ситуаций слишком близких. Тем самым, четкое / расплывчатое изображение подразумевает не только исключен-

ную периферию, но и «выколотый» центр. Употребление показателя *-a* в текстах аква очень близко к маркированию расплывчатого изображения, то есть как слишком близких, так и слишком далеких событий.

3. Заключение

В данной работе мы рассмотрели данные двух языков – дабида и аква – для описания структуры нарратива в которых существенно понятие кульминации, или фокуса внимания. Эти два языка принципиально различаются. С одной стороны, в аква имеется специальный показатель фокуса, который особым образом взаимодействует с глагольными формами, имеющими стандартные дискурсивные функции. С другой стороны, в дабида в рамках «фокусной» стратегии организации нарратива используются те же глагольные формы, что и в рамках «функциональной» нарративной стратегии. Однако за счет изменения частотности этих форм происходит перераспределение акцентов. В результате этого прагматически немаркированная в «функциональной» стратегии глагольная форма оказывается прагматически маркированной в «фокусной» стратегии – и, тем самым, оказывается оправданным соотнесение этой формы с кульминационными ситуациями.

Литература

- Аксенова И. С., Топорова И. Н. 1997. Сказки аква // Язык африканского фольклора. Африканская сказка (II). Москва
- Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2002. Грамматика языка аква. Москва: «УРСС»
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. В печати. Стратегии организации нарратива в языках банту. I. Секвентные и несеквентные формы // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сб. статей к 70-летию В.А.Виноградова. М.
- Рябова И. С. 2000. Язык дабида. М.: «УРСС»
- Fleischman S. 1995. Imperfective and irrealis // Bybee, J., Fleischman, S. (eds.). Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam. Pp.519-551.
- Lunn P. V. 1985. The Aspectual Lens // Hispanic Linguistics. Vol. 2. Pp. 49-61.

ВЫРАЖЕНИЕ АТРИБУТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ДАБИДА

1. Дабида (kidaʒida) – язык банту (группа ньяка-таита, индекс Е.74а) Распространен на юго-востоке Кении. Численность говорящих на языке оценивается приблизительно в 300 000 человек. Язык внутри-этнического общения, представлен несколькими взаимопонятными диалектами. Не имеет в стране официального статуса, но используется в разнообразных целях католическими миссиями. Большинство представителей этноса дабида наряду с родным языком владеют суахили – государственным языком Кении.

Язык мало изучен и описан довольно скудно. Данная статья базируется на материале диалекта мбололо. Материал собран с помощью носителей этого диалекта – обучавшихся в Москве кенийских студентов Дункана Ньямбу и Майкла Мвамба.

Дабида – типичный язык банту, и потому атрибутивный компонент именного словосочетания, какими бы средствами он не выражался, всегда следует за вершинным существительным (исключений здесь крайне мало) и непременно согласуется с ним по классу. В имеющемся в распоряжении автора языковом материале не зафиксированы случаи смыслового (неформального) согласования личных существительных с определением, так как в дабида отсутствует категория одушевленности (широко представленная, например, в суахили), с формированием которой в языках с именными классами связывают возникновение смыслового согласования. Показателями синтаксической связи между элементами атрибутивных словосочетаний служат классные согласовательные морфемы (=согласователи), представляющие собой фонетические или морфонологические реализации классного именного префикса вершинного слова.

В дабида насчитывается 15 классов имен существительных. Каждый именной класс имеет свой собственный именной префикс и набор соответствующих префиксу классных согласовательных мор-

фем (главным образом префиксальных и очень малочисленных суффиксальных). Все префиксы именных классов и соответствующие им согласовательные морфемы занесены в Таблицу 1. В Таблице 1 предлагается согласовательная парадигма каждого из именных классов, учитывающая 13 типов согласования (адъективное, нумеративное, глагольное и пр). Нумерация классов традиционная для бантуистики. Римскими цифрами мы обозначаем типы согласования.

Типы согласования:

- I. адъективное
- II. с атрибутивной частицей *-a*
- III. местоименно-посессивное
- IV. с указательными местоимениями
- V. с неопределенными местоимениями
- VI. с обобщающим местоимением *-ose*
- VII. с вопросительным местоимением *-linga*
- VIII. с вопросительным местоимением *-ao*
- IX. нумеративное
- X. субъектно-глагольное S1
- XI субъектно-глагольное S2
- XII. субъектно-глагольное S3
- XIII. объектно-глагольное

Как явствует из Таблицы 1, лишь пять именных классов дабида (7, 8, 11, 13, 15) демонстрируют абсолютную сохраняемость именного классного префикса вершинного слова во всех зависимых словах.

В оставшихся десяти именных классах наблюдается лишь частичное совпадение или полное несовпадение фонетического облика именного префикса и соответствующих ему согласовательных аффиксов. Кроме того, имеются различия в фонетической форме самих согласовательных морфем, относящихся к одному и тому же согласовательному классу, но оформляющих разные части речи. При этом адъективные согласователи демонстрируют полную идентичность именным префиксам (исключение – класс 16), а все прочие согласователи повторяют исходную форму (именной префикс вершинного имени) лишь частично и подразделяются на а) согласователи,

Таблица 1. Согласовательные морфемы именных классов

класс	именной префикс	согласователи в различных типах согласования						
		I	II	III	IV	V	VI	VII
1	mu(m)/mw	m	u	u	u	u	u	-
2	βa/ β	βa	βa	βa	βa	βa	βa	βa
3	mu(m)/mw	m	ghu	ghu	ghu	ghu	ghu	-
4	mi	mi	i	i	i	i	i	i
5	i	i	ji	ji	ji	ji	ji	-
6	ma	ma	gha	gha	gha	gha	gha	a
7	ki/ch	ki	chi	chi	chi	chi	chi	-
8	vi/v	vi	vi	vi	vi	vi	vi	vi
9	N/0	N/0	i	i	i	i	i	-
10	N/0	N/0	ri	ri	ri	ri	ri	i
11	lu/lw	lu	lu	lu	lu	lu	lu	-
12	ka	ka	ka	ka	ka	ka	ka	-
13	đu/dw	đu	đu	đu	đu	đu	đu	đu
15	ku	ku	ku	ku	ku	ku	ku	ku
16	a	ku	ku	ku	a	ku	ku	ku
класс	именной префикс	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	
1	mu(m)/mw	u	u	u	wa	o	m	
2	βa/ β	βi	βa	βi	βa	βe	βi	
3	mu(m)/mw	ghu	ghu	ghu	ghwa	gho	ghu	
4	mi	i	i	i	ya	(y)e	i	
5	i	ji	ji	ji	ja	je	ji	
6	ma	ghi	a	ghi	gha	ghe	ghi	
7	ki/ch	chi	chi	chi	cha	che	chi	
8	vi/v	vi	vi	vi	va	ve	vi	
9	N/0	i	i	i	ya	(y)e	i	
10	N/0	ri	i	ri	ra	re	ri	
11	lu/lw	lu	lu	lu	lwa	lo	lu	
12	ka	ki	ka	ki	ka	ke	ki	
13	đu/dw	đu	đu	đu	đwa	đo	đu	
15	ku	ku	ku	ku	ka	ko	ku	
16	a	ku	ku	ku	kwa	ko	ku	

оформляющие атрибутивную частицу *-a* и местоимения (кроме вопросительных местоимений *-ao* 'какой, который' и *-linga* 'сколько'); б) согласователи количественных числительных и местоимения *-linga* 'сколько'; в) согласовательные аффиксы местоимения *-ao* 'какой, который' и объектные глагольные показатели – интегрируемые в состав глагольной словоформы аффиксы, называющие класс или число и лицо объекта действия: *naβia-ku-βona* 'я-тебя-вижу'; г) особняком стоят называющие класс или лицо и число субъекта действия субъектные глагольные показатели, каждый из которых представлен в дабида тремя самостоятельными префиксами S1, S2, S3 (типы согласования X, XI, XII): *nī-cha-ghuya* 'я-упаду', *na-βia-ghuya* 'я-падаю' *ne-θ-ghuya* 'я-упал'.

2. Далее следует описание моделей различных именных групп (ИГ) дабида, содержащих атрибут (определение).

2.1. Модель ИГ – *существительное плюс прилагательное* (тип согласования I в Таблице 1).

Как и в большинстве языков банту, имя прилагательное представлено в дабида лишь десятком качественных прилагательных. При этом в адъективном виде в языке реализуются прежде всего предикаты со значением размера, формы и общей оценки: *-baa* 'большой, великий', *-tini* 'маленький, малочисленный', *-lacha* 'высокий, длинный', *-vui* 'низкий, короткий', *-shapa* 'широкий, толстый', *-suse* 'худой, тонкий', *-βifi* 'плохой' *-cha* 'хороший, добрый', *-βishi* 'новый, свежий' и др. Морфологическая структура прилагательного в дабида формально идентична структуре существительного: *префикс плюс основа*: *lu-mbo lu-βishi* 'новая песня', букв. 'песня новая', *vi-chula vi-tini* 'маленькие лягушки', букв. 'лягушки маленькие'. Фонетический облик адъективного согласователя идентичен облику именного префикса вершинного существительного. Единственное исключение – адъективный согласователь *ku-* класса 16 при именном префиксе *a-*: *a-ndu ku-baa* 'место большое'.

Примеры: *Ituku jimu ng'ombe imu m-baa erekoghe ikija nyasi a mlambenyi. Na aho ikacha izi ima iko na lu-kaso lu-baa loliloli* 'Однажды большая корова паслась у баобаба. Тут прилетела муха, отлича-

шаяся большим сомнением», букв. «День некоторый **корова** некоторая **большая** она-была она-жующая траву у у-баобаба. И тут она-пришла муха некоторая она-которая-есть со **спесью большой** правда-правда». *Idana neko mw-ana m-tini na m-suse* «сейчас я **маленький и худенький ребенок**», букв. «сейчас я-есть **ребенок маленький и худой**».

Таблица 2. Словоизменительная парадигма прилагательного *-tini* «маленький»

класс	<i>-tini</i>	класс	<i>-tini</i>
1	<i>mtini</i>	2	<i>βatini</i>
3	<i>mtini</i>	4	<i>mitini</i>
5	<i>itini</i>	6	<i>matini</i>
7	<i>kitini</i>	8	<i>vitini</i>
9	<i>ndini</i>	10	<i>ndini</i>
11	<i>lutini</i>	12	<i>katini</i>
13	<i>ɕutini</i>		
15	<i>kutini</i>	16	<i>kutini</i>

2.2. Модель ИГ – *существительное плюс количественное числительное* (тип согласования IX в Таблице 1).

Количественные числительные первого десятка представлены в дабида двумя видами основ: основами от 1 до 6: *-mweri* «один», *-βi* «два», *-ɕaɕu* «три», *-na/-nyu* «четыре», *-sanu* «пять», *-randaɕu* «шесть», которые согласуются с исчисляемыми существительными по модели нумеративного согласования: *βa-ndu βa-ɕaɕ* «человека три», *ma-ghu a-ɕaɕu* «ноги три», *mi-ɕi i-ɕaɕu* «деревя три»; и лексемами от 7 до 10 (*mfungate*, *βunyanya*, *ikenda*, *ikumi*), не имеющими собственной словоизменительной парадигмы: *βa-ndu βunyanya* «человек восемь», *ma-ghu βunyanya* «ног восемь», *mi-ɕi βunyanya* «деревьев восемь»; *Saβau eko na ma-ghu a-na*, *nyonyi eko na ma-ghu a-βi* «Мартышка она-есть с **ногами четырьмя**, птица она-есть с **ногами двумя**».

Числительные, обозначающие числа между целыми десятками, образуются прибавлением к названию десятков числительных от 1 до 9 с помощью союза/предлога *na* «и, с». В составе названий промежу-

точных чисел согласуемые числительные первого десятка сохраняют префиксальное оформление по классу исчисляемого существительного: *βa-ndu ikumi na βa-dādu* '13 человек', букв. 'человек десять и три', *ma-ghu ikumi na a-dādu* '13 ног' букв. 'ног десять и три'.

Следует отметить, что в согласователях классов 6 и 10 отсутствует ожидаемый согласный: *ma-tuku a-βi* 'дня два', но *matuku gha-ja gha-po* 'дни те мои'.

2.3. Модель ИГ – *существительное плюс указательное местоимение* (тип согласования IV в Таблице 1)

Местоимение 'этот, эти' строится по модели *однофонемный вокалический корень V* плюс *классная согласовательная морфема*. Корень *V* выражен тремя альтернантами *a/i/u*, так как полностью ассимилируется гласным элементом согласователя: *βa-ndu a-βa* 'люди эти', *m-ghondi u-ghu* 'гора эта', *0-nyonyi i-ri* 'птицы эти'; *Mbisi erejieghe nyamandu nyingi kwa 0-chia i-hi* 'Гиена съела зверей многих посредством **способа этого**', *Mbeβa rose reboiloghe ni i-lagho i-ji* 'Мыши все были-обрадованы (предлог) **словом этим**'.

Местоимение '(э)тот уже упоминавшийся, эти/те уже упоминавшиеся' образуется прибавлением к местоимению 'этот, эти' морфемы *-o*, означающей 'известный, уже упоминавшийся'. Она вытесняет гласный в согласователях типа CV; вокалический согласователь *-i-* в позиции перед *-o* девокализуется; согласователи *-u-* и *-a-* исчезают: *βa-ndu a-βo* 'люди эти (известные)', *m-ghondi u-gho* 'гора та упоминавшаяся', *0-nyonyi i-ro* 'птицы те (известные)'; *Iji rerekoghe rikiririkanya na ndighi ma-shaka a-gho* 'Когда они серьезно обдумывали **эти проблемы...**', букв. 'Когда они-были они-обдумывающие с силой (т.е. очень) **проблемы те-упомянутые ...**'.

Местоимение 'тот, те' состоит из согласовательного префикса и корневой морфемы *-ja*: *βa-ndu βa-ja* 'люди те', *m-ghondi ghu-ja* 'гора та', *0-nyonyi ri-ja* 'птицы те'; *Nguru ikavika a-ndu a-ja* 'Черепашка пришла (на) место то'.

Таблица 3. Парадигма указательных местоимений

класс	этот, эти	(э)тот упомянутый, (э)ти упомянутые	тот, те
1	<i>uhu</i>	<i>uo/who</i>	<i>uja</i>
2	<i>aβa</i>	<i>aβo</i>	<i>βaja</i>
3	<i>ughu</i>	<i>ugho</i>	<i>ghuja</i>
4	<i>ihi</i>	<i>i(y)o</i>	<i>ija</i>
5	<i>iji</i>	<i>ijo</i>	<i>jija</i>
6	<i>agha</i>	<i>agho</i>	<i>ghaja</i>
7	<i>ichi</i>	<i>icho</i>	<i>chija</i>
8	<i>ivi</i>	<i>ivo</i>	<i>vija</i>
9	<i>ihi</i>	<i>i(y)o</i>	<i>ija</i>
10	<i>iri</i>	<i>iro</i>	<i>rija</i>
11	<i>ulu</i>	<i>ulo</i>	<i>luja</i>
12	<i>aka</i>	<i>ako</i>	<i>kaja</i>
13	<i>uɖu</i>	<i>uɖo</i>	<i>ɖuja</i>
15	<i>uku</i>	<i>uko</i>	<i>kuja</i>
16	<i>aha</i>	<i>aho</i>	<i>aja</i>

Для языков банту обязательным является следование зависимого слова за вершинным, однако на указательные местоимения это правило не распространяется. Они могут как следовать за определяемым словом, так и предшествовать ему, что, возможно, является одним из способов контрастивного выделения вершинного имени: *Agha matuku βa-ndu βose βialima* ‘Эти дни (как раз в эти дни) люди все они-заняты-в-поле’.

2.4. Модель ИГ – *существительное плюс притяжательное местоимение* (Тип III согласования в Таблице 1).

Таблица 4. Парадигма притяжательных местоимений

класс	-po	-ko	-ke	-idû	-inyu	-bo	-ro
1	wapo	wako	wake	odû	onyu	waβo	waro
2	βapo	βako	βake	βadû	βanyu	βaβo	βaro
3	ghwapo	ghwako	ghwake	ghodû	ghonyu	ghwaβo	ghwaro
4	yapo	yake	yake	yedû	yenyu	yaβo	yaro
5	japo	jako	jake	jedû	jenyu	jaβo	jaro
6	ghapo	ghako	ghake	ghedû	ghenyu	ghaβo	gharo
7	chapo	chako	chake	chedû	chenyu	chaβo	charo
8	vapo	vako	vake	vedû	venyu	vaβo	varo
9	yapo	yako	yake	yedû	yenyu	yaβo	yaro
10	rapo	rako	rake	redû	renyu	raβo	raro
11	lwapo	lwako	lwake	lodû	lonyu	lwaβo	lwaro
12	kapo	kako	kake	kedû	kenyu	kaβo	karo
13	ɖwapo	ɖwako	ɖwake	ɖodû	ɖonyu	ɖwaβo	ɖwaro
15	kwapo	kwako	kwake	kodû	konyu	kwaβo	kwaro
16	kwapo	kwako	kwake	kodû, kedû	konyu	kwaβo	kwaro

Притяжательные местоимения имеют в дабида структуру *согласовательный префикс плюс морфема -a плюс корневая морфема*. Для них является существенным признак одушевленности-неодушевленности посессора. При неодушевленном посессоре местоимения имеют единственную корневую морфему -ro ‘его, их’, общую для ед. и мн. числа. При посессоре, выраженном одушевленным именем существительным, притяжательные местоимения предстают в виде системы из шести корневых морфем -po ‘мой’, -ko ‘твой’, -ke ‘его’, -idû ‘наш’, -inyu ‘ваш’, -bo ‘их’. Примеры: *mghondi na m-banga ya-ro* ‘гора и пещера ее (горы)’, *mighondi na m-banga raro* ‘горы и пещеры их (гор)’, *m-buβa ya-bo eko na ma-bemba gha-ro* ‘поле их оно-есть с кукурузой своей’, *Mwalimu oreβonieghe βa-na βake* ‘Учитель увидел детей его (т.е. своих)’, *Nichakuβwada ki-komba cha-ko kilacha na m-konu ghwa-po* ‘Я-тебя-поймаю хвост твой длинный (предлог) рукой моей’.

2.5. Модель ИГ – существительное плюс неопределенное местоимение (Тип согласования V в Таблице 1)

Неопределенных местоимений в дабида два: *-ti* ‘некоторый, другой’ и *-ngi* ‘любой, какой-нибудь’: *i-tuku ji-ti* ‘день некоторый’, *fwaيدا i-ngi* ‘выгода любая’. Оба местоимения состоят из согласовательного префикса и следующей за ним корневой морфемы.

2.6. Модель ИГ – *существительное плюс обобщающее местоимение* (Тип согласования VI в Таблице 1).

Обобщающие местоимения представлены изменяющимся по классам словом *-ose* ‘весь, все’ и не участвующим в согласовании словом *kula* ‘каждый, всякий’.

Таблица 5. Парадигма местоимения *-ose* ‘весь, все’

класс	весь	класс	все
1	<i>wose</i>	2	<i>βose</i>
3	<i>ghose</i>	4	<i>yose</i>
5	<i>jose</i>	6	<i>ghose</i>
7	<i>chose</i>	8	<i>vose</i>
9	<i>yose</i>	10	<i>rose</i>
11	<i>lose</i>	12	<i>kose</i>
13	<i>dōse</i>		
15	<i>kose</i>	16	<i>kose</i>

Морфемная структура местоимения ‘весь, все’: *классный согласователь* плюс *корневая морфема -ose*. Зияние на морфемном шве устраняется посредством девокализации однофонемных вокалических согласователей *i-* и *u-* и элизией гласной фонемы в двуфонемных согласователях типа CV: *shimba ichaja nyama rose* ‘Лев съест мясо все’; *Vifurute vose viwi vikakorwa* ‘Мотыльки все оба обгорели’.

Несогласуемое местоимение *kula* всегда предшествует определяемому слову, образуя с ним нерасчлененную синтагму: *Kula mndu umghalukie Bwana Yesu* ‘Каждый человек он-бы-к-нему обратился Иисусу Христу’.

2.7. Модель ИГ – существительное 1 плюс согласуемая атрибутивная частица -а плюс существительное 2 (Тип согласования II в Таблице 1)

Ранее мы говорили о качественных прилагательных в дабида, обозначающих качественные признаки предмета. Что касается относительных признаков, то они выражаются существительными, которые соединяются с определяемым именем при помощи атрибутивной согласуемой частицы -а. Дабида как язык банту широко использует конструкцию *N1 + согласуемая частица -а + N2*, где N1 – вершинное слово, а сочетание частицы -а с существительным N2 служит средством выражения огромного разнообразия атрибутивных характеристик (не только относительных признаков) имени существительного N1: *n-dagha ya (< i+a) magho* ‘каменный нож’ (*ndagha* ‘нож’, *magho* ‘камни’, *m-ndu wa (<u+a) ndighi* ‘сильный человек’ (*mndu* ‘человек’, *ndighi* ‘сила’). Частица -а согласуется по классу с именем N1 и с ее помощью между N2 и N1 устанавливаются разнообразные атрибутивные отношения, передающие такие значения как *сделанный из, имеющий цвет, принадлежащий, of, предназначенный для*, или в самом общем виде: *имеющий отношение к*: *mitumbwi ya midi* ‘деревянные лодки’ (*mitumbwi* ‘лодки’, *midi* ‘деревья’), *machi gha munyu* ‘соленая вода’ (*machi* ‘вода’, *munyu* ‘соль’).

В синтагме *N1 + -а + N2* позицию N2 могут занимать инфинитивные слова с префиксом *ku-* и существительные с локативным суффиксом -*nyi*: *akili ya kumanya malagho* ‘ум/мозг чтобы понимать вещи’ (*akili* ‘мозг’, *kumanya* ‘знать, понимать или знание, понимание’, *malagho* ‘вещи’); *nyamandu ra mizi-nyi* ‘домашние животные’ (*nyamandu* ‘животные, звери’, *mizinyi* ‘в-деревнях’).

Существительное N2 может иметь префикс *ki-*, который либо предшествует именному префиксу, либо вытесняет его: *kiteto cha kimzaŋo* ‘местный язык/диалект’ (*kiteto* ‘язык’, *mzaŋo* ‘родные места’); *makaji gha kizungu* ‘картофель’, букв. ‘европейские бататы’ (*makaji* ‘бататы’, *mzungu* ‘белый человек’).

Таблица 6. Парадигма атрибутивной частицы -a

1	2	3	4	5	6	7
wa	βa	ghwa	ya	ja	gha	cha
8	9	10	11	12	13	15
va	ya	ra	lwa	ka	dwa	kwa
						ku

2.8. Модель ИГ – *существительное плюс порядковой числительное*

Порядковые числительные дабида сочетаются с исчисляемыми существительными по схеме: *исчисляемое существительное плюс частица -a плюс числительная основа*, которая имеет префикс ка-, если является согласуемой (основы от двух до 6: -βi, -daɗi, -na/-nya, -sani, -randadɗi) и остается неизменной, если является несогласуемой (от 7 до 10 (mfungate, bunyanya, ikenda, ikumi): m-ndu wa ka-βi ‘второй человек’, m-ndu wa bunyanya, ‘восьмой человек’, m-ndu wa ikumi na ka-βi ‘двенадцатый человек’.

Исключение: -a imbiri ‘первый’, где imbiri - ‘начало’: i-ndo ja imbiri ‘первый раз’.

3. В качестве атрибутивных компонентов именных словосочетаний в дабида функционируют не только разнообразные именные части речи. В этой роли могут выступать финитные глагольные формы, морфологическая структура которых описывается следующими формулами:

$$S1 + 0 + R + -ie, S1 + 0 + R + -agh- + -a, S3 + 0 + R + -a, S1 + ki + R + -a$$

Здесь S – так называемый субъектный глагольный показатель, префиксальная морфема, называющая класс или лицо и число субъекта действия. В дабида различаются три серии субъектных префиксов, вернее каждый субъектный глагольный показатель представлен тремя самостоятельными префиксами S1, S2, S3 (типы согласования X, XI, XII). Выбор префикса определяется конкретной парадигмой. Вторую позицию в аффирмативных глагольных формах в индикативе занимает предкорневой компонент полиаффикса, передающего видо-

временное значение. Эта морфема может быть нулевой. Далее идет глагольный корень R – чистый или производный. Завершает словоформу посткорневой компонент видо-временного полиаффикса, т.н. *Fin* – финальная морфема. В дабида таких морфем две: **-a**, которая присутствует во всех языках банту, участвуя в образовании большинства глагольных форм, входит в состав инфинитива и императива, и **-ie**, которая имеется во многих языках банту, но далеко не во всех. Ей приписываются значения перфектива, комплетива, результатива, антериора.

3.1 По первой формуле **SI + 0 + R + -ie** строятся глагольные словоформы, наиболее очевидно сопоставимые с прилагательными как по лексической семантике, так и по синтаксической позиции в составе субстантивных словосочетаний. Можно было бы утверждать, что это высоко продуктивная модель образования отглагольных прилагательных, если бы не очевидная формальная принадлежность анализируемых словоформ к классу глаголов. Позицию R в данной модели занимают ‘адъективоподобные’ глаголы с семантикой качества, признака или состояния типа *-kal-* ‘быть/стать острым’, *-ghad-* ‘быть/стать ленивым’, *-horie-* ‘быть/стать красивым’. Финальный *-ie* указывает на перфективность, результативность и на обретение субъектом состояния или признака, названного глаголом,: *βa-na βi-ghadie* ‘ленивые дети’ букв. ‘дети ленивые’, *βa-ndu βi-zam-ie* ‘плохие люди’, *m-ndu u-bo-ie* ‘хороший человек’, *mi-konu i-el-ie* ‘чистые руки’, *n-dagha i-kal-ie* ‘острый нож’. Все представленные в качестве примеров словоформы входят в стандартную парадигму перфективного глагольного формообразования, однако их основной синтаксической функцией является функция определения.

3.2. Глагольная форма **SI + ki + R + -a** передает значение прогрессива безотносительно к моменту времени. Функционально сопоставима с русскими действительными причастными формами: *βana βaβona pusi i-ki-sel-a* ‘Дети увидели гуляющую кошку’, букв. ‘...кошку она-гуляющая’.

3.3. В аналогичной функции определения, представляющего действие в процессе развертывания, может выступать глагольная форма **SI + 0 + R + -agh- + a**, в которой присутствует суффикс дура-

тивности, продолженности *-agh-*: *βa-ndu βi-fugh-agh-a nguku* ‘люди они-разводящие кур’; *βu-ghanga ghu-dim-agh-a ku-ri-βwagh-a iro mbeo* ‘лекарство оно-могущее убить-их эти бактерии’.

3.4. Словоформа, построенная по модели *S3 + 0 + R + -a* придает атрибутивной конструкции, в состав которой она входит, очевидное значение предназначения выполнения действия, обозначенного глагольной основой: *shilingi re-ghu-a nguβo* ‘шилинги для-покупки одежды’; *βu-lalo gho-v-a ma-ghi* ‘место для-кладки яиц’.

3.5. Роль атрибута в составе именной группы могут также выполнять так называемые ‘релятивные конструкции’ - подчиненные относительные клаузы, в частности, клаузы, в которых значения предикативных категорий выражаются локально-бытийной копулой *-ko* ‘быть, существовать, находиться’: *βana βi-ko βatini βe-ko Nairobi* ‘дети они-которые-есть маленькие они-находятся в-Найроби’.

Позитивное спряжение копулы *-ko* в настоящем времени при выполнении ею предикативной (но не атрибутивной) функции осуществляется по формуле *S3 + -ko*: *βana βe-ko Nairobi* ‘дети они-находятся (в) Найроби’.

Определительная форма копулы *-ko* использует в качестве согласованного префикса морфему *S1*: *βana βi-ko βatini* ‘дети они-которые-есть маленькие’.

3.6. Соединением спрягаемой по модели *S3 + -ko* копулы *-ko* с союзом-предлогом *na* ‘и, (совместно) с’ в дабида передается значение ‘иметь, обладать’, букв. ‘быть с’: *ka-na ke-ko na pusi* ‘у ребенка есть кошка букв. ребенок он-есть с кошкой’. Изменение *S3* на *S1* превращает предикативную посессивную конструкцию в определительную: *ka-na ki-ko na pusi ke-ko aha* ‘ребенок с кошкой находится здесь’, букв. ‘ребенок он-который-есть с кошкой он-находится здесь’.

Ю. Г. Суетина

ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА SÂ В ЯЗЫКЕ ХАУСА: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Из восьми глагольных форм языка хауса форма *sâ* менее всех остальных привлекала внимание исследователей. Сложности анализа этой глагольной формы во многом связаны с тем, что в письменном хауса тоны никак не обозначаются. Поэтому приглагольные местоимения формы *sâ* 1 л., 2 л. м. р. и 3 л. в ед. числе по написанию полностью совпадают с приглагольными местоимениями форм *su*, *sun* или *suka*, что затрудняет анализ, поскольку контекст не всегда позволяет сделать однозначный вывод о том, какая именно глагольная форма употреблена в предложении. В качестве примера приведем фразу из книги Абубакара Имама «Речь – богатство»: “Ko Musa uâ lalace uâ auri Sinaratu?” [Imam 1972: 6]

Э. Вольф [Wolf 1993] трактует эту фразу следующим образом: «Даже (если) Муса он (*sun*) испортился, он (*saa*) женится на Синарату?» – «Даже если бы Муса испортился, разве он женился бы на Синарату?» (Перевод Э.Вольфа) [Wolf 1993]. Но контекст допускает и другое толкование данной фразы, которое, на наш взгляд, более логично: «Вопрос. частица Муса он (*sun*) испортился (чтобы) он (*su*) женился на Синарату?» – «Разве Муса испортился, чтобы жениться на Синарату?». Наши информанты – хауса из городов Гомбе и Кацина, которым были предложены два варианта перевода, сочли правильным именно второй вариант.

Довольно давно было высказано мнение, что эта форма выражает возможное будущее время, «однако нет полной уверенности, что это действие когда-либо осуществится» [Щеглов 1970]. Подобное мнение переходит из одной грамматики языка хауса в другую. Но и другая глагольная форма языка хауса, также выражающая будущее время, не содержит в себе никаких элементов, позволяющих утверждать, что действие произойдет, за исключением высказываний типа «Завтра солнце взойдет на востоке»: *Gobe rana za ta fito a Gabas*.

Именно поэтому некоторые авторы, например, Ф. Джаггер [Jaggar 2000], указывают на то, что форма *sâ* легко заменяется формой *za su*:

Wa yâ yî wannan aiki? – Audu yâ yî.
 Кто он (*sâ*) делает эту работу? – Ауду он (*sâ*) делает.
 ‘Кто сделает эту работу? – Ауду сделает’.
 Wa zai yî wannan aiki? – Audu zai yî.
 Кто он (*za su*) делает эту работу? – Ауду он (*za su*) делает.
 ‘Кто сделает эту работу? – Ауду сделает’.

Но трактовка формы *sâ* как гипотетического будущего времени вступает в противоречие с тем фактом, что эта глагольная форма очень часто используется в пословицах и поговорках: *Kome nisan dare garî yâ waye. Как бы долго ни длилась ночь, все равно рассветет.* *Abin da ruwan zaî ya dafa, ruwan sanyi shi ma yâ dafa. То, что сварила горячая вода, сварит и холодная.* В паремиях невозможно использование вероятностного действия, ведь в этом случае пропадает их смысл. Сравните: «Как веревочке ни виться, а конца ей вероятно / возможно / скорее всего не миновать» и «Как веревочке ни виться, а конца ей не миновать».

Для анализа формы *sâ* были выбраны предложения из ряда книг на языке хауса, начиная от исторических хроник и кончая произведениями современной художественной литературы. После каждого предложения были поставлены слова *watakila вероятно* и *babu shakka без сомнения*. Носители языка хауса, которым были предъявлены эти предложения, должны были отметить, какому из этих двух слов соответствует, по их мнению, смысл высказывания.

1. Sannu kwâ gan shi da alfarmar Tsamburbura.
 Постепенно вы (*sâ*) видеть его и величие Тсамбурбура.
Babu shakka. Watakila.
 ‘Когда вы увидите его и величие Тсамбурбура’.

2. Sai suka ce, “To, mâ taimake ku da addu’a”.
И они (suka) сказать: «Ладно, мы (sâ) помогать тебе с молитвами».
Babu shakka. Watakila.
‘И они сказали: «Ладно, мы поможем тебе молитвами»’.
3. Ba sâ son zama wuri daya.
Не они (sâ) хотеть быть место одно.
Babu shakka. Watakila.
‘Они не захотят оставаться в одном месте’.
4. Ke ma kyâ iya shiga.
Ты же ты (sâ) мочь войти.
Babu shakka. Watakila.
‘Ты же сможешь войти’.
5. Baba, mun ji abin da ka ce,
Папа, мы (sun) слышать речь, которую ты (suka) сказать,
mâ ko bi.
мы (sâ) слушаться.
Babu shakka. Watakila.
‘Папа, мы слышали, что ты сказал, мы будем слушаться’.
6. Kome yawan rundunarsa, ko mutum goma masu karfin
Все количество войска его, даже человек десять имеющих силу
zuciya sâ iya maida shi baya.
сердца, (saa) мочь повернуть его назад.
Babu shakka. Watakila.
‘Сколько бы ни было у него войска, даже десять храбрых человек смогут обратить его в бегство’.
7. In ka saye ni, bukatata tâ biya.
Если ты (sun) покупать меня, желание твое (sâ) исполнится.
Babu shakka. Watakila.
‘Если ты меня купишь, то твое желание исполнится’.
8. Da muka karato wannan fasa, ko wani bayyani
Когда мы (suka) свернуть эта страна, даже некое объяснение
ba mâ nema, domin da gani an san nan ne.
не мы (sâ) искать, потому по виду (sun) знать, это здесь.
Babu shakka. Watakila.

‘Когда мы попали в эту страны, то нам не придется искать каких-либо разъяснений, потому что по виду было ясно, что это здесь’.

9. ko kwâ sha wani abu?

Вы (saa) пить некая вещь?

Babu shakka. Watakila.

‘Вы будете что-либо пить?’

10. Sun ce, sâ ba shi lada.

Они (sun) сказать, они (saa) дать ему плата.

Babu shakka. Watakila.

‘Они сказали, что заплатят ему’.

Как видно из представленных результатов анализа, в семи случаях из десяти информанты указали на обязательный характер действия, а в трех – на возможный. Через две недели был проведен второй этап эксперимента, когда информантам были предложены эти же предложения, но форма sâ в них была заменена на форму za su. Результаты этого эксперимента полностью совпали с результатами первого. При выборе решения информанты, по их объяснению, опирались на экстралингвистические факторы. Так, во втором примере наличие слова *то ладно* дало основание сомневаться в том, будет ли совершено действие, выраженное глаголом taimaka *помогать*. В седьмом примере действие, выраженное формой sâ, мыслится как возможное, поскольку для его реализации должно предварительно быть осуществлено действие, указанное в условном придаточном предложении in ka saye ni *если ты купишь меня*. И, наконец, действие в девятом примере мыслится как возможное, потому что оно содержится в вопросе, ответ на который может быть как положительным, так и отрицательным.

Анализ текстов исторических хроник на хауса, этнографических рассказов, произведений художественной литературы показал, что по сравнению с глагольной формой za su форма sâ встречается значительно реже. Как и форма za su, форма sâ употребляется как в простых, так и в сложноподчиненных предложениях. Ю.К.Щеглов [Щеглов 1970: 61] указывал, что эта глагольная форма может встречаться

в сложноподчиненных предложениях с условным придаточным или придаточным предложением цели, причем как в главном, так и в придаточном. Случаи употребления формы *sâ* в сложноподчиненных предложениях с условным придаточным были отмечены и нами, но форма *sâ* использовалась только в главном предложении:

11. In Allah ya so kuwa, *kâ tarad da abin da kake so*.
'А если Аллах пожелает, то ты найдешь то, что ты ищешь'.

Результаты нашего анализа показали также, что форма *sâ* может быть использована и в сложноподчиненных предложениях с придаточными относительными, сравнительными и др., причем как в главном, так и в придаточном предложении:

12. Wai wani irin alherin nan na mutum ya waiwaiyo baya, ko *mâ ji daɗi mu san ya san muna nan, ko kaɗan bai yi ba*.

'Даже такого знака внимания как обернуться назад, (может быть) нам будет приятно узнать, что он знает, что мы здесь, он не оказал нам'.

13. Malam Tanko... sanye da wasu manyan tabarau da suka yi kamar *sâ zame daga karan hancinsa, in ya kuskura ya yi motsi*.

'На маламе Танко были большие очки, которые выглядели так, как будто бы они слетят с его носа, если он по неосторожности пошевелится'.

14. Abin da zai fara darsa a zuciyar maziyarci shi ne sanyin wurin da kawai-cinsa, ban da fitilun kendir da ba *sâ mutu*.

'То, что сначала поражает посетителя, это холод этого места и его безлюдность, (ничего) кроме свечей, которые никогда не погаснут'.

Интересен тот факт, что в примере 8 все предложение выражает уже совершенное действие, то есть форма *sâ* никак не соотносится с будущим.

Возможно также употребление формы *sâ* в главной части сложноподчиненного предложения нереального условия, хотя такие слу-

чаи весьма редки, так как в подобных предложениях более типично употребление формы *sun* в обеих частях:

15. Da ba mu yi karatu ba, mâ samu wannan gida? –
Da ba mu yi karatu ba, da mun sami wannan gida?
'Если бы мы не учились, был бы у нас этот дом?'

Так в чем же состоит различие между глагольными формами *sâ* и *za su*? Результаты проведенного нами анализа текстов различных жанров показали, что форма *sâ* употребляется только в прямой речи. Примеры 12-14, взятые из книги А. Кано «Движение лучше покоя», никоим образом не противоречат этому утверждению. Текст этой книги, представляющей собой путевые заметки автора, написан от первого лица. Вместе с тем нужно отметить и тот факт, что в некоторых современных произведениях художественной литературы на хауса, а также в материалах прессы не отмечено ни одного случая употребления формы *sâ*, которая, по всей вероятности, имеет несколько архаичный характер. Это подтверждает и тот факт, что наибольшее число случаев употребления формы отмечено в исторических хрониках хауса.

Литература

- Щеглов Ю. К. 1970. Очерки грамматики языка хауса. М.
Jaggar Ph. 2000. Hausa. London.
Wolf E. 1993. Referenzgrammatik des Hausa. Munster.

Источники на хауса

- Abubakar Imam. 1972 (1939). "Magana jari ce". Zaria.
Aminu Kano. 1955. „Motsi ya fi zama“. Zaria.
"Hausawa da makwabtansu". 1971 (1933). Zaria.
Umaru Ladan. 1981. "Sidi ya shiga makaranta". Kaduna.
Hafsatu M. A. Abdulwaheed. 1980. "So aljannar duniya". Zaria.

И. Н. Топорова

**РОЛЬ АРЕАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ
ЯЗЫКОВ БАНТУ
(«внутренний» фактор)¹**

Одним из аспектов взаимодействия и развития языков является «внутренний» ареальный фактор, заключающийся в контактировании близкородственных языков, распространенных в одном ареале на смежных или недалеко расположенных друг от друга территориях (о «внешнем» ареальном факторе см. [Топорова, в печати]. К данному типу контактирования можно отнести взаимодействие языков банту вообще, взаимодействие языков, относящихся к одной языковой зоне, далее к одной группе или подгруппе языков, а также взаимодействие диалектов одного языка или диалектов с основным языком. Сразу надо заметить, что решение перечисленных проблем довольно затруднительно, а порой и невозможно в настоящее время, главным образом, из-за недостаточной изученности материала (особенно, если речь идет о малоизученных или совсем неизученных диалектах). Некоторым исключением являются языки и диалекты группы монго (С.60), достаточно хорошо исследованные и описанные Г. Хюльстартом, его учениками и последователями, в частности, в периодическом издании *Annales Aequatoria*, выходящем в течение нескольких последних десятилетий в г. Мбандака (ДРК). Эти материалы являются довольно серьезной базой для дальнейших типологических исследований. Что же касается большинства языков и диалектов банту, то здесь ситуация иная, требующая дальнейших иссле-

¹ Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (тема: Ареальные факторы изменения и устойчивости в языках Африки).

дований. Это относится в полной мере и к языкам банту северо-западного ареала (зоны А, В, С).

Темой настоящего сообщения является анализ взаимодействия северо-западных языков банту, представляющих собой особый интерес как с точки зрения их пограничного с языками не-банту распространения (откуда влияние извне), так и их некоторой обособленности от остальных языков банту других ареалов, т.е. другой стороны их периферийного положения. О наличии взаимодействия и взаимовлияния между языками (диалектами) ограниченного ареала можно судить по многим фактам. В данном случае наше внимание будет обращено на три момента. *Во-первых*, на особенности классных систем в языках северо-западного ареала; *во-вторых*, на нестандартную реализацию посессивно-атрибутивных (п.а.) отношений и, *в-третьих*, на особенности реализации категории инфинитива (оставляем в стороне другие многочисленные вопросы, достойные рассмотрения).

1. Ситуация с системой Именных классов (ИК) в северо-западных языках банту может быть названа нестабильной. Это связано, прежде всего, с редукцией ИК, с исчезновением ряда классов или же со смешением, слиянием двух классов. Оставляя в стороне влияние соседних неродственных языков, обратим внимание на внутренние процессы, происходящие в этих языках.

В качестве примера рассмотрим внутриэтнический язык *аква* (диалект аква-мбанги), распространенный в НРК вблизи г. Макуа и знакомый автору благодаря многолетним совместным работам с носителем языка, гражданином НРК Оссете Эженом Андре.

По классификации М. Гасри, аква относится к языкам банту зоны С (С.22) и входит в группу языков *мбоши* наряду с языками мбоко, нгаре, куйю, мбоши, квала, куба. Аква имеет ряд малоизученных диалектов, расхождения между которыми сводятся в значительной степени к уровню фонетики (к сожалению, мы не располагаем более точными данными). Аква наряду с перечисленными языками группы мбоши образуют континуум языков, позволяющий в определенной степени разглядеть некоторые процессы или изменения, происходящие в том или ином языке. Наглядным примером является система

Именных классов в языке аква, претерпевшая, как будет видно из дальнейшего, значительные изменения. Речь идет о редукции (сокращении) ИК. В современном аква имеется всего девять классов (ср. 18-20 классов в языках восточного или южного ареалов). Среди них два класса множественного числа (мн. ч.) – 2 и 8 вместо пяти-шести классов в других языках банту. О том, что речь идет именно о исчезновении ряда классов (4, 6, 10), свидетельствуют их следы, в частности, в виде именных показателей/префиксов (ИП) в то время, как согласовательная парадигма реализуется уже в рамках одного из двух оставшихся классов мн.ч. (2 или 8). В качестве примера возьмем ситуацию с классом 6 мн.ч., который отсутствует в современном аква, но следы которого остались в форме ИП (ma-):

ma-li ‘масло’, a-longo ‘кровь’ (общербантуские префиксы 6 кл. – ma-, a-), согласование же осуществляется в рамках 2 класса (см. [Топорова 1997; Аксенова, Топорова 2002]:

Ma-a-ba (6)	ba-tsi (2)	ba-ngu (2)	ba-di (2)	ba-ve (2)
‘Вода-реки	вся	эта-самая	она-есть	хорошая’.

Существование в прошлом в аква 6 класса, помимо его следов в виде ИП, можно предположить путем сравнения его с близкородственным языком *куйю* (та же группа мбоши [Guthrie 1953]), где имеется 6 класс с полной согласовательной парадигмой, например:

Ma	ma	ma-tso	ma-kima	ma-di	ma-ne
‘Вода	эта	вся	другая	она-есть	большая’.

То же самое можно сказать и о исчезнувших классах множественного числа 4 и 10, следы которых сохранились в ИП, согласование же идет по классам 2 и 8 (в зависимости от контекста).

М. Гасри [Guthrie 1970: 2; 39] отмечал наличие в аква 4 класса, возможно, по присутствию ИП mi-, i- и отсутствие 8 класса, что расходится с нашими данными. Можно предположить, что М. Гасри ссылаясь на данные другого диалекта, в котором мог сохраниться 4 кл., но, скорее всего, этот вывод был сделан при учете лишь именно-

го показателя, но не полной согласовательной парадигмы. Кстати, надо отметить, что в аква наряду с другими ИП в 8 кл. реализуется также префикс i- (относящийся и к общебантуским преф. 8 кл.):

i-bedi 'места', i-kono 'болезни' и т.д.

Итак, редукция системы ИК ведет к появлению смешанных парадигм и, соответственно, к появлению нерегулярных корреляций по числовому признаку, т.е. нарушается традиционная для языков банту бинарность: 1/2, 3/4, 5/6, 7/8, 9/10 и т.д., в результате чего в аква имеют место корреляции 3/8, 5/2, 9/2, 8 и т.д. Это дает основание говорить о процессе *переструктуризации*, происходящем в аква. В тесной связи с этим находится и статус ряда классов, в частности, повышается статус 2 и 8 классов мн.ч., взявших на себя функции исчезнувших классов 4, 6, 10. С другой стороны, следует отметить наличие классов с заниженной валентностью, когда класс неспособен полностью обслужить согласование на уровне именных показателей и зависимых согласователей (ЗС). Ср. пример 14 класса в плане корреляции по числу, когда ИП во мн. ч. равен префиксу исчезнувшего 6 класса (та-), а ЗС реализуются в рамках классов 2 или 8.

Сокращение классов мн. ч. (в данном случае до двух) ведет к дальнейшим существенным изменениям в структуре языка, в частности, и на категориальном уровне. Оставшиеся классы мн.ч. принимают на себя функции исчезнувших классов, в результате чего появляется тенденция к формированию категории *одушевленности-неодушевленности*. Относительно языка аква еще нельзя говорить о наличии этой категории, так как нет строгой дифференциации по данному признаку, но, с другой стороны, нельзя отрицать факт происходящих в языке изменений, что свидетельствует о нестабильности языка, о переходном периоде в его развитии. Свою лепту в этот процесс вносят и межэтнические языки лингала и монокутуба, широко распространенные в этом ареале и, безусловно, оказывающие влияние на мелкие языки в плане 'упрощения' грамматической системы.

Процесс редукции системы ИК происходит и в других языках банту северо-западного ареала, например, в языках болиа и нгомбе (подробнее об этом см. в [Топорова 1997]).

В языке болиа (зона С), как и в аква, имеется всего девять классов, из них три класса множественного числа (2, 8, 10), т.е. отсутствуют плюральные классы 4 и 6. Здесь, как и в аква, нельзя говорить о формировании категории *одушевленности/неодушевленности*, однако нельзя не отметить значительную роль категории *личность/неличность*, так как *личные* имена во мн. ч. согласуются только по модели класса 2 и никогда по модели 8 или 10 классов.

Язык нгомбе (С) занимает как бы промежуточное положение между аква и болиа, с одной стороны, и языком лингала – с другой. С первыми нгомбе объединяет редукция ряда классов мн.ч. (4, 6) и появление в результате этого нерегулярных корреляций, например, 3/10 вместо 3/4; 5/10/2 вместо 5/6; 7/1- вместо 7/8 и т.д., что приводит к усилению роли оставшихся классов мн.ч. и, соответственно, к тенденции формирования категории одушевленности/неодушевленности, поскольку согласование во мн. ч. осуществляется с учетом дифференциации по этому признаку. И в этом отношении нгомбе ближе к лингала, где более ярко выпажена тенденция к формированию категории одушевленности/неодушевленности (например, употребление преф. *e-* (7 кл.) с неодушевленными именами в единственном числе; *bi-* (8 кл.) с неодушевленными именами во мн.ч. и *ba-* (2) – с одушевленными именами во мн.ч.). В.А. Виноградов [Виноградов. 1997] говорит о своеобразной синтаксической бинарности классной системы, т.е. о сведении множества согласовательных моделей к двум, соответствующим одушевленным и неодушевленным именам. Этот процесс активнее в языках межэтнического общения, что связано не столько с коммуникативным статусом языка, сколько с самой семантической системой языка и с тенденцией к ограничению формального разнообразия. Важно то, что при устойчивости именных показателей в именах возникают изменения в согласовательных моделях.

Таким образом, упомянутые модели, имеющие место в рамках определенного континуума близкородственных языков, распростра-

ненных в одном ареале (редукция классов, нерегулярные корреляции по числовому признаку, переструктуризация, формирование новых категорий, изменения статуса отдельных классов и пр.), отсутствуют в более отдаленных ареалах банту (восточном, северо-восточном, южном), для языков которых характерна большая консервативность.

2. Анализ близкородственных языков банту, распространенных на компактной территории, обнаруживает тесную взаимосвязь между статусом языка и структурными особенностями. Ярким подтверждением этого являются языки зоны С. В качестве примера можно привести ситуацию с посессивно-атрибутивной частицей (п.а.ч.), играющей важную роль в языках банту, выражая различного рода отношения (например, принадлежности, посессивности, атрибутивности, обстоятельственные и др.). В данном случае в качестве примера можно привести диалекты языка *монго* (*bloc du mongo*, по определению [Hulstaert 1987]), материалы по которым публикуются в периодическом издании *Annales Aequatoria* (Mbandaka, n 1-25). Речь идет об огромном количестве мелких диалектов, распространенных на территории ДРК (Киншаса), статус которых может быть определен как внутриэтнический. Для большинства этих диалектов характерно наличие более одной п.а.ч. (в ряде случаев до пяти-шести), что в принципе нехарактерно для языков банту и с точки зрения разумной структуры языка является избыточным и неэкономным.

Надо заметить, что случаев дублирования п.а.ч. без видимых причин мало. В качестве примера можно привести некоторые языки (диалекты):

бонгандо (С): Pcl=a и Pcl=Pref-a:

bokelé **á//bǎ** (< bo-á) nkoko 'яйцо **pcl** курицы';

лонконда (С): Pcl=Pref и Pcl=Pref-nkáni:

bíhenda **bí//bi-nkáni** nká 'одежды **pcl** деда'.

В большинстве случаев употребление нескольких частиц в одном языке обусловлено разными причинами, среди которых можно отметить такие как:

а) употребление архаичных форм (ka/ke/ki) наряду со стандартными:

воджи: Pcl=Pref-ka и Pcl=Pref-la:

nyóngó **i-ká** isó ‘топоры **pcl** наши’ наряду с

ba-alí **bá-la** mí ‘жены **pcl** мои’;

локонда: Pcl=Pref-ki и Pcl=Pref:

bǎná **bǎ-ki**//**bá** íḃa ‘вино **pcl** пальмы’;

б) грамматико-категориальные и морфосинтаксические причины:

балой: Pcl=Pref, если N₁ (в модели N₁ – pcl – N₂) не относится к классам 1, 7, 9:

lí-konzi (5) lí ndáku ‘основа **pcl** дома’;

Pcl=Pref-a, если N₁ относится к классам 1, 7, 9, если ЗС (зависимый согласователь)=V (гласной):

e-samba (7) **ya** (< i-a) ndáku ‘эскиз **pcl** дома’;

охендо: Pcl=Pref-e, если Pref оканчивается не на -a:

e-pele (7) **ké-è** mbvulu ‘стена **pcl** дома’;

Pcl=Pref-a, если Pref оканчивается на -a:

wǎshi **wá-ǎ** nno ‘вода **для** питья’;

в) семантико-синтаксические причины сводятся в основном к функциональному употреблению. Так, во многих языках разные частицы используются для выражения атрибутивных и посессивных значений:

батсва: Pcl=Pref-a используется при атрибутивном значении:

boto **wa** (<o-a) lilo ‘человек **pcl** хороший’;

Pcl=a выражает посессивное значение:

Nama **a** nsobo ‘часть **pcl** кабана’ (партитивное значение);

Такая же картина имеет место и в других языках:

лика́та: Pcl=Pref выражает разного рода посессивные значения:

mongei **mo** koko ‘яйцо **pcl** курицы’;

bola **bo** ngá ‘старший-брат **pcl** мой’;

Pcl=a используется при атрибутивном значении:

moto **a** likonja ‘человек **pcl** денег (богатый)’;

сенгеле: Pcl=Pref при атрибутивном и обстоятельственном значениях:

íkò í loǒbi ‘вечер **pcl** вчерашний’;

lǒsi **ló** mǐmí ‘вода **для** питья (питьевая)’;

Pcl=Pref-a для выражения посессивных значений:

Irapa **yíá** (< i-á) ɲkuká ‘двор **pcl** старика’.

Из приведенных примеров следует, что нет четкой зависимости между формой п.а.ч. и ее функциональным использованием в разных языках.

В отличие от приведенных данных по внутриэтническим языкам (диалектам), в языках межэтнического общения ситуация иная, что вполне согласуется с иным коммуникативным статусом. В нашем случае наглядной иллюстрацией этого является межэтнический язык лингала (зона С), широко распространенный в этом ареале и использующий практически одну форму для выражения разных значений: Pref-a, например:

libulu **lya** (< li-a) zamba ‘яма **pcl** леса’;

biloko **bya** (< bi-a) kolia ‘вещи **для** еды’ (съедобные);

lisolo **lya** (< li-a) nsomo ‘история **pcl** страха (страшная)’ и т.д. [Топорова 1994].

Таким образом, очевидно, что языки с разным коммуникативным статусом находятся как бы на противоположных полюсах. Пространство между этими полюсами, видимо, должно быть как-то заполнено, и в этом плане, как нам кажется, определенный интерес представляет язык *аква* (та же зона С), распространенный в НРК недалеко от г. Макуа. Аква является внутриэтническим языком [Аксенова, Топорова 2002], однако в нем наблюдаются процессы, свидетельствующие о его *нестабильности* (например, редукция системы

именных классов), что в дальнейшем может, видимо, привести к изменению статуса языка. Ситуация с Pcl в аква не может быть описана однозначно (см., например, [Топорова 2001, 213-219]. В языке имеется большое количество частиц, которые не могут быть строго дифференцированы с точки зрения функционального назначения (хотя и нельзя отрицать некоторые предпочтения). Такая ситуация находится в некотором несоответствии, например, с имеющей место в языке редукцией системы именных классов, то есть с тенденцией к упрощению грамматической системы. Возможно, многообразие форм посессивно-атрибутивных частиц связано с ареальным процессом заимствования из языков и диалектов, относящихся к одной языковой группе (мбоши). К сожалению, мы не располагаем необходимыми данными по другим языкам и диалектам группы мбоши, но факт сохранения в языке *куйю* 6 класса множественного числа (в отличие от аква, где сохранились лишь следы этого класса) дает возможность предположить наличие специфической ситуации в плане реализации п.а. отношений, что в принципе могло повлиять и на ситуацию в аква. То же самое можно предположить и в отношении других языков данной группы.

3. В качестве примера, иллюстрирующего влияние ареальных факторов (“внутренних”) на структуру языка, можно привести реализацию категории *инфинитива* в языках зоны С, распространенных на территории обоих государств Конго (ДРК и НРК) [Топорова 2003]. В данном случае речь идет о реализации двух вариантов в представленности категории инфинитива (Inf). С одной стороны, находятся языки, в которых для выражения Inf используется одна форма, и такая ситуация характерна для большинства языков банту. С другой стороны, в ряде языков и диалектов компактного ареала (территория ДРК) зафиксировано большое количество форм Inf. В последнем случае речь идет о языках зоны С, групп *банги-нтомба* (С.30) и *монго* (С.60), материалы по которым имеются в периодическом издании *Annales Aequatoria*, издаваемом в г. Мбандака (ДРК), среди основных авторов которого можно назвать Г. Хюльстарта, Молеббо М., Мотингеа М., Илонга Б. и др. (см. *Annales Aequatoria*, nn 8, 10, 12, 13, 14, 15). Итак, в языках данных групп представлено по несколько

форм инфинитива, что можно объяснить различными причинами, например, степенью занятости морфосинтаксических позиций в модели инфинитива, с лексико-синтаксическими и семантическими условиями. Среди основных значений Inf можно выделить следующие: простой инфинитив, инвитаивный, облигативный, пермиссивный. Значения ряда форм не совсем ясны. В ряде случаев отсутствует четкая дистрибуция при выборе форм и значений. С другой стороны, имеется вариант, когда семантика финитного глагола (Vb_{fin}) в модели $Vb_{fin}+Inf$ в случае реализации глагола со значением 'идти, приходить', определяет выбор формы, например, с облигативным или инвитаивным значением. При всех многочисленных вариантах реализации категории инфинитива (в ряде случаев объяснимых, в других не совсем ясных) в языках групп С.30 и С.60 их объединяет именно обилие форм Inf, и именно этот общий признак противопоставляет эти языки языкам зоны С, распространенным на несколько более отдаленных территориях (например, язык аква С.22) или же обладающим иным коммуникативным статусом (например, межэтнический язык лингала С.36d, широко распространенный на территории всей центральной Африки), в которых реализуется лишь одна форма инфинитива. Такая ситуация с реализацией инфинитива даже на такой компактной, ограниченной территории лишний раз свидетельствует о важной роли ареального фактора в развитии и взаимодействии языков.

Литература

- Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2002. Грамматика языка аква. М.
 Виноградов В. А. 1997. Именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. Именные категории. М.
 Топорова И. Н. 1994. Грамматика языка лингала. М.
 Топорова И. Н. 1997. Особенности классных систем в языках банту зоны С // Африка в меняющемся мире. VII Всероссийская конференция африканистов. М.
 Топорова И. Н. 2001. О нестандартной реализации посессивно-атрибутивных отношений в аква // Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. Чтения памяти Д.А. Ольдерогге. М.

- Топорова И. Н. 2003. Особенности инфинитива в языках банту зоны С // Основы африканского языкознания. Глагол. М.
- Топорова И. Н. Рукопись. Роль ареальных факторов в развитии и взаимодействии неродственных языков.
- Guthrie M. 1953. The Bantu languages of Western Equatorial Africa. London.
- Guthrie M. 1970. Comparative Bantu. p. 2. London.
- Hulstaert G. 1987. Les parlers des Bongando méridionaux // Annales Aequatoria, n 8. Mbandaka. Zaire.

А. Б. Шлуинский

«ПЛАВАЮЩИЕ КВАНТОРЫ» В ЯЗЫКЕ ЭВЕ¹

Предметом обсуждения настоящей статьи являются т. н. «плавающие кванторы» в языке эве. «Плавающими кванторами» (в англоязычной лингвистической терминологии “floating quantifiers”, в [Тестелец 2001] предложен термин «плавающие определители») принято называть приименные определительные элементы, способные к линейному отрыву от определяемой именной группы. Так, например, в русском примере (i) прилагательное *все* согласуется с именной группой *дети* (и семантически также относится именно к соответствующему участнику, а не ко всей ситуации, описываемой предложением в целом). Для большинства прилагательных такое линейное расположение в целом неприемлемо (и имеет место только при специфической коммуникативной структуре предложения), ср. предложение (ii), отличающееся от (i) заменой *все* на *маленькие*.

- (i) *Детей я видел всех.*
- (ii) *Детей я видел маленьких.*

Оговорим специально, что мы не рассматриваем здесь специально структуру составляющих предложения с «плавающими кванторами». Вообще говоря, существует два подхода к синтаксическому анализу таких предложений (и, таким образом, отсутствует некоторая общепринятая точка зрения). Первый подход предполагает адвербиальный анализ ([Klein 1977], [Dowty, Brodie 1984], [Baltin

¹ Материал к настоящей работе получен автором от информантов – Э. Азимодо и А. Кутбенья Коми Маунье, которым автор выражает самую глубокую благодарность. Работы выполнены в рамках проекта РГНФ №05-04-04149а «Основы африканского языкознания: синтаксис именных и глагольных групп». Автор благодарен аудитории лингвистической секции XI конференции африканистов в Москве в мае 2008 г. за ценное обсуждение работы.

1995]), в соответствии с которым «плавающий квантор» является адвербиальной составляющей (синтаксически зависящей непосредственно от глагола), возможной при определенной семантических условиях. Второй подход принимает «разрывный» (stranding) анализ ([Sportische 1988], [Shlonsky 1991], [Bošković 2004]), в соответствии с которым предполагается изначальная синтаксическая структура, где определитель занимает позицию внутри именной группы, подвергающаяся впоследствии воздействию определенных синтаксических правил, создающих возможность для «линейного отрыва» данных прилагательных от определяемой именной группы в буквальном смысле. В настоящей работе мы не обсуждаем теоретическую проблематику и сосредоточиваемся на кратком описании фактического материала языка эве.

Синтаксические свойства «плавающих кванторов» детально исследованы на материале немногих языков, в первую очередь английского и французского; существуют исследования, обращающиеся к материалу иврита [Shlonsky 1991] и японского языка, например, [Kobuchi-Philip 2007]; в [Bošković 2004] сопоставляется материал языков различных семей, но выборка крайне ограничена. Единственное известное (и, как правило, имплицитное) типологическое обобщение, касающееся «плавающих кванторов», состоит в том, что известно четыре типичных квантификационных значения, провоцирующих у определительных лексем в языках различной ареальной и генетической принадлежности способность к линейному передвижению:

- а) универсальные кванторы ('весь', 'каждый');
- б) количественные числительные ('два', 'много');
- в) экзистенциальные кванторы ('один', 'какой-то');
- г) интенсификаторы ('сам').

Подчеркнем, что речь не идет о том, что во всех языках все лексем с этими значениями являются «плавающими кванторами»; имеется в виду лишь то, что, с одной стороны, лексем со значениями (а)-(г) оказываются «плавающими кванторами» достаточно часто, а с другой стороны, нам неизвестны случаи «плавания» лексем с другими значениями.

Проблематика поведения обсуждаемой группы слов в африканских языках изучена мало. Цель настоящей работы – дать краткое описание фактов, касающихся «плавающих кванторов» в эве. Отметим сразу, что их синтаксические и семантические свойства нуждаются в дальнейшем, куда более детальном, исследовании на более обширном материале.

Нам неизвестны работы, в которых исследовалась бы способность лексем, выражающих указанные значения в языке эве (или близкородственных ему языках), к линейному отрыву от определяемых именных групп. Это объясняется тем, что лишь меньшинство таких лексем способно образовывать такого рода конструкции, причем даже в тех случаях, когда отрыв лексемы-квантификатора допускается, соответствующий линейный порядок слов остается в известной мере маргинальным. В [Коорман 1986] даже делается слишком сильное утверждение о том, что языки западноафриканского ареала не имеют «плавающих кванторов». Рассматриваемый ниже материал показывает, что такая общая формулировка неверна, потому что в эве три определительных лексемы являются «плавающими кванторами», причем одна из них представляется частотной в конструкциях с «плаванием».

Способность к «плаванию» обнаружена у трех определительных лексем в эве: *sugbo* ‘много’, *deka* ‘один’, *-dokui* ‘сам’. Ниже обсуждаются особенности употребления каждой из них в конструкциях с линейным отрывом от определяемого слова.

Перед тем как перейти к рассмотрению материала, необходимо также обратить специальное внимание на несвободный порядок слов в эве. В частности, определительные элементы в именной группе – за исключением рассматриваемых здесь конструкций – могут находиться только непосредственно после определяемого слова. Следовательно, способность отдельных определителей быть оторванными от определяемого слова, является весьма сильным фактом, свидетельствующим об их особом статусе.

Наиболее бесспорную способность к «плаванию» в языке эве проявляет количественный определитель *sugbo* ‘много’. Наиболее

типичным для этого определительного слова является соотнесение с субъектной определяемой именной группой, как в (1).

- (1) *ɖevi-wo va sugbo*
 ребенок-PL приходить много
 ‘Детей пришло много’.

Соотнесение «плавающего» *sugbo* с объектной именной группой также возможно и неоднократно зафиксировано, ср. (2)-(3). С другими несубъектными именными группами, например, именными группами в составе послеложных групп, *sugbo* ‘много’ соотноситься не может, ср. невозможность для (4b) и (5b) интерпретаций, аналогичных (4a) и (5a).

- (2) *ama yɔ ɖevi-wo etsɔ sugbo*
 Ама звать ребенок-PL вчера много
 ‘букв. Ама позвала детей вчера многих’.
- (3) *kofi ʃle agbalɛ -wo etsɔ sugbo*
 Кофи покупать книга-PL вчера много
 ‘букв. Кофи купил вчера книги многие’.
- (4) a. *sukuu-wo le edzu sugbo me*
 школа-PL COP город много внутренняя.часть
 ‘Во многих городах есть школы’.
- b. *sukuu-wo le edzu-wo me sugbo*
 школа-PL COP город-PL внутренняя.часть много
 ‘В городах есть много школ’.
 *‘Школы есть во многих городах’.
- (5) a. *me-nɔ edzu sugbo me*
 1SG-COP.PST город много внутренняя.часть
 ‘Я был во многих городах’.
- b. *me-nɔ edzu-wo me sugbo*
 1SG-COP город-PL внутренняя.часть много
 ‘Я много был в городах’.
 *‘Я был во многих городах’.

Отметим существенную формальную особенность конструкции с «плавающим» *sugbo*, отличающую ее от стандартных количественных конструкций эве. При стандартном порядке слов, без «плавания», определяемое существительное в количественной группе употребляется без показателя множественного числа, ср. (6a); присоединение числового показателя дает неграмматичную конструкцию (6b). В случае же употребления *sugbo* как «плавающего квантора», напротив, накладывается требование показателя множественного числа, как в (1), и неграмматичной оказывается конструкция без него, ср. (6c).

- (6) a. *ɖevi sugbo va*
 ребенок много приходит
 'Пришло много детей'.
 b. **ɖevi-wo sugbo va*
 ребенок-PL много приходит
 c. **ɖevi va sugbo*
 ребенок приходит много

«Плавающий» экзистенциальный определитель *ɖeka* 'один', в отличие от рассмотренного выше *sugbo*, имеет ограничения на синтаксическую позицию определяемой именной группы. При соотносении с субъектной именной группой его употребление как «плавающего квантора» допустимо и естественно (7), тогда как с несубъектной именной группой этот определитель может соотноситься лишь занимая стандартную позицию определителя (8a), но не «плавающую» (8b).

- (7) *ɖevi-a va ɖeka*
 ребенок-DEF приходит один
 'Ребенок пришел один'.
 (8) a. *ama uɔ ɖevi-a ɖeka etsɔ*
 Ама звать ребенок-DEF один вчера
 'Ама позвала вчера одного ребенка'.

- b. *ama yɔ ɖɛvi-a etsɔ ɖɛka
 Ама звать ребенок-DEF вчера один
 ‘букв. Ама позвала ребенка вчера одного’.

Наконец, маргинально при соотнесении с субъектной именной группой способность к «плаванию» проявляет лексема *-ɖokui* ‘сам’ в значении определителя-интенсификатора¹ (представленном для этой лексемы не во всех диалектах эве), ср. равную допустимость предложения (9a), где эта лексема занимает стандартную позицию определителя, и (9b), где она отрывается от определяемой именной группы.

- (9) a. kofi e-ɖokui ŋlɔ agbalẽ
 Кофи 3SG-сам писать письмо
 ‘Кофи сам написал письмо’.
 b. kofi ŋlɔ agbalẽ e-ɖokui
 Кофи писать письмо 3SG-сам
 ‘Кофи написал письмо сам’.

Обратимся теперь к другим лексемам эве, значения которых входят в зону значений «плавающих кванторов» (a)-(г).

Прежде всего, следует указать на то, что универсальные кванторные определители в эве не являются «плавающими кванторами». Так, слова *katã ã* ‘все’, *ɖesiãɖe* ‘каждый, любой’ употребляются только в стандартной позиции определителей (10a), (11a), но не в конструкциях с отрывом от определяемой именной группы, ср. неграмматичные примеры (10b), (11b).

- (10) a. ɖɛvi-a-wo katã ã va
 ребенок-DEF-PL все приходить
 ‘Все дети пришли’.

¹ В своем основном значении *-ɖokui* является рефлексивным местоимением ‘себя’, образующим собственную именную группу, а не выступающим в функции определителя.

- b. *ɖevi-a-wo va katã ã
 ребенок-DEF-PL приходить все
 'букв. Дети пришли все'.
- (11) a. ɖevi ɖesiade nya e
 ребенок каждый знать 3SG
 'Каждый ребенок это знает'.
- b. *ɖevi nya e ɖesiade
 ребенок знать 3SG каждый
 'букв. Ребенок это знает каждый'.

Далее, обратим внимание на контраст поведения количественного определителя *sugbo* 'много' и точных количественных маркеров (количественных числительных). Количественные маркеры не могут употребляться как «плавающие кванторы», ср. неграмматичные примеры (12b-c)¹ с грамматичным (12a).

- (12) a. ɖevi eve va
 ребенок два приходить
 'Пришли два ребенка'.
- b. *ɖevi-wo va eve
 ребенок-PL приходить два
 'букв. Детей пришло двое'.
- c. *ɖevi va eve
 ребенок приходить два
 'букв. Детей пришло двое'.

Наконец, помимо «плавающего» экзистенциального определителя *deka* 'один' в эве представлен экзистенциальный маркер *ade* 'какой-то', к «плаванию» не способный, ср. (13a-b).

¹ В (12b) именная группа содержит показатель множественного числа, который требуется в конструкции с «плавающим» количественным определителем *sugbo* 'много'.

- (13) a. $\text{ɖe} \text{vi} \quad \text{ɖe} \quad \text{va}$
 ребенок какой.то приходит
 'Пришел какой-то ребенок'.
- b. * $\text{ɖe} \text{vi} \quad \text{va} \quad \text{ɖe}$
 ребенок приходит какой.то
 'букв. Ребенок пришел какой-то'.

Остановимся коротко на том, что хотя мы выше говорили о способности определителей *sugbo* 'много', *ɖeka* 'один', *-ɖokui* 'сам' к «плаванию» так, как если бы речь шла о сугубо формальной возможности линейной перестановки определенных элементов в определенных условиях, в действительности «плавание» определителя, безусловно, несет некоторую коммуникативную / семантическую / прагматическую нагрузку. Исследование ее в деталях остается делом будущего, и здесь мы приведем только один пример, показывающий различия в том, какие коммуникативные условия уместны для не-«плавающего» и «плавающего» определителя *ɖeka* 'один', ср. (14a-b).

- (14) a. $\text{kofi} \quad \text{kple} \quad \text{ame-a} \quad \text{ke-a} \quad \text{va?}$
 Кофи с человек-DEF который-DEF приходит
 'Кофи пришел с кем?'
 $\text{kofi} \quad \text{ɖeka} \quad \text{va}$
 Кофи один приходит
 'Кофи один пришел'.
- b. $\text{ame} \quad \text{nene} \quad \text{va} \quad \text{kple} \quad \text{kofi?}$
 человек сколько приходит с Кофи
 'Сколько людей пришло с Кофи?'
 $\text{kofi} \quad \text{va} \quad \text{ɖeka}$
 Кофи приходит один
 'Кофи пришел один'.

Все три лексемы эве, способные выступать как «плавающие кванторы», имеют общее ограничение на линейный порядок слов в предложении, состоящее в том, что они в обязательном порядке со-

относятся с ближайшей, с точки зрения линейного порядка слов, левой именной группой. Это означает, в частности, что в предложении с переходным глаголом соответствующая лексема не может соотноситься с подлежащим, будучи оторванной от него, а в более распространенном предложении то же утверждение верно и для прямого дополнения. Так, в предложении (13a), определитель *deka* 'один', следуя непосредственно за подлежащим, соотносится с ним; в (13b) этот определитель следует за прямым дополнением и может соотноситься только с ним, но не с подлежащим; в (13c) он находится на правой периферии предложения, после именной группы, зависящей от грамматикализованного глагола в сериальной конструкции, и в этом случае возможно соотношение только с этой именной группой, но не с подлежащим и не с прямым дополнением лексического глагола.

- (15) a. kofi deka fle agbalẽ na ama
Кофи один покупать книга давать Ама
'Только Кофи купил Аме книгу'.
- b. kofi fle agbalẽ deka na ama
Кофи покупать книга один давать Ама
'Кофи купил Аме одну книгу'.
* 'Только Кофи купил Аме книгу'.
- c. kofi fle agbalẽ na ama deka
Кофи покупать книга давать Ама один
'Кофи купил книгу только Аме'.
* 'Только Кофи купил Аме книгу'.
* 'Кофи купил Аме одну книгу'.

Индивидуальные синтаксические ограничения «плавающих кванторов» в эве, связанные с синтаксической позицией соотносительной именной группы, были сформулированы при рассмотрении каждого из них. *deka* 'один' и *-dokui* 'сам' могут быть линейно оторваны только от субъектной именной группы, а *sugbo* 'много' – от субъектной или объектной именной группы.

Суммируем обнаруженные факты. Вопреки существующему мнению об отсутствии «плавающих кванторов» в языках западноафриканского ареала, в эве они существуют, хотя и маргинальны (а следовательно, можно предполагать существование «плавающих кванторов» и в других языках, генетически и ареально близких к эве). Обнаруженные нами «плавающие кванторы» имеют семантику, известную – как располагающую к «плаванию» – по языкам другой генетической и ареальной принадлежности; однако значение определительной лексемы как таковое не гарантирует появления у нее «плавательных» свойств, что видно на примере лексем эве, семантически весьма близких к «плавающим кванторам». Следовательно, остается открытым вопрос о том, что именно предопределяет появление у определительной лексемы способности к линейному отрыву от определяемой именной группы, помимо общей принадлежности к определенному кругу значений. Два «плавающих квантора» в эве имеют большие синтаксические ограничения, чем третий; при этом можно в целом утверждать, что именные группы с более высоким синтаксическим статусом с большей вероятностью могут иметь при себе «плавающие кванторы».

Литература

- Тестелец Я. Г. 2001. Введение в общий синтаксис. М.
 Baltin M.R. 1995. Floating quantifiers, PRO and predication // *Linguistic Inquiry*, vol. 26, no. 2.
 Bošković Ž. Be careful where you float your quantifiers // *Natural language and linguistic theory*, vol. 22.
 Dowty D. R., Brodie B. 1984. The Semantics of “Floated” Quantifiers in a Transformationless Grammar // Hendrick, R. (ed.). *Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics 3*. Stanford.
 Klein Sh. 1977. A base analysis of the floating quantifier in French // Kegl, J. A., Nash, D., Zaenen, A. (eds.). *Proceedings of 7th annual meeting of the North Eastern Linguistic Society*. Cambridge: MIT.
 Kobuchi-Philip M. 2007. Floating numerals and floating quantifiers // *Lingua*, vol. 117.
 Koopman H. 1986. The genesis of Haitian: Implications of a comparison of some features of the syntax of Haitian, French and West African languages // *Muy-*

- sken, Pieter C., Smith, Norval (eds.). Substrata versus universals in creole genesis (Creole Language Library 1). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Shlonsky U. 1991. Quantifiers as functional heads: A study of quantifier float in Hebrew // *Lingua*, vol. 84.
- Sportiche D. 1988. A Theory of Floating Quantifiers and its Corollaries for Constituent Structure // *Linguistic Inquiry*, vol. 19.

А. В. Яковлев

**ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЦЕНТРАЛЬНОКОЙСАНСКОГО
ЯЗЫКА НАМА-ДАМАРА (КОЙКОЙГОВАБ)
в свете щербовской фонологической теории**

Светлой памяти Лии Васильевны Бондарко

I. Обзор литературы, посвященной сравнению основных школ классической фонологии, мог бы составить отдельный труд. Среди работ самих щербианцев, разрабатывающих эту тему и уделяющих значительное внимание щербовской фонологической теории, можно назвать доклад [Зиндер 1967] (к сожалению, мало читаемый) и [Зиндер 1994]. Наиболее известны две отличительные черты этой теории. (1) Экспоненты разных фонем не могут быть одинаковы в одинаковом фонетическом контексте: в предложении «Сама поймала сома» первое и третье слово имеют один и тот же фонемный состав. (2) При определении инвентаря фонем следует учитывать абсолютно все слова языка. В частности, наличие слова «ы» – названия соответствующей буквы русского алфавита – достаточное основание для включения «ы» в список фонем русского языка (в то время как для [æ], например, и того нет). Л. Р. Зиндер подчеркивает [Зиндер 1967], что эти два признака щербианской (ленинградской) фонологии логически независимы друг от друга.

II. Среди лингвистов, не принадлежащих к щербовской школе, менее известны другие – не менее важные – особенности щербовской фонологии. Основной функцией фонемы полагается конститутивная (а не дистинктивная): фонема – «строительный материал» для морфем и слов. Фонема – потенциальная морфема [Зиндер 1977: 12]. Синтагматическое выделение экспонентов фонем в речевой цепи предшествует определению парадигмы фонем данного языка. Фонемой признается сегмент, внутри которого не может проходить ни морфемная, ни слоговая граница. Таким образом щербианство дает

простой и ясный критерий для решения вопроса о моно- или бифонемности сложных звуков, в частности дифтонгов и аффрикат. Фонема – единица, минимальная и по дистинктивности, и по автономности. Из этого следует, что фонемы есть не во всех языках, и мы делим языки мира на фонемные и слоговые. В этом отношении показательно рассуждение М. В. Гординой [Гордина 1966: 182] о принципиальной неразрешимости вопроса о том, обусловлена ли во вьетнамском языке в финалях [a:n] и [an:] долгота гласного краткостью согласного, или же наоборот, то есть – относить ли [a] и [a:] к разным фонемам, а [n] и [n:] к одной, или же [a] и [a:] – к одной, а [n] и [n:] – к разным. В. К. Журавлев, излагая историю представлений о неприменимости понятия фонемы к слоговым языкам [Журавлев 1966: 79], отправляется от рассуждения Л. В. Щербы: «...хотя в ближе к нам стоящих языках s, k, t, š и т. д. являются самостоятельными фонемами, но это отнюдь не является обязательным: можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного a, и в таком языке фонемами будут sa, ka, ta, ša и т. д., а не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите» [Щерба 1912: 8]. Применительно к слоговым языкам единица, минимальная по дистинктивности, именуется в современном шербианстве силлаботмемой, а единица, минимальная по автономности – силлабемой. В слоговых языках в общем случае «морфема совпадает со слогом, т. е. морфемные и слоговые границы совмещены, и, следовательно, слог представляет собой минимальную конститутивную единицу. Слог при этом строится по жесткой схеме: он состоит из ограниченного числа звуков, каждый из которых может занимать лишь определенную позицию по отношению к другим. Не допускается превращение конечно-слогового элемента в начально-слоговой и наоборот, как это постоянно происходит в фонемных языках... Членение слога на отдельные звуки уже не связано с потенциальной конститутивной функцией каждого из его элементов в отдельности» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2000: 11].

Фактически в целом ряде языков, за которыми в нашей традиции закрепилось название «слоговых», в качестве единицы, минимальной по автономности, может выступать *звуковой комплекс, меньший, чем слог* – М. В. Гордина приводит очень показательные примеры из бирманского и вьетнамского и несколько менее «прозрачные» из китайского [Гордина 1966: 181].

Априори следует предположить существование «слоговых» языков, показывающих картину, обратную вьетнамской и бирманской: таких, в которых силлаботемы в общем случае не являются потенциальными морфемами, а морфеме в общем случае может соответствовать *звуковой комплекс, охватывающий более одного слога и имеющий свою специфическую фонотактику*. (Двусложные морфемы – в том числе явно не заимствованные – обнаруживаются и в хорошо известных, так сказать, «классических», слоговых языках, в частности в китайском: *zhīzhū* «паук», но это отдельные, очень редкие случаи, и, кроме того, применительно к ним не может идти речь о системных ограничениях, например, на инициаль второго слога.)

Рассмотрим в связи с этим основные особенности звукового строя языка нама-дамара (среди лингвистов принято его искусственно возрожденное самоназвание – койкойговаб)¹.

¹ Язык койкойговаб, Khoekhoegowab (нама-дамара, Nama-Damara) – единственный из койсанских, не находящийся под непосредственной угрозой исчезновения. По сравнению с другими койсанскими языками он относительно подробно описан (см., например, обзор [Mafo 2001: 97-107] с краткой библиографией на с.106-107). Это родной язык примерно 240 тысяч человек – весьма непохожих друг на друга народов нама, дамара и хай-ом (Hai//om) (согласимся с В.Хааке [Haacke 2002: 12]: при всем разнообразии диалектов койкойговаб – это один язык). Он распространен в Намибии почти повсеместно, кроме северных и северо-восточных провинций. Немногочисленные носители койкойговаба проживают также в ЮАР. Кроме того, это второй язык старшего поколения рехоботских бастеров – потомков от смешанных браков людей европеоидной и койсанской рас, с некоторой примесью негроидной крови (их первым языком является африкаанс, точнее – диалект капских клёрлингов). Хотя койкойговаб не обладает официальным статусом, он имеет нормированную орфографию (последняя рекодификация была произведена в 1970-1977 годах [Khoekhoegowab Orthography 2003; Haacke 1999: 5]), на нем выходят в эфир регулярные теле- и

III. Звуковой строй койкойговаба ([Olpp 1977; Rust 1965: iii-v, 1-4; Нааске 1999], в меньшей степени – наблюдения автора) чрезвычайно своеобразен¹. Имеются 6 кратких и 5 долгих чистых монофтонгов: *a, e, i, o, u, ə, ā, ē, ī, ō, ū*. 3 долгих носовых монофтонга: *â, î, û*². Богатая система чистых и носовых дифтонгов: *ae, ai, ao, au, oa, oe, ui, âi, âu, ôa, ûi, îa*. Дифтонги *oa, oe, ui*, отождествленные Ольпом [Olpp 1977: 6] с бурскими нисходящими, по нашим слуховым впечатлениям – восходящие. Атрибуция *ôa, ûi* и *îa* как восходящих или нисходящих требует дополнительного исследования. Остальные дифтонги, бесспорно, нисходящие. Примечательны противопоставления *au ~ ao* и *ai ~ ae*. В первых членах этих пар первая часть дифтонга может реализовываться более закрыто, чем во вторых; кроме того, в этих случаях различие по открытости – закрытости второй части дифтонга может исчезать. Таким образом, открытость / закрытость характеризует дифтонг в целом, а ее локализация допускает варьирование. С точки зрения В. Хааке, не слыжавшего, по его собственному признанию, о делении языков на слоговые и фонемные [Хааке 2005], различие между неслогообразующими *i* и *o*, а равно и различие между неслогообразующими *i* и *e*, является фонематическим, а между открытым и закрытым *a* – чисто фонетическим [там же].

Назализация койкойговабских гласных для нетренированного слуха почти незаметна. Носовые монофтонги противопоставлены

радиопередачи, издаются книги, ведется преподавание в начальных школах, эпизодически появляются отдельные статьи в газете «Нью эра». Морфологический строй – промежуточный между аналитическим и агглютинативным, с отдельными элементами флексии (в частности, в склонении существительных и местоимений). Имеется 5 несомненно грамматических глагольных времен. Спряжение отсутствует. В словообразовании представлены основосложение и суффиксация (префиксов, как и предлогов, нет), а также непосредственное присоединение именных окончаний к адъективным и глагольным корням. Достаточно распространен такой способ словообразования, как мена грамматического рода.

1 По техническим причинам, там, где это возможно, мы отдаем предпочтение орфографической записи перед МФА.

2 Орфографически назализация передается циркумфлексом.

чистым даже перед закрывающим слог носовым согласным (который также составляет мору). Авторы [Khoekhoegowab Orthography 2003], в частности В. Хааке (устное сообщение), возводят слоги, содержащие двуморный гласный (долгий или дифтонг), к двуслогам с интервокальным носовым согласным (если двуморный гласный носовой) и с интервокальным *g* или *w* (если двуморный гласный чистый), но при этом и в современном языке допускаются корни-двуслоги со средним интервокальным *m*, *n*, *r* или *w*, а условия стяжения не выяснены, более того, имеется множество фонологических дублетов вроде *ta-rare* (по акцентуированной орфографии В. Хааке – *tàràre*) – *tāre* (*tààre*) «женский». Имеются 2 низких и 2 высоких тона. Носитель тона – мора, в т. ч. носовой сонант, закрывающий слог. Обозначение тонов, от самого низкого к самому высокому, в акцентуированной орфографии В. Хааке, применяемой в современных описаниях: 1. a``, 2. à, 3. á, 4. a'' [Naaske, Eiseb 2002: 2002: v]¹. Наиболее распространены 6 тональных рисунков двуморного слога, три – редки, один – чрезвычайно редок, 6 теоретически возможных сочетаний в пределах слога отсутствуют. Характерны сандхи тонов, подробно описанные В. Хааке [Naaske 1999]. Есть единичные случаи сандхи сегментов. Морфемы, как правило, односложны либо двусложны, либо не составляют слога (шумный согласный на конце слога). Морфемы, как правило, односложны либо двусложны, либо не составляют слога (шумный согласный на конце слога). Корневые морфемы содержат две либо – очень редко – три моры. Шумный согласный на конце слога (только *s*, *ts*, *b*) может быть только грамматическим показателем либо местоимением-энклитикой. Различаются от 11 до 16 эгрессивных (обычных) согласных и 20 кликсов (щелкающих). Эгрессивные: *p*, *t*, *k* (орфографич. *p*, *t*, *k* в начале слогов высоких тонов, *b*, *d*, *g* – низких, в конце слога – *b*), *kh* (придыхательное [*kʰ*]) либо аффриката [*kx*], глухое фарингальное *h*, *x* ([*x*] либо [*χ*]), *s*, *ts*, *m*, *n*, *r*; в заимствованиях также *f*, *j* (йот), *l* и, по нашим наблюдениям, губно-зубное *v*. Интервокальное *p* в середине морфемы реализуется как [*w*] или [*β*]

¹ По технической причине знаки тонов ставятся в этой статье в ряде случаев не над основным знаком, а справа от него.

(орфографически – *w*); таким образом, *p* и *w* являются в койкойговабе как бы «афонематическими» пограничными сигналами, первый – положительным, второй – отрицательным («афонематическими» – в том смысле, что соответствующие звуки не составляют двух разных фонетических единиц, минимальных по смысловоразличительности, но можно ли считать, что в койкойговабе есть фонемы – вопрос пока открытый).

Клиksы группируются в 4 локальных ряда: | (/) – дентальный, ! – ретрофлексный постальвеолярный, ‡ (≠) – дорсальный альвеолярный, || (//) – латеральный. Встречаются без аккомпанемента (орфографически – в сочетании с *k* либо *g* – в зависимости от тона) либо в соединении с гортанной смычкой (что орфографически обозначается отсутствием дополнительного знака), назализацией (*|n* и т. д.), придыханием (*|h* и т. д.), [*x*], варьирующим с [*χ*] (орфографически *|kh* и т. д., вне зависимости от тона). Внутри сложных кликсов не может проходить ни морфемной, ни слоговой границы. Заметим попутно: их восприятие носителями языка как целостных сущностей проявилось, в частности, в том, что пастор Э. Эйсеб, создавший койкойговабскую орфографию, трактовал комплексы типа *!kh* как единые буквы, хотя и состоящие из более чем одного графического знака, и это следует учитывать при отыскании слов в словарях. В пользу «целостного» восприятия глоттализированных кликсов косвенно свидетельствует отсутствие знака для гортанного взрыва (кроме случаев мнимого зияния). Гортанный взрыв, прикрывающий¹ любой «начальный» гласный слога в полном типе произнесения¹, никак не обозначается и, по-видимому, не воспринимается как отдельный звуковой сегмент.

Клиksы встречаются только в начале слога и притом только в начале корневой морфемы. Возможность кликса исключительно в начале корня – особенность именно койкойговаба. В близкородственном ему языке наро есть, например, кликсованное окончание множественного числа мужского рода *-//kwa* (наряду с *-čī*) [Greenberg 1966: 69]. Указанное свойство, тем более в сочетании с такой

¹ Термин «полный тип произнесения» употребляется здесь вслед за Л. В. Бондарко и соавторами [Бондарко и др. 1974].

особенностью, как отсутствие префиксации (а равно и предлогов), делает кликсы ценными положительными межсловными пограничными сигналами (фонематическими – если позволительно употреблять термины «фонематический» и «афонематический» по отношению к пограничным сигналам нефонемных языков).

IV. Структура слога в исконных словах и старых заимствованиях (преимущественно из африкаанс): (1) одиночный согласный (в том числе аффриката или сложный кликс) либо твердый приступ, (2) гласный (долгий или краткий монофтонг, либо чистый или носовой дифтонг – напомним, что кратки только чистые монофтонги), (3) в случае краткого гласного, факультативно – сонант *m*, *n* или *r*, составляющий мору и также несущий на себе тон, (4) факультативно – *s* (грамматический показатель), а при отсутствии тонированного сонанта в позиции «(3)» четвертая позиция может замещаться также согласным *b* или *ts* – это тоже грамматические показатели (при наличии тонированного сонанта в позиции «(3)» они имеют другие алломорфы, составляющие отдельный слог: *mi* и *ni* – вместо *b* – и *tsi* вместо *ts*, а в заимствованиях, не полностью адаптированных фонетически, после согласного вместо *b* употребляется алломорф *i*, с рессиллабацией: *skoli* «школа»). По нашим наблюдениям, в быстрой речи, в том числе дикторской, конечнослоговой шумный может отходить к началу следующего «неприкрытого» слога, вытесняя твердый приступ. При отсутствии тонированного сонанта в позиции «(3)» четвертая позиция также может замещаться тонированным сонантом *m* или *n* (грамматическими показателями); практически это встречается только после долгого гласного – долгого монофтонга (чистого или носового), чистого дифтонга, носового дифтонга; таким образом, грамматические показатели *m* и *n* в конце слога составляют третью мору.

Как показал В. Хааке [Haaske 1999, Хааке 2005], открытый слог, содержащий краткий гласный, не может быть корнем, и любой корень содержит от двух до четырех мор (по терминологии самого В. Хааке – «слов»). В. Хааке, по сути дела, открыл в койкойовабе мору как фонологически значимую единицу, что, в частности, позволило «сократить» количество тонем до четырех и, кроме того, обна-

ружить запрет на одноморные корни. Наш намибийский коллега несколько раз употребляет слово «мора» в своем основном фонетическом труде [Нааске 1999], но тем более странно, что он отождествляет эту единицу со слогом, ссылаясь на данные экспериментальной фонетики (динамические пики) [Хааке 2005]. Таким словоупотреблением В. Хааке как бы выводит за пределы фонологически значимого слог в вышеописанном понимании, хотя трактовка моры как слога, на наш взгляд, имеет и преимущество: она устраняет типологически неправдоподобное различие чистых и носовых гласных перед носовым согласным, закрывающим слог.

Структура истинно двусложного корня: (1) одиночный согласный (в том числе аффриката или сложный кликс) либо твердый приступ, (2) краткий гласный (напомним, что кратки только чистые монофтонги), (3) сонант *m*, *n* или *r*, не составляющий моры и не несущий на себе тона, (4) краткий гласный. Каждый из двух кратких гласных составляет мору и несет тон.

Если первая мора корня – гласный *o*, то вторая не может быть гласным *u*, аналогично – для *e* и *i* (“no mid V before close V” – [Хааке 2005]). Это правило не зависит от того, двусложен корень или односложен, и имеется ли в двуморном слоге восходящий дифтонг или нисходящий.

Некоторые корни фонологически дублетны – могут быть и двусложными, и односложными: «два» – /gámà (исторически, как указывает В. Хааке [Хааке 2005], первичное) и /gám (с переносом тонемы на согласный).

Четырехморные и трехморные корни – tsùùxíù «ночь», áàxa `` «подросток», kh ``oèsè, вариант kh ``oèsì «девять», dì ``ísí, «десять» – исключительно редки, как и китайские двусложные морфемы (zhīzhū «паук», nùlì «раб» и т. д.)

V. Из сказанного можно сделать следующий вывод. В языке нама-дамара (койкойговаб) обнаруживается, наряду с морой и слогом, фонологически значимая строго структурированная единица, которую можно было бы назвать метасиллабемой. Она может содержать одну, две или три моры, составлять – в случае двух или трех мор – либо один, либо два слога, причем в случае трех мор, независимо от

односложности или двусложности, третьей морой является тонированный *m* и *n* (грамматический показатель).

В общем случае метасиллабема изоморфна морфеме. Частные случаи – это грамматические показатели рода и числа (либо энклитические местоимения) *b*, *s*, *ts*, *m* и *n* (причем *m* и *n* составляют третью мору). Они как бы «врастают» в последнюю метасиллабему именной основы, подобно тому, как китайский суффикс *ər* фонетически «вращает» в предшествующую ему морфему и образует с ней один слог. Если оставить в стороне фонетически не полностью освоенные заимствования, а также короткий список местоимений, то это в койкойговабе единственный случай межморфемной границы внутри слога. Заметим также, что за исключением указанных грамматических показателей ни один согласный в этом языке не является потенциальной морфемой. Другой частный случай изоморфности метасиллабемы морфеме – это чрезвычайно немногочисленные трех- и четырехморные (двусложные) корни. Как было показано выше, это также имеет аналоги в «классическом» слоговом языке – китайском. Третий и четвертый частные случаи – это несколько сегментов, традиционно характеризующихся как притяжательные местоимения и краткие формы личных местоимений (*tí* «я», *te* «меня» и др.), и несколько суффиксов, регулярно вызывающих ресиллабацию (*sì^h-i-sèn* «работать» – *sì^h-i-sè-nũ* «использовать»).

Метасиллабема – единица, аналогичная слогу «классических» слоговых языков – не идентична слогу, но ее строение и функция позволяют отнести язык нама-дамара (койкойговаб) к тому типу, за которым в щербовской фонологической традиции закрепилось название слогового (в противоположность фонемному).

Таблица 1. Обобщенная фонотактическая структура койкойговабской метасиллабемы

I	II	III	IV	V	VI
Любой согласный (в частности, твердый приступ)	Краткий гласный	Ноль		Ноль b ts	Ноль
				Ноль m _{mor} n _{mor} ɾ _{mor}	Ноль s
		Ноль m n ɾ p ([w] ~ [β]) Назализация (распространяется «влево» и «вправо»)	Краткий гласный	Ноль b s ts m _{mor} n _{mor}	

VI. За рамками настоящего сообщения остается рассмотрение диахронических тенденций в фонетической типологии койкойговаба. В самом общем плане можно сказать, что в этом языке действуют две противоположные тенденции. Первая обусловлена внутренним структурным вектором и имеет в пределе состояние «одна морфема – один слог». Вторая же обусловлена довольно длительным и очень тесным контактом с германским языком африкаанс и имеет в пределе распад слогового строя и превращение койкойговаба в фонемный язык.

Литература

- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. 2000. Основы общей фонетики: Учеб. Пособие. 3-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. 1974. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания, №2.
- Гордина М. В. 1966. О различных функциональных единицах языка // Исследования по фонологии. М.: Наука.
- Журавлев В. К. 1966. Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Исследования по фонологии. М. Наука.
- Зиндер Л. Р. 1967. Основные фонологические школы // А. Г. Руднев (ред.). Уч. зап. Ин-та им. Герцена. (Вопросы общего языкознания. М-лы респ. семинара преподавателей общего языкознания. 12-16 окт. 1965). Л.: Госпединститут им. Герцена.
- Зиндер Л. Р. 1977. Фонема и морфема // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.
- Зиндер Л. Р. 1994. Бодуэн, Щерба и истоки фонологической теории Трубецкого. // Вопросы языкознания, №4.
- Касевич В. Б. 1983. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука.
- Хааке В. 2005. Письмо от 18 марта 2005 автору этого сообщения.
- Щерба Л. В. 1912. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих. (Репринтное издание: Л.: Наука, 1983.)
- Greenberg J. H. 1966. The languages of Africa. The Hague: Mouton.
- Haacke W. H. G. 1966. The tonology of Khoekhoe (Nama/Damara). // Quellen zur Khoisan-Forschung, Band 16. Köln: Rüdiger Köppe.
- Haacke W. H. G. 2002. Linguistic evidence in the study of origins: the case of the Namibian Khoekhoe speakers. Inaugural lecture delivered at the University of Namibia on 7 September 2000. Windhoek: University of Namibia.
- Haacke W. G. H., Eiseb E. 2002. A Khoekhoegowab dictionary with an English-Khoekhoegowab index. Windhoek.
- Khoekhoegowab Orthography 2003 – Khoekhoegowab 3||î xoa|gaub Orthography 3. Windhoek: Gamsberg Macmillan.
- Maho J. F. 2001. Few people, many tongues: The languages of Namibia. Windhoek: Gamsbeg Macmillan.
- Olpp J. 1977. Nama-Grammatika. Soos verwerk deur H. J. Krüger. Windhoek: Inboorlingtaalburo van die Departement van Bantu-onderwys.

Rust F. 1965. Praktische Namagrammatik; auf Grund der Namagrammatiken von H. Vedder und J. Olpp (Communications from the School of African Studies, University of Cape Town. No. 31). Cape Town – Amsterdam: A.A.Balkema.